
ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

№ 4 (26)

2016

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель –

Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации

Редакционный совет

д.ю.н., профессор Гилинский Я.И. (СПб., РГПУ им. Герцена)
д.ю.н., доцент Готчина Л.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
к.философ.н. Позднякова М.Е. (Москва, Институт социологии РАН)
д.с.н., профессор Егорышев С.В. (Уфа, ВЭГУ)
д.с.н., профессор Невирко Д.Д. (Красноярск, Сибирский Федеральный университет)
д.ю.н., профессор Нигматуллин Р.В. (Уфа, УЮИ МВД России)
д.с.н., профессор Коробов В.Б. (Москва, Академия управления МВД России)
д.ю.н., профессор Дубровин С.В. (Москва, Московский университет МВД России)
д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ и ТАССР Малков В.П. (Казань, КЮИ МВД России)
д.техн.н. профессор Минниханов Р.Н. (Казань, Управление ГИБДД МВД по РТ)
д.пед.н., профессор Габдулхаков В.Ф. (К(П)ФУ)
д.ю.н., профессор Безверхов А.Г. (Самара, СГАУ им. С.П. Королева)
д.с.н., профессор Балахонский В.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
д.ю.н., профессор Варыгин А.Н. (Саратов, СГЮА)
д.ю.н., профессор Павличенко Н.В. (Москва, ВНИИ МВД России)

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, доцент Зиннуров Ф.К., начальник Казанского юридического института МВД России

Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент Миронов С.Н., заместитель начальника КЮИ МВД России по научной работе

Члены редакционной коллегии:

д.ю.н. Алиулов Р.Р., начальник кафедры адм. права, адм. деятельности и управления ОВД
д.ю.н., доцент Андреев М.В., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
к.ю.н., доцент Гарафутдинов М.Р., заместитель начальника КЮИ МВД России по учебной работе
д.пед.н., к.ю.н., профессор Казанцев С.Я., профессор кафедры криминалистики
д.с.н., профессор Комлев Ю.Ю., профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии
к.филос.н., доцент Фаткуллин Ф.Ф., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
д.э.н., профессор Хадиуллина Г.Н., профессор кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности ОВД
к.пед.н., доцент Хрусталева О.Н., начальник редакционно-издательского отделения
д.пед.н., профессор Чанышева Г.Г., профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
к.ю.н., доцент Шалагин А.Е., начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права

Выходит с 2010 года ежеквартально

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
29 июня 2012 г. Регистрационный номер ПИ № ФС 77-50418

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (e-library)

Журнал распространяется только по подписке

Наш индекс в журнале «Газеты. Журналы» ОАО «Агентство Роспечать» - 84683

Главный редактор Ф.К. Зиннуров

Корректоры О.Н. Хрусталева, Н.А. Климанова Дизайн, верстка Г.А. Гиниятуллина Перевод Г.Г. Тазеев

© Казанский юридический институт МВД России. Редакционно-издательское отделение

420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России: 420108, г. Казань, ул. Магистральная, 35

Подписано в печать 15.12.2016 г. Формат 60х84 1/8 Усл.печ.л.13,85 Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Тираж 200 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

<u>CONTENTS</u>	4
<u>ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО</u>	
Демидов В.Н. К вопросу о месте и роли конституционных (уставных) судов в региональной системе обеспечения безопасности.....	6
Кравцова Е.А. О некоторых проблемах формирования системы государственных органов в Российской Федерации.....	11
Елфимова Е.В., Коркин А.В. Особенности обеспечения законности при применении сотрудниками полиции мер административного принуждения.....	17
Фазлиева Л.К. Гражданско-правовые средства противодействия коррупционным правонарушениям.....	26
Курникова С.С. Понятие и признаки гражданско-правовой ответственности как меры государственного принуждения	29
<u>УГОЛОВНОЕ ПРАВО и КРИМИНОЛОГИЯ</u>	
Варыгин А.Н. Преступность представителей различного возраста.....	33
Шалагин А.Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.....	36
Абдулганеев Р.Р. Некоторые аспекты противодействия проявлениям религиозного экстремизма и терроризма в условиях реализации Федерального закона от 6 июня 2016 г. №374-ФЗ («Закона И.А. Яровой»).....	40
Артюшина О.В. Частичная декриминализация побоев как экономия мер уголовной репрессии.....	44
Репьев А.Г. Правовое регулирование деятельности по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: федеральный и региональный аспекты (на примере Алтайского края).....	47
<u>УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД и КРИМИНАЛИСТИКА</u>	
Омелин В.Н. К вопросу организации оперативно-розыскной деятельности по выявлению краж нефти и горюче-смазочных материалов.....	52
Левченко О.В. Функции потерпевшего по делам частного обвинения в уголовном судопроизводстве.....	56
Дронова О.Б., Прокофьева Е.В. Инновационные разработки, предназначенные для технико-криминалистического сопровождения процесса выявления и расследования преступлений в сфере потребительского рынка	60
Янин С.А. О некоторых аспектах организации расследования преступлений в сфере исполнения государственного оборонного заказа и в оборонно-промышленном комплексе России.....	65
Сенатов А.В., Чайковский А.А. Некоторые аспекты использования оперативными подразделениями помощи специалистов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.....	68

Шайдуллина Э.Д.	
Вопросы участия законных представителей несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве	72
Демидова-Петрова Е.В.	
Формы проявления экстремизма в молодежной среде в современных условиях.....	75
<u>ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ</u>	
Демин А.В.	
Совершенствование налоговой культуры как важнейшая предпосылка перехода к «партнерской» модели налогового администрирования.....	81
Желонкина Е.А.	
Представление достижений обучающихся в электронной информационной образовательной среде посредством формирования портфолио.....	86
<u>Трибуна Молодым</u>	
Ахмадуллина А.Ф.	
Неправомерное использование инсайдерской информации: межотраслевые связи гражданского и уголовного права.....	91
Саетгараев В.Ф.	
Взаимодействие органов внутренних дел и общественных объединений в сфере противодействия коррупции.....	96
Беляев Р.В.	
К вопросу о детерминации сущности досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе России.....	101
Помощикова Н.В.	
Домашний арест в России: от меры наказания до меры пресечения.....	105
Гараев М.И.	
Ключевые компетенции как результат образования в контексте развивающего обучения.	108
Сафаров И.Г.	
Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества: юридико-технический анализ.....	112
Тасаков В.С.	
Условное осуждение как обстоятельство, смягчающее уголовную ответственность.....	115
<u>Из опыта работы</u>	
Омельянович В.В.	
О некоторых вопросах образовательной деятельности вузов системы МВД России.....	118
Сидорова И.В.	
О реализации мероприятий, направленных на повышение эффективности научной деятельности академии.....	121
Рыбалкин Д.А.	
Использование соревнований по боевым приемам борьбы в учебном процессе по физической подготовке с курсантами и слушателями вузов МВД России.....	123
<u>Научная жизнь</u>	
Рогова Е.В.	
Рецензия на рукопись монографии Ефремовой М.А. «Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий».....	125
<u>Юбилей</u>	
Виктору Павловичу Малкову - 85 лет.....	128
Перечень статей, опубликованных в 2016 году.....	131
<u>ABSTRACTS AND KEY WORDS</u>	136

CONTENTS

<u>CONTENTS</u>	4
<u>STATE, CIVIL, ADMINISTRATIVE LAW</u>	
Demidov V.N. On the question of the place and role of the constitutional (authorized) courts in the regional security system	6
Kravtsova E.A. On some problems of formation the system of state authorities in the Russian Federation	11
Elfimova E.V., Korkin A.V. Features of the rule of law in the application of police administrative enforcement	17
Fazlieva L.K. Civil-legal means to counter corruption offenses	26
Kournikova S.S. The concept and features of civil liability as a measure of state coercion (continued discussion)...	29
<u>CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY</u>	
Varygin A.N. Crime representatives of different ages	33
Shalagin A.E. Criminological characteristics of the person occupying the highest position in the of the criminal hierarchy	36
Abdulganeev R.R. Some aspects of counteraction to manifestations of religious extremism and terrorism in terms of realization of the Federal law of June 6, 2016 No. 374-FZ (« The Law of I.A. Yarovoy»)	40
Artyushina O.V. Partial decriminalization of battery as saving of measures of criminal repression	44
Repev A.G. Legal regulation of activities of crime prevention prevent crimes in the sphere of family relations: federal and regional aspects (for example, the Altai Territory)	47
<u>A CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINALISTICS</u>	
Omelin V.N. On the question of the organization of operational and investigative activities to identify the theft of oil and lubricants	52
Levchenko O.V. Functions of the victim in cases of private prosecution in criminal proceedings	56
Dronova O.B. , Prokofieva E.V Innovations designed for technical and forensic support of the process of detection and investigation of crimes in sphere of the consumer market	60
Yanin S.A. Some aspects of the organization of investigation of crimes in the sphere of implementation of the state defense order, and the military-industrial complex of Russia	65
Senatov A.V., Tchaikovsky A.A. Some aspects of using specialists' help under implementation of operative-search activity by the operative subdivisions	68
Shaydullina E.D. Questions of participation of legal representatives of minors in criminal trial	72
Demidova-Petrova E.V. The forms of extremism in the youth environment in modern conditions	75

HUMANITIES

Demin A.V.

Improving the tax culture as an essential prerequisite for the transition to a «partner» of the tax administration model	81
--	----

Zhelonkina E.A.

Presentation of the achievements of students in the educational environment of electronic information by forming portfolio	86
--	----

TRIBUNE for the YOUNG

Ahmadullina A.F.

Misuse of Insider Information: intersectional links of civil and criminal law	91
---	----

Saetgaraev V.F.

Interaction of law-enforcement bodies and public associations in the field of anti-corruption ...	96
---	----

Belyaev R.V.

On the question of the determination of the essence of the pre-trial agreement on cooperation in the criminal trial of Russia	101
---	-----

Pomoshchikova N.V.

House arrest in Russia on penalties to preventive measures	105
--	-----

Garaev M. I.

Key competences as a result of education in the context of developing training	108
--	-----

Safarov I.G.

Organization of activities on attraction money and (or) other property: legal and technical analysis	112
--	-----

Tasakov V.S.

Conditional condemned as a circumstance mitigating criminal responsibility	115
--	-----

FROM EXPERIENCE

Omelyanovich V.V.

On some issues of education at higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia	118
--	-----

Sidorova I.V.

On the implementation of measures aimed at improving the efficiency of the scientific activities of the Academy	121
---	-----

Ribalkin D.A.

Using of competitions in martial combat techniques in the educational process on physical training of cadets and students of Ministry of Internal Affairs of Russian universities	123
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Rogova E.V.

A review of the manuscript of the monograph Ephraimova M.A. «Criminal liability for crimes committed with the use of information and communication technologies»	125
--	-----

ANNIVERSARIES

V.P. Malkov - 85 years	128
------------------------------	-----

List of articles published in 2016	131
--	-----

ABSTRACTS AND KEY WORDS.....	136
------------------------------	-----

УДК 342.97

В.Н. Демидов

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ И РОЛИ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье раскрываются место и роль конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации среди органов государственной власти, наделяемых полномочиями по обеспечению безопасности. Для этого в статье определяется конституционная основа распределения ответственности по обеспечению безопасности между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, а также сложившаяся в России система актов нормативного правового регулирования безопасности. На этой основе выделяются специальные правовые меры, применяемые конституционными (уставными) судами как субъектами обеспечения безопасности.

Ключевые слова: конституционные (уставные) суды, национальная безопасность, правовые нормы, правовое регулирование безопасности, обеспечение безопасности, органы государственной власти.

Для отечественной правовой системы развитие конституционного (уставного) правосудия стало новым шагом в укреплении судебной власти, нацеленном на обеспечение безусловной реализации положений Конституции Российской Федерации [1], а также конституций и уставов ее субъектов. Посредством данного вида судебной деятельности достигается гарантирование верховенства конституционных норм, их прямое действие на всей территории государства, проведение государственной политики в строгом соответствии с духом и буквой Основного закона. Конституционное правосудие обеспечивает гражданам защиту их прав и свобод от неконституционного правового регулирования.

Важно отметить, что при оценке эффективности конституционного (уставного) правосудия в системе государственной власти особое научно практическое значение имеет определение места и роли конституционных (уставных) судов среди органов государственной власти, наделяемых полномочиями по обеспечению безопасности, поскольку основные права и свободы человека и гражданина на основании статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации могут быть ограничены в целях обеспечения безопасности государства.

В связи с этим следует отметить, что согласно пункту «м» статьи 71 Конституции Российской Федерации безопасность наряду с обороной от-

несена к исключительному ведению Российской Федерации и поэтому в соответствии с частью 1 статьи 76 Конституции Российской Федерации подлежат нормативному правовому регулированию в Российской Федерации посредством издания федеральных законов.

Вместе с тем статья 72 Конституции Российской Федерации относит обеспечение отдельных видов безопасности, в частности обеспечение общественной безопасности, к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, тем самым допуская в соответствии с частью 2 статьи 76 Конституции Российской Федерации нормативное правовое регулирование отдельных видов безопасности наряду с федеральными законами посредством законов и иных нормативных правовых актов, издаваемых субъектами Российской Федерации в соответствии с указанными федеральными законами.

Таким образом, если статья 55 Конституции Российской Федерации, по сути, признает безопасность государства в качестве критерия для ограничения основных прав и свобод в России посредством принятия федеральных законов, то статьи 71 и 72 Конституции Российской Федерации предоставляют возможность законодательного регулирования отдельных видов безопасности как для Российской Федерации (посредством принятия соответствующ-

Демидов Виктор Николаевич, кандидат юридических наук, профессор, начальник Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан
e-mail: ru16@minjust.ru

© Демидов В.Н., 2016

Статья получена: 01.11.2016

щих федеральных законов), так и для субъектов РФ (посредством принятия в соответствии с федеральными законами своих законов и иных нормативных правовых актов, регулирующих обеспечение отдельных видов безопасности, в частности обеспечение общественной безопасности).

Анализируя действующие конституционные установления, следует отметить, что исходной точкой законодательного регулирования отношений безопасности в России в свое время стал принятый в соответствии с Конституцией РСФСР Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-I «О безопасности» [4], положения которого сегодня утратили силу, получив дальнейшее развитие в нормах Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [7], принятого в соответствии с Конституцией Российской Федерации. В связи с этим проведение исследования современной законодательной базы, регуливающей отношения безопасности, невозможно без учета положений Закона Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-I «О безопасности».

При этом следует учесть, что если статьи 55, 71, 72 Конституции Российской Федерации определяют конституционные основания для законодательного регулирования безопасности в России, то статья 6 Закона Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-I «О безопасности», а также статья 5 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» формально выделяют так называемые «законодательные основы обеспечения безопасности» или «правовую основу обеспечения безопасности». Анализируя данные специальные категории, можно составить сводный перечень актов нормативного правового регулирования безопасности, в которых закрепляются конституционные, а также иные правовые нормы, регулирующие отношения безопасности.

В соответствии со статьей 5 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» с учетом положений Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [5] логично составить следующий, соответствующий действующей Конституции Российской Федерации, перечень актов нормативного правового регулирования безопасности в России, который позволяет определить место и роль конституционных судов среди органов обеспечения безопасности:

- 1) Конституция Российской Федерации;
- 2) акты международного права, устанавливающие общепризнанные принципы и нормы правового регулирования безопасности;
- 3) международные договоры Российской Федерации, заключенные по вопросам обеспечения без-

опасности и ратифицированные Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в форме федеральных законов, одобренные Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и подписанные Президентом Российской Федерации в соответствии с положениями Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»;

4) федеральные конституционные законы, регулирующие отношения в области безопасности;

5) Федеральный закон «О безопасности», иные федеральные законы, нормативные правовые акты Российской Федерации в области безопасности;

6) законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции в области безопасности;

7) нормативные правовые акты органов местного самоуправления, принятые в пределах их компетенции в области безопасности.

Таким образом, если Конституция Российской Федерации непосредственно допускает нормативное правовое регулирование безопасности и отдельных ее видов, посредством принятия законов (федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации), то нормы Федерального закона «О безопасности», а также действовавшие ранее нормы Закона Российской Федерации «О безопасности» предоставляют возможность Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, а также муниципальным образованиям издавать в области обеспечения безопасности наряду с федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации иные нормативные правовые акты в пределах установленной компетенции.

С нашей точки зрения, такой исторически сложившийся в России расширенный подход нормативного правового регулирования безопасности, по сути, не противоречит действующим конституционным установлениям, так как детализирует их и конкретизирует деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления, наделяемых полномочиями по обеспечению отдельных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации в соответствии со статьями 1, 4 Федерального закона «О безопасности». При этом необходимо заметить, что в совокупности отдельные виды безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации, в обобщенном виде определяются законодателем как национальная безопасность.

В соответствии с частью 1 статьи 4 Федерального закона «О безопасности» составленный перечень актов нормативного правового регулирования

безопасности дополняют стратегии национальной безопасности Российской Федерации, иных концептуальных и доктринальных документов, разрабатываемых Советом Безопасности и утверждаемых Президентом Российской Федерации. В связи с этим важно назвать действующие в настоящее время Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 [9], и Концепцию общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденную Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. № Пр-2685 [10].

Оценивая юридическое значение Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, следует подчеркнуть, что в соответствии со статьей 18 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [8] акты такого рода признаются базовыми документами в области планирования развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, в которых определяются порядок действий и меры по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации.

Действующая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации как базовый документ в области планирования развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации:

- содержит приоритеты, цели и меры в области внутренней и внешней политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также оценку текущего состояния национальной безопасности Российской Федерации и оценку угроз национальной безопасности Российской Федерации на долгосрочный период;

- определяет национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также цели и задачи обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в различных областях и сферах развития Российской Федерации и соответствующие направления деятельности по противодействию угрозам национальной безопасности Российской Федерации;

- выделяет организационные, нормативные правовые и информационные основы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

- содержит основные показатели состояния национальной безопасности Российской Федерации и иные положения, определенные Президентом Российской Федерации.

В соответствии со статьей 79 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [2] в перечень актов нормативно-правового регулирования безопасности в России, составленный в соответствии со статьей 5 Федерального закона «О безопасности», необходимо также включить решения Конституционного Суда Российской Федерации, принятые в области безопасности в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральными конституционными законами от 21 июля 1994 г. №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [3]. К примеру, постановления Конституционного Суда Российской Федерации о соответствии Конституции Российской Федерации положений Федерального закона «О безопасности» или других федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации в области безопасности.

Обобщив изложенные позиции, полный перечень актов нормативного правового регулирования безопасности в России, необходимый для оценки места и роли конституционного (уставного) правосудия в системе органов обеспечения безопасности, предлагаем составить следующим образом:

- 1) Конституция Российской Федерации;
- 2) решения Конституционного Суда Российской Федерации в области безопасности, принятые им в пределах компетенции, установленной Конституцией Российской Федерации, Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» и Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации»;
- 3) акты международного права, устанавливающие общепризнанные принципы и нормы в области безопасности;
- 4) международные договоры Российской Федерации, заключенные по вопросам обеспечения безопасности и ратифицированные Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в форме федеральных законов, одобренные Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и подписанные Президентом Российской Федерации в соответствии с положениями Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»;
- 5) федеральные конституционные законы, регулирующие отношения в области безопасности;
- 6) Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности» и другие федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, принятые в области безопасности;

7) законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, принятые в области безопасности;

8) нормативные правовые акты органов местного самоуправления, принятые в области безопасности;

9) стратегии национальной безопасности Российской Федерации и иные концептуальные и доктринальные документы, разрабатываемые Советом Безопасности и утверждаемые Президентом Российской Федерации.

Центральное место в составленном перечне актов нормативного правового регулирования безопасности занимает Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности».

Сравнительный анализ Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности» и Закона Российской Федерации от 5 марта 1992 года № 2446-1 «О безопасности» позволяет отметить, что ранее в статье 2 Закона Российской Федерации «О безопасности» основным субъектом обеспечения безопасности справедливо признавалось государство, осуществляющее функции в этой области через органы законодательной, исполнительной и судебной властей. В Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» данное установление утрачено. При этом в статье 4 указанного закона в качестве субъектов обеспечения безопасности признаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления.

При таком законодательном подходе предлагается в качестве основных субъектов обеспечения безопасности в Российской Федерации рассматривать публичные образования (Российскую Федерацию, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования), осуществляющие функции в этой области через федеральные органы государственной власти, в том числе Конституционный Суд Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, в том числе конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, предусмотренные Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [6].

Следует также заметить, что органы местного самоуправления, выделенные из системы государственной власти согласно статье 131 Конституции Российской Федерации и главе 4 Федерального закона от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», с одной стороны, могут наделяться федеральными законами либо закона-

ми субъектов Российской Федерации отдельными государственными полномочиями Российской Федерации или государственными полномочиями субъектов Российской Федерации по обеспечению отдельных видов безопасности, которые осуществляются органами местного самоуправления под контролем органов государственной власти. С другой стороны, в силу Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» органы местного самоуправления уполномочены решать вопросы местного значения в области обеспечения отдельных видов безопасности. К примеру, к вопросам местного значения в области обеспечения отдельных видов безопасности следует отнести: обеспечение безопасности дорожного движения на автомобильных дорогах местного значения в границах муниципального образования, обеспечение первичных мер пожарной безопасности в границах муниципального образования, организация мероприятий по охране окружающей среды в границах муниципального образования, осуществление муниципального контроля в области использования и охраны особо охраняемых природных территорий местного значения, осуществление мероприятий по обеспечению безопасности людей на водных объектах в границах муниципального образования и др. В рамках нормативного правового регулирования безопасности на основании статьи 7 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» по вопросам местного значения в области безопасности и вопросам осуществления отдельных переданных государственных полномочий по обеспечению безопасности органы местного самоуправления вправе издавать собственные нормативные правовые акты (так называемые муниципальные нормативные акты).

Органы государственной власти в отличие от органов местного самоуправления наделяются полномочиями по обеспечению безопасности Российской Федерацией или субъектами Российской Федерации, которые определяются конституциями, уставами, законами субъектов Российской Федерации, а также иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, соответствующими Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, федеральным законам.

Среди общего числа органов государственной власти конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации как субъекты обеспечения безопасности в соответствии со статьей 27 Федерального конституционного закона «О су-

дебной системе Российской Федерации», с нашей точки зрения, применяют следующие специальные правовые меры:

1) рассмотрение вопросов о соответствии конституции (уставу) субъекта Российской Федерации законов субъекта Российской Федерации, регулирующих отношения отдельных видов безопасности, отнесенных федеральными законами к компетенции субъектов Российской Федерации;

2) рассмотрение вопросов о соответствии конституции (уставу) субъекта Российской Федерации нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации, регулирующих отношения отдельных видов безопасности, отнесенных федеральными законами к компетенции субъектов Российской Федерации;

3) рассмотрение вопросов о соответствии конституции (уставу) субъекта Российской Федерации нормативных правовых актов органов местного самоуправления, регулирующих отношения отдельных видов безопасности, отнесенных федеральными законами к компетенции субъектов Российской Федерации;

4) толкование норм конституции (устава) субъекта Российской Федерации, регулирующих отношения отдельных видов безопасности, отнесенных федеральными законами к компетенции субъектов Российской Федерации.

Раскрытая взаимосвязь конституционного правосудия с нормативным правовым регулированием отношений безопасности, к сожалению, не нашла отражения в нормах Федерального закона от 28 де-

кабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности».

В названном Законе в большей степени раскрываются организационные, правовые и иные особенности содержания деятельности по обеспечению безопасности, осуществляемой Президентом Российской Федерации, Советом Безопасности Российской Федерации, органами исполнительной власти.

При этом следует обратить внимание, что согласно ст. 12 Федерального закона «О безопасности» органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в пределах своей компетенции обеспечивают исполнение законодательства Российской Федерации в области обеспечения безопасности.

Таким образом действующая законодательная норма не исключает конституционные (уставные) суды из системы органов государственной власти субъектов РФ, наделяемых государственными полномочиями по обеспечению исполнения законодательства Российской Федерации в области обеспечения безопасности. В этой связи можно сделать вывод, что конституционные (уставные) суды вправе выступать в качестве субъектов региональной системы обеспечения безопасности, осуществлять совместную с органами исполнительной власти и органами местного самоуправления деятельность межотраслевого (конституционного и административно-правового) содержания, которая связана с обеспечением исполнения законодательства Российской Федерации в области обеспечения безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ).
2. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ (ред. от 14 декабря 2015 г.) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
3. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ (ред. от 5 февраля 2014 г.) «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
4. Закон Российской Федерации «О безопасности» от 5 марта 1992 года // Российская газета. 1992. 6 мая. № 103.
5. Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ (ред. от 12 марта 2014 г.) «О международных договорах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.
6. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
7. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 5 октября 2015 г.) «О безопасности» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.
8. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 1 (часть 1). Ст. 3378.
9. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 1 (часть II). Ст. 212.
10. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. № Пр-2685).

УДК 342.82

Е.А. Кравцова

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ФОРМИРОВАНИЯ
СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье автор высказывает свой взгляд на проблему систематизации государственных органов, обобщая и выявляя недостатки и достоинства предложений, высказываемых учеными, осуществляющими исследования в сфере конституционного и административного права.

Ключевые слова: конституционное право, государственные органы, органы государственной власти, вспомогательные органы, система государственных органов, система разделения властей, ветви власти.

Государство, созданное для управления делами общества, осуществляет свои властные полномочия через образованные им государственные органы. Указанные органы представляют собой единую систему, поскольку они находятся в тесной взаимосвязи: одни органы избираются или образуются другими; одни руководят деятельностью других; одни подконтрольны и подотчетны другим.

Единого нормативного акта, в котором была бы закреплена система государственных органов, на данный момент не существует, но и необходимость в его создании, на наш взгляд, отсутствует, поскольку система государственных органов должна быть мобильной, реагирующей на изменения общества. Законодательное закрепление системы государственных органов приведет к необходимости постоянного внесения изменений и дополнений в нормативный акт, которым будет установлена данная система, что, с одной стороны, будет замедлять проведение необходимых изменений, а с другой - отразится на стабильности законодательства. Например, Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [1] (далее – закон № 184-ФЗ) с момента принятия изменялся более 100 раз, что негативно отражается на законодательстве субъектов, приводит к дополнительной и не всегда оправданной работе законодательной ветви власти.

Тем не менее, в настоящее время существуют проблемы формирования системы государствен-

ных органов, которые нуждаются в теоретическом осмыслении и решении.

Первая из проблем, на которой хотелось бы остановиться, это проблема соотношения понятий «государственные органы» и «органы государственной власти». Некоторые ученые считают данные понятия тождественными. Например, А.В. Безруков пишет: «Государственный орган есть юридически оформленная действующая в установленном государством порядке часть системы органов государственной власти, наделенная государственно-властными полномочиями и необходимыми материальными средствами для реализации задачи и функций, возложенных государством» [2, с. 160].

А.В. Малько указывает: «Орган государства – юридически и организационно обособленная часть государственного механизма, состоящая из государственных служащих, наделенная государственно-властными полномочиями и уполномоченная в пределах своей компетенции непосредственно осуществлять функции государства» [3, с. 70].

Другие авторы придерживаются точки зрения о необходимости выделять в системе государственных органов органы государственной власти и государственные органы, не обладающие государственно-властными полномочиями (далее – вспомогательные органы) [4, с. 451].

На наш взгляд, указанные два вида органов имеют принципиальные отличия. Органы государственной власти наделены государственно-властными полномочиями. Они являются основным выразителем и реализатором как воли государства, поскольку они от его имени регули-

Кравцова Елена Александровна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина

e-mail: 543375@mail.ru

© Кравцова Е.А., 2016

Статья получена: 07.02.2016

руют общественные отношения, так и воли народа, который согласно ст. 3 Конституции РФ является основным носителем власти в государстве. Вспомогательные органы властными полномочиями не наделены и образуются для обеспечения деятельности органов государственной власти.

Необходимость существования вспомогательных органов уже неоднократно подчеркивалась учеными [5, с. 319]. Так, в настоящее время при Президенте РФ действует Администрация Президента. При обеих палатах Федерального собрания действуют аппараты, выполняющие вспомогательные функции. Деятельность органов судебной власти также обеспечивается аппаратом.

Деление государственных органов на органы государственной власти и иные государственные органы, не имеющие государственно-властных полномочий (далее – вспомогательные органы), было признано Конституционным Судом РФ в Определении от 29 мая 1997 года № 55-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности Указа Президента РФ от 2 октября 1996 года «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации» [6]. Конституционный Суд выразил мнение, что в государственном аппарате следует различать органы государственной власти и государственные органы, не обладающие статусом органов государственной власти. Последние, осуществляя властные полномочия, в частности, не обладают правом принятия правовых актов внешнего действия, распространяющихся на граждан, их негосударственные объединения. И те, и другие охватываются общим «орган государства». По мнению Конституционного Суда, орган государственной власти всегда можно определить и государственным органом, но не любой государственный орган можно охарактеризовать как орган государственной власти.

К сожалению, деление органов государства на органы государственной власти и вспомогательные органы не решает проблемы систематизации органов государства. Действующая Конституция Российской Федерации (ст. 10) указывает, что осуществление власти в Российской Федерации происходит путем деления ее на три самостоятельные ветви: законодательную, исполнительную и судебную.

Однако многие современные российские ученые замечают, что классическое разделение властей, которого придерживается действующая Конституция РФ, было предложено Ш. Л. Монтескье еще в 1748 году в трактате «О духе законов» и в настоящее время нуждается в пересмотре [7, с.377; 13, с.51].

В России в настоящее время существует большое количество государственных органов, наделенных государственно-властными полномочиями, которые

невозможно с определенностью отнести ни к одной из провозглашенных в Конституции ветвей власти.

В.И.Фадеев по данному поводу пишет: «Деятельность современного государства столь сложна, многогранна и разнопланова, что государство не может ограничиться созданием только органов, осуществляющих государственную власть на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Оно нуждается в органах, обеспечивающих выполнение иных задач и функций, которые в силу специфики своего содержания не могут осуществляться законодательными, исполнительными и судебными органами государственной власти. Эти государственные задачи и функции находятся за пределами компетенции указанных органов государственной власти, обусловленной принципом разделения властей. В целях реализации данных государственных задач и функций законодатель выделяет государственные органы, которые не являются органами государственной власти, и наделяет их соответствующими полномочиями, в том числе и властного характера» [8, с.319].

Рассматривая органы государственной власти, которые наделены властными полномочиями, но не относятся ни к одной из закрепленных в Конституции ветвей власти, А.В. Безруков пишет: «Данные органы создаются и действуют на основании норм Конституции РФ или федеральных законов. К их числу можно отнести Администрацию Президента РФ, Счетную палату РФ, Прокуратуру РФ, Центральную избирательную комиссию РФ, Центральный банк РФ, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» [2, с.160].

В целом, не оспаривая мнение А.В. Безрукова, считаем, что такой государственный орган, как Администрация Президента, несмотря на то, что его существование предусмотрено непосредственно Конституцией РФ [9] (ст. 83), следует отнести к вспомогательным органам, поскольку он создан для обеспечения деятельности Президента.

Отдельные ученые поддерживают мнение А.В. Безрукова, относя Администрацию Президента к органам государственной власти. Так, С.Н. Братановский пишет: «Большую роль в обеспечении президентских функций и полномочий играет Администрация Президента. Созданная в качестве рабочего аппарата главы государства, она со временем институтировалась в указах Президента в государственный орган власти. Фактически она становится вторым управляющим центром в отношении исполнительной власти» [5, с.227].

Однако далее С.Н. Братановский указывает: «Де-юре Администрация Президента и ее структурные подразделения не обладают самостоятельными полномочиями и не могут принимать обязательные

для других государственных органов решения. Они лишь призваны обеспечивать подготовку решений Президента и их выполнение» [5, с.228].

Таким образом, ученый противоречит сам себе, с одной стороны, указывая, что Администрация Президента является вспомогательным органом, с другой стороны, относя ее к органам государственной власти. Для решения вопроса о том, можно ли отнести данный орган к органам государственной власти, следует обратиться к нормативным актам, регулирующим его деятельность. Несмотря на то, что существование Администрации Президента предусмотрено непосредственно Конституцией РФ, правовой статус данного органа устанавливается не федеральным законом, а Указами Президента, что, на наш взгляд, является еще одним доказательством вспомогательного значения данного органа. П.1 Указа Президента РФ от 25.03.2004 № 400 «Об Администрации Президента Российской Федерации» [10] устанавливает, что Администрация Президента Российской Федерации является государственным органом, обеспечивающим деятельность Президента и осуществляющим контроль за исполнением его решений. Аналогичное положение содержится и в п.1 Положения об Администрации Президента Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ от 06.04.2004 № 490 [11]. Из вышеприведенных норм, а также из анализа закрепленных в вышеуказанных нормативных актах полномочий Администрации Президента можно сделать однозначный вывод о том, что данный орган нельзя отнести к органам государственной власти.

Однако остальные органы, перечисленные А.В. Безруковым, действительно наделены государственно-властными полномочиями и их правовой статус в настоящее время нуждается в осмыслении и уточнении. Кроме того, есть еще один орган государственной власти, не указанный А.В. Безруковым, возможность отнесения которого к действующим ветвям власти является сомнительной.

Таким органом является Президент Российской Федерации. Ст. 11 Конституции относит его к органам государственной власти, однако анализ нормативных положений Конституции позволяет сделать вывод о том, что он не относится ни к одной из поименованных в Конституции ветвей власти, а фактически стоит над ними.

Так, Е.Ю. Бархатова пишет: «Согласно Конституции РФ Президент РФ как институт государственной власти стоит особняком и не относится ни к одной из трех ветвей власти. Он стоит выше них, контролирует их деятельность и вообще наделен обширными полномочиями. Собственно говоря, это отдельный орган власти» [12, с.165].

Действительно, анализ главы 4 Конституции

РФ позволяет сделать вывод о том, что Президент РФ стоит вне системы разделения властей. Он является главой государства. В его полномочия входит обеспечение действия Конституции, прав и свобод человека и гражданина, принятие мер по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти.

Исходя из данного положения вещей ученые ставят вопрос о выделении отдельной ветви власти - президентской. Такого мнения придерживаются С.А. Авакьян [7, с.378], Г.А. Трофимова [13, с. 52] и другие ученые.

Еще одним ярким примером недостаточности деления власти на законодательную, исполнительную и судебную может служить такой государственный орган, как прокуратура.

До 2014 года глава 7 Конституции РФ носила название «Судебная власть» и в ее состав входила статья 129, посвященная органам прокуратуры. Таким образом, формально данный орган можно было отнести к судебной ветви власти, что и было сделано в подобной ситуации Конституционным Судом Литвы, который в своем Постановлении указал, что нахождение нормативных положений о прокуратуре в главе Конституции Литовской Республики «Судебная власть» является признанием данного органа частью судебной системы [14, с.20].

Российские ученые крайне негативно относились к существующей конструкции Конституции, неоднократно указывая, что прокуратура однозначно не относится к органам судебной власти [17, с.15; 15, с.401; 18, с.4]. Принятие закона РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», которым наименование главы 7 Конституции было изменено на «Судебная власть и прокуратура», изменило ситуацию, позволяя с уверенностью утверждать, что прокуратура не относится к органам судебной власти. Тем не менее, ее место в системе органов государственной власти так и осталось открытым.

Л.А. Нудненко предлагает включить прокуратуру в систему исполнительных органов государственной власти [15, с.403]. Однако данное предложение представляется нам неприемлемым.

Ч.2 ст.4 Федерального закона от 17.01.1992 №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [16] устанавливает, что органы прокуратуры осуществляют полномочия независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления. Исходя из данной формулировки, прокуратура

противопоставляется исполнительным органам государственной власти и устанавливает свою независимость в системе разделения властей.

Исходя из специфики полномочий прокуратуры, отдельные ученые предлагают выделить прокуратуру в самостоятельную надзорную ветвь власти. Такого мнения, в частности, придерживаются В.В. Евдокимов и Т.А. Тухватуллин [17], Ю. Якимович [18].

Другие ученые предлагают выделить контрольно-надзорную ветвь власти, отнеся к ней как прокуратуру, так и Счетную палату РФ и контрольно-счетные органы субъектов. Такого мнения придерживаются С.А. Авакьян [7], В.Ю. Шобухин [19].

Правовой статус Счетной палаты РФ установлен Федеральным законом от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» [20], ст. 2 которого гласит: «Счетная палата является постоянно действующим высшим органом внешнего государственного аудита (контроля), образуемым в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, и подотчетным Федеральному Собранию. В рамках задач, определенных законодательством Российской Федерации, Счетная палата обладает организационной, функциональной, а также финансовой независимостью и осуществляет свою деятельность самостоятельно».

Нормы закона позволяют сделать вывод о том, что данный орган обладает собственными властными полномочиями, однако отнести ее к одной из существующих ветвей власти не представляется возможным. Аналогичное положение существует и у контрольно-счетных органов субъектов федерации, основы правового статуса которых устанавливаются ст. 3 Федерального закона от 07.02.2011 № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» [21], согласно которой контрольно-счетный орган субъекта Российской Федерации, несмотря на свою подотчетность законодательному (представительному) органу государственной власти субъекта РФ, обладает организационной и функциональной независимостью и осуществляет свою деятельность самостоятельно. При этом деятельность контрольно-счетных органов не может быть приостановлена, в том числе в связи с досрочным прекращением полномочий законодательного (представительного) органа.

С.А. Авакьян считает, что данные органы являются органами государственной власти и являются самостоятельными субъектами конституционных отношений: «Если же надо как-то конкретно проявить себя государству в отношениях властвования, делают это органы государственной власти, выступая в качестве самостоятельных субъектов

конституционных правоотношений.... На уровне субъектов РФ субъектами конституционных правоотношений выступают: высшие должностные лица (главы исполнительной власти) субъектов; законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов; конституционные (уставные) суды субъектов, ... уполномоченный по правам человека, счетные (контрольно-счетные) палаты и др.» [7, с.401].

Мы солидарны с мнением С.А. Авакьяна о том, что Счетную палату РФ и контрольно-счетные палаты субъектов следует относить к органам государственной власти.

С.А. Авакьян относит к органам государственной власти и уполномоченного по правам человека. Данный государственный орган упомянут в ст. 103 Конституции, которая дает полномочия по назначению на данную должность Государственной Думе Федерального Собрания РФ. Правовой статус данного лица установлен Федеральным конституционным законом от 26.02.1997 № 10-ФКЗ «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [22].

Согласно ст. 1 данного закона, должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации учреждается в соответствии с Конституцией Российской Федерации в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами.

Права и обязанности уполномоченного по правам человека, установленные в законе, вызывают сомнения при отнесении его к органам государственной власти, поскольку он не наделен правом выносить обязательные нормативные предписания. Так, в соответствии со ст. 29 упомянутого закона, по результатам рассмотрения жалобы Уполномоченный по правам человека вправе обратиться в суд, в государственные органы, изложить доводы должностному лицу, но не может вынести предписание органу, нарушающему права человека, о прекращении деятельности, нарушающей данные права.

В то же время Уполномоченного по правам человека нельзя отнести и к вспомогательным органам, поскольку он осуществляет свою деятельность самостоятельно и в его функции не входит обеспечение деятельности какого-либо органа государственной власти. Наоборот, данная должность создана для осуществления контроля за деятельностью органов государственной власти.

Мы уже писали об этой проблеме [23] и придерживаемся точки зрения, что необходимо выделить контрольно-надзорную ветвь власти, в которую будут включены такие органы, как про-

куратура, Счетная палата РФ, контрольно-счетные палаты субъектов РФ, Уполномоченный по правам человека, наделив последнего государственно-властными полномочиями по изданию обязательных для выполнения предписаний о прекращении деятельности, нарушающей права человека, или о восстановлении нарушенных прав. Выделение контрольно-надзорной ветви власти будет способствовать более сбалансированному функционированию органов государственной власти в России, послужит дальнейшему развитию системы сдержек и противовесов и приведет к большему равновесию в системе органов государственной власти.

Однако даже выделение еще двух ветвей власти: президентской и контрольно-надзорной – на данном этапе развития государственности не решит всех проблем и не поможет создать четкую и полную систему государственных органов. Существует еще целый ряд государственных органов, упоминаемых в Конституции и выполняющих важные государственные функции, которые не вписываются в существующую систему разделения властей. Так, например, в ст. 75 Конституции РФ указывается, что защита и обеспечение устойчивости рубля возлагаются на такой государственный орган, как Центральный банк Российской Федерации, который осуществляет свою деятельность независимо от других органов государственной власти. Данное положение развивается в ст. 1 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [24], которая устанавливает, что функции и полномочия, возложенные на него, банк России осуществляет независимо от других федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов, органов местного самоуправления. То, что Центральный банк Российской Федерации наделен государственно-властными полномочиями и является органом государственной власти, неоднократно подчеркивалось Конституционным Судом РФ. Так, в Определении Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2000 года № 268-О «По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности части третьей статьи 75 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» указывается, что «... статус Центрального банка Российской Федерации установлен Конституцией Российской Федерации, в статье 75 которой определены его исключительное право на осуществление денежной эмиссии (часть 1) и в качестве основной функции – защита и обе-

спечение устойчивости рубля (часть 2). Данные полномочия по своей правовой природе относятся к функциям государственной власти, поскольку их реализация предполагает применение мер государственного принуждения...» [25].

Также невозможно определить место Центральной избирательной комиссии и избирательных комиссий субъектов РФ в системе разделения властей, неопределенным на данный момент остается правовой статус таких государственных органов, как Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования и т.д.

С.А. Авакьян, рассматривая существующую систему разделения властей, предлагает выделить такие разновидности государственной власти, как учредительную, народную, президентскую, законодательную, исполнительную, судебную, прокурорскую, избирательную, финансово-банковскую, контрольную [7, с. 378].

Учитывая сложность решения данной задачи, исходя из учредительного характера Конституции как основного закона государства, мы считаем возможным исключить статью 10 из Конституции РФ, предоставив ученым решать вопрос об отнесении того или иного государственного органа к той или иной ветви власти. Другим возможным решением данной проблемы нам представляется изменение статьи 10 Конституции путем дополнения действующей системы разделения властей еще двумя ветвями: президентской и контрольно-надзорной, а также установления в ней существования органов государственной власти с особым статусом, существующим вне разделения властей. Однако до реализации указанного предложения следует просчитать все возможные последствия его принятия.

До внесения предлагаемых изменений мы считаем необходимым систематизировать органы государства, разделив их на три группы: органы государственной власти, специализированные государственные органы и вспомогательные государственные органы. Предложенная классификация охватывает все государственные органы, что является ее несомненным достоинством.

Рассмотрев отдельные проблемы, возникающие при систематизации существующих государственных органов, считаем возможным сделать вывод о том, что вопрос о способах и основаниях системы государственных органов и пересмотре системы разделения властей в Российской Федерации нуждается в дальнейшем осмыслении и решении как на теоретическом уровне, так и путем внесения соответствующих изменений в нормативные акты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.1999 N 184-ФЗ (ред. от 30.12.2015). URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 04.02.2016).
2. Безруков А.В. Конституционное право России: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2015.
3. Теория государства и права: учебник / отв. ред. А.В. Малько. М.: КНОРУС, 2006.
4. Конституционное право России: учебник для студентов вузов. [Б.С. Эбзеев и др.]; под ред. Б.С. Эбзеева, Е.Н. Хазова, А.С. Прудникова. М.: Юнити-Дана, 2015.
5. Братановский С.Н. Административное право: учебник. М.: Директ-Медиа, 2013.
6. О прекращении производства по делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 2 октября 1996 г. N 1412 «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 29.05.1997 N 55-О. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 04.02.2016).
7. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс. Т.1. М., 2015.
8. Конституционное право: учебник для бакалавров / отв. ред. В.И. Фадеев. М.: Проспект, 2015.
9. Конституция Российской Федерации. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 04.02.2016).
10. Об Администрации Президента Российской Федерации» (ред. от 31.12.2014): указ Президента РФ от 25.03.2004 № 400. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 04.02.2016).
11. Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации» (ред. от 31.12.2014): указ Президента РФ от 06.04.2004 N 490. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 04.02.2016).
12. Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015.
13. Трофимова Г.А. Принцип разделения властей в системе конституционно-правовой ответственности: альтернативный вариант // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 8. С.51-57.
14. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Конституционализация прокурорского надзора в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С.9-23.
15. Нудненко Л.А. Конституционное право России: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2014.
16. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 28.11.2015). URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 04.02.2016).
17. Евдокимов В.Б., Тухватуллин Т.А. О конституционно-правовом статусе прокуратуры в законодательстве Российской Федерации: вопросы теории и практики // Юридический мир. 2015. № 3. С.14-19.
18. Якимович Ю. Назначение прокуратуры и процессуальные функции прокурора // Законность. 2015. № 8. С.3-7.
19. Шобухин В.Ю. Правовой статус прокуратуры и прокурорских работников Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
20. О Счетной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 05.04.2013 N 41-ФЗ (ред. от 27.10.2015). URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 04.02.2016).
21. Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований: Федеральный закон от 07.02.2011 N 6-ФЗ (ред. от 04.03.2014). URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 04.02.2016).
22. Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 N 1-ФКЗ (ред. от 23.05.2015). URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 04.02.2016).
23. Кравцова Е.А. О целесообразности выделения контрольно-надзорной ветви власти при формировании постиндустриального общества // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2014. № 2-1. С. 98-101.
24. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ (ред. от 30.12.2015). URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 04.02.2016).
25. По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности части третьей статьи 75 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»: определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2000 N 268-О. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 04.02.2016).

УДК 342.924

Е.В. Елфимова

А.В. Коркин

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

На примере правового регулирования отдельных мер административного принуждения, правом применения которых наделены сотрудники полиции, выявлены противоречия в обеспечении законности в деятельности полиции. Обосновывается вывод о наличии в подзаконных нормативных правовых актах мер административного принуждения, не предусмотренных федеральным законодательством, что не способствует соблюдению прав и свобод человека.

Ключевые слова: полиция, административное принуждение, законность, права полиции.

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Их признание, соблюдение и защита – одна из основных обязанностей государства. Административная правоприменительная деятельность полиции осуществляется методами убеждения и принуждения с обязательным соблюдением законности.

В настоящее время, после вступления в силу нового законодательства о деятельности полиции, последняя, как основной правоохранительный орган нашей страны, имеет богатый арсенал властных полномочий, в том числе и по применению мер административного принуждения и привлечению к административной ответственности, что позволяет своевременно и оперативно пресекать любые преступления и административные правонарушения, оказывать первую помощь гражданам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также гражданам, находящимся в

беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья. Территориальные органы МВД России и их должностные лица ежедневно в ходе административной деятельности принимают большое количество правовых актов управления, затрагивающих права и законные интересы граждан и организаций, законность таких актов нередко становится предметом административного или судебного обжалования.

Нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), изложенные в его ст. 1.6 «Обеспечение законности при применении мер административного принуждения в связи с административным правонарушением», служат правовой основой обеспечения законности при применении сотрудниками полиции мер административного принуждения в связи с совершенным административным правонарушением для привлечения виновного к административной ответственности. В свою оче-

Елфимова Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Уральского юридического института МВД России

e-mail: elfimovaav@mail.ru

Коркин Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Уральского юридического института МВД России

e-mail: andreikorkin@mail.ru

© Елфимова Е.В., 2016

© Коркин А.В., 2016

Статья получена: 01.04.2016

редь, названная статья КоАП РФ направлена на реализацию одного из принципов правового демократического государства – принципа законности, закрепленного в ст. 15 Конституции России. Согласно ч. 2 названной статьи, «органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы». Эти же конституционные нормы распространяются и на любую другую деятельность сотрудников полиции, в том числе и по применению любых мер административного принуждения, а не только мер, связанных с привлечением к административной ответственности. Для ситуаций применения сотрудниками полиции мер административного принуждения не в связи с совершением административного правонарушения рассматриваемый принцип закреплен в ст. 6 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции). Таким образом, одной из особенностей обеспечения законности при применении сотрудниками полиции мер административного принуждения является то, что, как и в любой сфере правоприменительной деятельности, здесь правовой основой являются нормы Конституции нашей страны, которые в дальнейшем развиваются и конкретизируются в отраслевом, а в нашем случае – в административном законодательстве.

В литературе по общей теории права законность понимается как «строгое и неуклонное соблюдение всеми субъектами права существующих в стране законов и основанных на них подзаконных нормативных актов. Ключевым словом здесь выступает соблюдение. Именно в нем изначальный смысл и суть рассматриваемого явления в любой его интерпретации. Нет соблюдения – нет и законности» [1].

В литературе по административному праву законность традиционно рассматривается как один из принципов государственного управления. И так же, как и в теории права, понимается как принцип, метод и режим строгого, неуклонного соблюдения, исполнения норм права государством, его органами, общественными и иными организациями, должностными лицами, гражданами, т.е. всеми без исключения участниками общественных отношений [2, с.386].

Еще одной особенностью обеспечения законности в рассматриваемой сфере является то, что широка дискреционных полномочий, которыми наделён сотрудник полиции при применении мер административного принуждения, обуславливает наличие простора для административного усмотрения при правовой оценке его действий, что не всегда способствует единообразию правоприменительной прак-

тики и обеспечению прав и свобод лиц, втянутых в «орбиту» полицейской деятельности.

Обеспечение законности при применении мер административного принуждения сотрудниками полиции предполагает не только строгое и неукоснительное соблюдение требований нормативных правовых актов самим сотрудником, применяющим меры, но и немедленное пресечение любых, ставших известными сотруднику фактов нарушений требований законодательства со стороны других сотрудников полиции, должностных лиц и граждан.

Поскольку в ходе повседневной служебной деятельности могут складываться ситуации, когда при ограничении прав граждан возникает (или может возникнуть) конфликт интересов или обращение в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, надлежит помнить, что соблюдение законности при применении мер административного принуждения – это не только скрупулёзное выполнение требований нормативных правовых актов, регламентирующих служебную деятельность конкретного сотрудника, но и обязанности любого сотрудника полиции:

- уведомлять представителя нанимателя (работодателя) обо всех ставших сотруднику известных фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений [3, п. 14 ст. 12];

- сообщать непосредственному руководителю (начальнику) о возникновении личной заинтересованности, которая может привести к возникновению конфликта интересов при выполнении служебных обязанностей, и принимать меры по предотвращению такого конфликта [4, ч. 2 ст. 11; 3, п. 13 ст. 12];

- предотвращать и (или) пресекать преступления, административные правонарушения, кем бы они ни совершались (п. 1 ч. 2 ст. 27 Закона о полиции).

Способами обеспечения законности при применении сотрудниками полиции мер административного принуждения являются:

- 1) государственный и общественный контроль;
- 2) прокурорский и административный надзор;
- 3) обжалование и оспаривание действий и решений сотрудников полиции по применению конкретных мер.

Эти способы традиционны для любой сферы правоприменительной деятельности и подробно описаны в общетеоретической и отраслевой юридической литературе, поэтому раскрывать их в настоящей статье нецелесообразно, но необходимо отметить следующее.

Состояние законности при применении сотрудниками полиции мер административного принуждения (учитываются только меры административного принуждения при осуществлении

производства по делам об административных правонарушениях) отнесено к основным показателям ведомственной статистической оценки результатов деятельности подразделений территориальных органов МВД России. При этом из системы оценки деятельности органов внутренних дел исключены количественные показатели, устранена так называемая «палочная система» оценки в этой сфере. В соответствии с утвержденными критериями оценки [5] эффективность деятельности территориального органа МВД России по линии исполнения административного законодательства характеризуется снижением количества отмененных по протестам или обжалованию постановлений по делам об административных правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ, в расчете на 10 тысяч вынесенных должностными лицами органов внутренних дел, без учета административной практики ГИБДД (учитываются только меры административного принуждения при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях). Критерии для оценки эффективности деятельности по применению иных мер административного принуждения, не в связи с производством по делам об административных правонарушениях, нормативно не утверждены, что делает невозможным оценку результатов деятельности сотрудников полиции территориальных органов МВД России по применению мер административного принуждения не связанных с осуществлением производства по делам об административных правонарушениях, что не способствует укреплению законности в этой сфере.

Следует помнить, что определённые затруднения в ходе обеспечения законности при применении мер административного принуждения сотрудниками полиции вызывают противоречия в правовом регулировании этих мер. В частности, меры административного принуждения (как и другие случаи ограничения прав и установления обязанностей граждан), должны предусматриваться только федеральным законом (или нормативными правовыми актами, имеющими более высокую, чем федеральный закон, юридическую силу) и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). В то же время для мер административного принуждения характерно то, что они могут содержаться и в подзаконных, в том числе и ведомственных, нормативных правовых актах. Юридически такие акты должны лишь конкретизировать, т.е. создавать механизм реализации мер, предусмотренных федеральным законом, а фактически такие подзаконные нормативные правовые акты не-редко устанавли-

вают самостоятельные меры административного принуждения либо произвольно расширяют меры, установленные законодателем.

Например, к таким мерам необходимо отнести некоторые случаи ограничения гарантированного Конституцией нашей страны (ч. 1 ст. 27) права граждан на свободу передвижения по территории Российской Федерации. И речь здесь идет не об оцеплении (блокировании) участков местности, при котором может быть ограничено или запрещено движение транспорта и пешеходов (ст. 16 Закона о полиции), а о ситуациях остановки транспортных средств сотрудниками полиции при наличии оснований, определенных Административным регламентом Министерства внутренних дел Российской Федерации, исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения (далее – АР ОБДД). Вместе с тем, Закон о полиции предоставляет право останавливать транспортные средства не всем сотрудникам полиции, а только тем из них, кто на это «специально уполномочен» (ч. 2 ст. 13 Закона о полиции). В настоящее время таковыми лицами являются сотрудники Госавтоинспекции, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях в области дорожного движения, а также участковые уполномоченные полиции (п.4 АР ОБДД). Для указанных категорий сотрудников вышеназванный пункт АР ОБДД, конкретизируя право полиции останавливать транспортные средства (п. 20 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции), называет десять оснований к остановке. При этом последнее из них сформулировано как «проведение на основании распорядительных актов руководителей органов внутренних дел, органов управления Госавтоинспекции специальных мероприятий, связанных с проверкой в соответствии с целями соответствующих специальных мероприятий транспортных средств, перемещающихся в них лиц и перевозимых грузов». Конечно, такая формулировка не совсем доступна для понимания граждан, не знакомых с юридической терминологией и спецификой полицейской деятельности. Хотя многие граждане и каждый сотрудник полиции интуитивно догадываются, что речь здесь идёт о различных оперативно-профилактических мероприятиях, проводимых Госавтоинспекцией практически повседневно. Но зачастую такие мероприятия напрямую не связаны с обеспечением безопасности дорожного движения, а имеют целью, например, выявление водителей, имеющих неуплаченные административные штрафы или розыск похищенных и угнанных транспортных средств. При этом осно-

вания и порядок проведения оперативно-профилактических мероприятий не урегулирован нормами федеральных законов. Так, ни в Законе о полиции, не в Федеральном законе от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» терминов «специальные» или «оперативно-профилактические мероприятия» не содержится. Базовый ведомственный правовой акт, в соответствии с которым органы внутренних дел организуют и проводят подобные мероприятия, использует термин не «мероприятие», а «оперативно-профилактическая операция», под которой понимается «совокупность оперативно-розыскных, контрольно-надзорных, предупредительно-профилактических и иных мероприятий, осуществляемых органами внутренних дел (при необходимости совместно с другими федеральными органами исполнительной власти) в соответствии с законодательными и иными нормативными актами Российской Федерации в масштабах страны, одного или нескольких субъектов Российской Федерации по единому замыслу для достижения конкретной цели» [6, п. 2]. В других ведомственных нормативных правовых актах МВД России в исследуемом словосочетании опять же используется понятие «мероприятие», а не «операция», что еще более запутывает ситуацию [7, п. 25; 8, п. 3.4 и др.]. Такая неопределённость правового регулирования, конечно, не может быть положена в основу ограничения прав граждан, поэтому до внесения изменений в Закон о полиции, в части наделения полиции правом останавливать транспортные средства при проведении оперативно-профилактических мероприятий (операций), применять анализируемое основание остановки транспортных средств следует с осторожностью, стремясь не доводить ситуацию до возможного судебного оспаривания действий сотрудника полиции.

Остальные же сотрудники полиции, которых АР ОБДД не уполномочивает осуществлять контроль и надзор за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения, также имеют право останавливать транспортные средства, но здесь остановка уже является способом выполнения обязанности сотрудника полиции по пресечению правонарушения. Такая обязанность дважды закреплена Законом о полиции (п. 2 ч. 1 ст. 12 и п. 2 ч. 2 ст. 27). В качестве правового основания здесь, помимо названных норм, выступает уже не право полиции останавливать транспортные средства (п. 20 ч. 1 ст. 13), а право требовать от граждан и должностных лиц прекращения противоправных действий (п. 1 ч. 1 ст. 13 и п. 1 ч. 3 ст. 28). Причиной остановки транспортного средства в этой ситуации является правонарушение, совер-

шаемое водителем, пассажирами транспортного средства или достаточные данные полагать, что непосредственно само транспортное средство или перевозимый груз являются орудием или предметом правонарушения, для пресечения чего и осуществляется остановка транспортного средства.

Еще одним дискуссионным основанием к остановке транспортных средств, названным в п. 63 АР ОБДД, является «проверка документов на право пользования и управления транспортным средством, документов на транспортное средство и перевозимый груз, а также документов, удостоверяющих личность водителя и пассажиров (только на стационарных постах ДПС)». Странность этого основания заключается в том, что у пассажира транспортного средства, в отличие от водителя, нет установленной обязанности иметь при себе документы, удостоверяющие личность, всякий раз, когда он является пассажиром. То есть требование сотрудника полиции в этой ситуации будет не выполнено не по вине гражданина. Тем более, если отсутствуют основания для проверки сотрудником полиции документов, удостоверяющих личность граждан (п. 2 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции), то такое требование сотрудника полиции не будет иметь законных оснований и причин.

В приведенных примерах видно, что правовые основания применения сотрудниками полиции мер административного принуждения, содержащиеся в законах и в подзаконных нормативных правовых актах, бывают не согласованы между собой, что затрудняет правоприменение и не способствует обеспечению законности.

Отсутствие единообразия терминологии характерно не только для подзаконных нормативных правовых актов, но и для текста федеральных кодексов и законов. Так, согласно Закону о полиции, сотрудник полиции имеет право применять физическую силу «для доставления ... лиц, совершивших преступления и административные правонарушения, и задержания этих лиц» (п. 2 ч. 1 ст. 20). А чуть раньше в этом же законе перечисляются 13 категорий лиц, которых полиция имеет право задерживать (и соответственно доставлять) (ч. 2 ст. 14). И лица, совершившие преступления и административные правонарушения, конечно же, относятся к таковым, но ими этот перечень далеко не исчерпывается. Возникает вопрос: имеет ли право сотрудник полиции применять физическую силу для задержания и доставления иных лиц, не относящихся к лицам, совершившим преступления и административные правонарушения, но названным в качестве лиц, задерживаемых полицией? Очевидно, да, но напрямую законом это не закреплено.

Также в Законе о полиции необходимость пре-

сечения преступления и административного правонарушения одновременно является основанием применения и физической силы (п. 1 ч. 1 ст. 20) и специальных средств (п. 2 ч. 1 ст. 21). При этом в первом случае указанные деяния названы во множественном числе и через союз «и», а во втором – в единственном числе и через союз «или». Означает ли это, что основанием применения физической силы является одновременно имеющаяся в деянии лица совокупность составов нескольких административных правонарушений и преступлений? Очевидно, что нет, но напрямую законом это опять-таки не названо.

Не способствует обеспечению законности в рассматриваемой сфере и наличие в подзаконных ведомственных нормативных правовых актах МВД России мер административного принуждения, не предусмотренных федеральным законом. Так, Устав патрульно-постовой службы полиции (п. 266) предусматривает наружный досмотр лиц, которые задерживаются и доставляются сотрудниками полиции в органы внутренних дел по подозрению в совершении преступления. Такой досмотр проводится для обеспечения личной безопасности сотрудников полиции, которые осуществляют задержание и доставку подозреваемых, немедленно после фактического задержания лица или в более удобный момент, когда можно получить помощь от других сотрудников полиции или граждан. Обнаруженное оружие и другие предметы, которые могут быть использованы для оказания сопротивления, нападения на наряд или побега, немедленно изымаются. Конечно, важность обеспечения личной безопасности сотрудника полиции трудно переоценить, безусловно, наружный досмотр задерживаемых лиц необходим и целесообразен, но предусматриваться он должен федеральным законом, а не приказом МВД России. В настоящее время право полиции осуществлять досмотр упомянуто в Законе о полиции трижды, и всякий раз это отсылочные нормы о дальнейших правовых основаниях реализации данного права. Во-первых, это п. 16 ч. 2 ст. 13 Закона о полиции, где упоминается досмотр как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемый в порядке статей 27.7, 27.9 КоАП РФ, и досмотр на транспорте в порядке Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (ст. 12.2). Во-вторых, в п. 25 ч. 2 ст. 13 Закона о полиции – досмотр и (или) осмотр граждан для обеспечения соблюдения пропускного и внутриобъектового режимов на охраняемых полицией объектах. И, в-третьих, в ч. 6 ст. 14 Закона о полиции – досмотр задержанных лиц, находящихся при них вещей и документов и их транспортных средств,

осуществляемый в порядке КоАП РФ, если иной порядок не установлен федеральным законом. Кроме того, в Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ч. 3 ст. 48) закреплено право должностных лиц органов внутренних дел производить досмотр граждан, почтовых и багажных отправок, транспортных средств и перевозимых грузов при наличии достаточных оснований полагать, что осуществляются незаконные хранение, перевозка или пересылка наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Цели, процедура и документальное оформление этого досмотра названным законом не определены. И еще один досмотр, но уже только граждан, подвергнутых административному аресту, предусмотрен Федеральным законом от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» (ст. 6). Нигде более в федеральных законах, регламентирующих применение мер административного принуждения сотрудниками полиции, досмотр не встречается. Тем не менее, ведомственные нормативные правовые акты не только МВД России, но и других федеральных органов исполнительной власти устанавливают меры административного принуждения, не предусмотренные федеральными законами. Так, в Инструкции об организации взаимодействия органов здравоохранения и органов внутренних дел Российской Федерации по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами (п. 1.7) закреплена обязанность сотрудников милиции («милиции» – так в тексте – прим. авт.) совместно с медицинскими работниками в обязательном порядке производить личный досмотр больного с целью изъятия предметов, которые могут быть использованы им в качестве орудий нападения, что имеет место быть при недобровольной госпитализации психически больного, представляющего непосредственную опасность для себя или окружающих.

Таким образом, не требует дополнительной аргументации утверждение, что даже в настоящее время, спустя почти 25 лет после вступления в силу Конституции, далеко не все подзаконные нормативные правовые акты приведены в соответствие с её требованиями и ограничение (а применительно к приведенным примерам уместно даже говорить о нарушении) прав и свобод граждан продолжает осуществляться не на основе принципа законности, а на основе целесообразности и административного усмотрения, что недопустимо в правовом, демократическом государстве.

Обеспечение законности предполагает и соблюдение прав лиц, в отношении которых применяются меры административного принуждения

и, прежде всего, права на получение квалифицированной юридической помощи, которое гарантировано Конституцией (ст. 48), а для целей реализации административной ответственности конкретизировано в КоАП РФ (ст. 25.5). Верховный Суд Российской Федерации по данному поводу неоднократно указывал, что, поскольку КоАП РФ не регулирует вопрос о том, каким образом должны быть оформлены полномочия защитника на участие в деле об административном правонарушении, данный вопрос может быть решен применительно к положениям частей 2 и 6 статьи 53 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, в которых закреплен порядок оформления полномочий представителя.

При этом если лицо, привлекаемое к административной ответственности, либо потерпевший в соответствии с частью 2 статьи 24.4 КоАП РФ в судебном заседании заявит ходатайство о привлечении защитника или представителя к участию в деле об административном правонарушении, то такой защитник или представитель должен быть допущен к участию в деле об административном правонарушении без представления соответствующей доверенности. В то же время право представителя на подписание и подачу жалоб на постановление по делу об административном правонарушении, на решение по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении, на отказ от таких жалоб, на получение взысканных расходов, понесенных в связи с рассмотрением дела об административном правонарушении, на получение изъятых и возвращаемых орудий совершения и (или) предметов административного правонарушения должно быть специально оговорено в доверенности [9, п. 8]. То есть, в зависимости от содержания конкретных полномочий защитника или представителя на его участие в деле об административном правонарушении либо не требуется доверенность, либо таковая требуется с указанием конкретных полномочий, которыми указанных лиц наделяет доверитель. В обоснование такой зависимости высшими судебными инстанциями нашей страны указано, что данные положения направлены на создание надлежащего процессуального механизма защиты прав лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, и не могут расцениваться как нарушающие конституционные права заявителя [10; 11]. Таким образом, хотя формально обеспечение законности и предполагает соблюдение именно законов, при применении мер административного принуждения неизбежно надлежит учитывать и правовые позиции высших судов, которые фактически имеют прецедентный характер и становятся обязательны-

ми для выполнения сотрудниками полиции.

Вызывает недоумение наличие мер административного принуждения, применяемых сотрудниками полиции, но не нашедших своего закрепления в законах. Так, уже упоминавшиеся оперативно-профилактические мероприятия, проводимые постоянно практически в любом территориальном органе МВД России, в настоящее время осуществляются в соответствии с ведомственным приказом МВД России, который не прошел государственную регистрацию в Министерстве юстиции Российской Федерации и официально не опубликован [6]. Несмотря на то, что такие акты «не влекут правовых последствий, как не вступившие в силу, и не могут служить основанием для регулирования соответствующих правоотношений, применения санкций к гражданам, должностным лицам и организациям за невыполнение содержащихся в них предписаний. На указанные акты нельзя ссылаться при разрешении споров» [12, п. 10]. Тем не менее, практика применения подобных актов, содержащих меры административного принуждения, не то что достаточно распространена, но продолжает встречаться в полицейской деятельности, несмотря на ее явную недопустимость с позиции обеспечения законности.

В соответствии с Законом о полиции (ст. 52) «надзор за исполнением полицией законов осуществляют Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры в соответствии с полномочиями, предоставленными федеральным законодательством». Прокуратура осуществляет свою деятельность на основании Конституции (ст. 129) и специального федерального закона (далее – Закон о прокуратуре).

Формами прокурорского реагирования на нарушение законности в рассматриваемой сфере, указанными в Законе о прокуратуре, являются: протест на противоречащий закону правовой акт (ст. 23), представление об устранении нарушений закона (ст. 24), постановление о возбуждении производства об административном правонарушении (ст. 25) и предостережение о недопустимости нарушений закона (ст. 25.1). В дополнение к Закону о прокуратуре в части прокурорского надзора за привлечением к административной ответственности действуют еще и соответствующие методические рекомендации [13], в разделе 3 которых приведены порядка 25 типичных нарушения законодательства об административных правонарушениях, многие из которых допускаются и в деятельности полиции. В соответствии с разделом 5 указанных методических рекомендаций «вопросы, выясняемые в процессе проведения проверки, должны основываться на требованиях КоАП РФ и иного законодательства об административных

правонарушениях». Исходя из анализа обстоятельств, выяснению которых прокурорам предписано уделять внимание в ходе таких проверок, можно утверждать, что сотрудникам полиции во избежание возможности принятия мер прокурорского реагирования следует обращать внимание на следующие критерии соответствия применения мер административного принуждения требованиям законности: во-первых, это основания применения меры административного принуждения; во-вторых – условия применения; в-третьих – цель; в-четвертых – субъекты, т.е. кто из должностных лиц полиции и в отношении каких граждан уполномочен применять конкретную меру административного принуждения, а иногда и в чьем присутствии; в-пятых – порядок применения, в том числе необходимость разъяснения перед началом применения меры административного принуждения участникам прав и обязанностей, обусловленных содержанием конкретной меры, а также необходимость действовать еще и в соответствии с требованиями Закона о полиции (п. 2 ч. 4 ст. 5), где закреплена обязанность сотрудника полиции разъяснить гражданину причину и основания применения мер, ограничивающих его права и свободы, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина, и не забыв, что в порядке применения многих мер административного принуждения можно выделить этапы действий «до», «во время» и «после»; в-шестых – сроки применения; в-седьмых – соблюсти формальные и содержательные требования к документу, которым оформляется факт применения меры; и наконец, в-седьмых – уяснить для себя сущность, т.е. раскрыть содержание понятия применяемой меры административного принуждения, которое не всегда, а чаще скорее не содержится в законодательстве о применении мер административного принуждения сотрудниками полиции. Конечно, желательно, чтобы указанные критерии были нормативно закреплены для всех мер административного принуждения, но это еще предстоит сделать и в настоящее время не в полной мере производится даже в специальной литературе, посвященной рассматриваемой теме.

Соблюдение высказанных рекомендаций не только позволит обеспечить законность, но и снизит вероятность принятия мер прокурорского реагирования, а также административного обжалования и судебного оспаривания действий сотрудников полиции по применению мер административного принуждения.

В настоящее время административное обжалование применения сотрудниками полиции мер административного принуждения осуществляется

в соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», порядок рассмотрения поступивших в территориальные органы МВД России жалоб урегулирован еще и ведомственной инструкцией.

Судебное оспаривание применения сотрудникам и полиции мер административного принуждения осуществляется в порядке главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (далее – КАС РФ), которая называется «Производство по административным делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих». С учетом данных Верховным Судом России разъяснений [16, абз. 6 п. 7] в порядке главы 22 КАС РФ суды не вправе рассматривать дела об оспаривании «решений, действий (бездействия), в отношении которых КоАП РФ не предусматривает порядка обжалования и которые, являясь неразрывно связанными с конкретным делом об административном правонарушении, не могут быть предметом самостоятельного обжалования (доказательства по делу, которыми являются и протоколы о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении). В этом случае доводы о недопустимости конкретного доказательства либо применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении могут быть изложены как в ходе рассмотрения дела, так и в жалобе на постановление или решение по делу об административном правонарушении. Однако если производство по делу об административном правонарушении прекращено, то действия, совершенные при осуществлении производства по этому делу, повлекшие за собой нарушение прав и свобод гражданина или организации, создание препятствий к осуществлению ими прав и свобод, незаконное возложение какой-либо обязанности после прекращения производства по делу, могут быть оспорены по правилам главы 22 КАС РФ. В таком же порядке могут быть оспорены действия должностных лиц в случае, когда дело об административном правонарушении не возбуждалось». По смыслу пункта 1 части 2 статьи 227 КАС РФ оспариваемое действие (бездействие) должностного лица полиции может быть признано незаконным при наличии одновременно двух условий: оно не соответствует закону и нарушает права и свободы заявителя. При этом, если какие-либо действия сотрудника полиции по применению мер ад-

министративного принуждения или составлению процессуального документа не предусмотрены каким-либо законом, это не является достаточным основанием считать действия сотрудника полиции противоречащим требованиям закона [15].

Из приведенных примеров следует, что соблюдение законности в полицейской деятельности может войти в противоречие с требованиями служебной дисциплины, под которой понимается соблюдение установленных законодательством, присягой сотрудника, дисциплинарным уставом органов внутренних дел, контрактом, приказами и распоряжениями министра внутренних дел, приказами и распоряжениями прямых и непосредственных руководителей (начальников) порядка и правил выполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных прав (ч. 1 ст. 47 Закона о полиции). В случае возникновения таких противоречий между приказами и распоряжениями прямых и непосредственных руководителей (начальников) и требованиями Конституции, законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации сотруднику полиции, осуществляющему применение мер административного принуждения, следует руководствоваться нормативными правовыми акта-

ми более высокой юридической силы.

Таким образом, определённые затруднения в обеспечении законности при применении мер административного принуждения сотрудниками полиции вызывают противоречия в правовом регулировании рассматриваемых мер. Меры административного принуждения должны предусматриваться только федеральным законом. В то же время для мер административного принуждения характерно то, что в настоящее время они содержатся и в подзаконных, в том числе и ведомственных нормативных правовых актах. Такие акты нередко устанавливают самостоятельные меры административного принуждения либо произвольно расширяют меры, установленные законодателем. Не способствует обеспечению законности в указанной сфере и отсутствие единообразия терминологии.

Обязанность каждого сотрудник полиции не просто выполнять свои служебные обязанности, а делать это добросовестно, на высоком профессиональном уровне (п. 7 ч. 11 ст. 13 Закона о полиции), что невозможно без обеспечения законности во всех сферах и направлениях полицейской служебной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юрист, 2004. 512 с.
2. Административное право: учебник / под общ. ред. А.И. Каплунова. М.: ДГСК МВД России, 2011. 536 с.
3. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
4. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».
5. Приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации».
6. Инструкция об организации проведения комплексных оперативно-профилактических операций в системе МВД России (утверждена приказом МВД России от 13 августа 2002 г. № 772 «О совершенствовании организации проведения комплексных оперативно-профилактических операций в системе МВД России»).
7. Административный регламент исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по контролю за оборотом гражданского, служебного и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, сохранностью и техническим состоянием боевого ручного стрелкового и служебного оружия, находящегося во временном пользовании у граждан и организаций, а также за соблюдением гражданами и организациями законодательства Российской Федерации в области оборота оружия (утвержден приказом МВД России от 29 июня 2012 г. № 646).
8. Наставление по организации контроля органами внутренних дел за частной детективной и охранной деятельностью (утверждено приказом МВД России от 31 декабря 1999 г. № 1105 «О мерах по усилению контроля органами внутренних дел за частной детективной и охранной деятельностью»).
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».
10. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2016 г. № 91-О.
11. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2016 г. № 29-АД16-7.
12. Указ Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и

нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти».

13. Письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 27 февраля 2004 г. № 36-12-2004 «О Методических рекомендациях по организации работы прокуратуры по надзору за исполнением законодательства об административных правонарушениях».

14. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих».

15. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 11 ноября 2015 г. по делу № 33-11999/2015. Требование: Об оспаривании действий инспектора дорожно-постовой службы по вынесению требования об устранении неисправности транспортного средства. Обстоятельства: Заявитель указывает, что вынесенное инспектором дорожно-постовой службы требование об устранении неисправности транспортного средства как процессуальный документ не предусмотрено действующим законодательством.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Вышел второй номер электронного научно-теоретического журнала «Ученые записки Казанского юридического института МВД России».

Адрес веб-сайта:

URL: www.uzkui.ru

На страницах журнала опубликованы статьи преподавателей, ученых из Казанского юридического института МВД России и других образовательных организаций. Кроме того, в журнале размещены материалы выступлений участников всероссийского круглого стола «От повторности правонарушений к множественности преступлений» (7 октября 2016 года), посвященного 85-летию В.П. Малкова.

УДК 343.3

Л.К. Фазлиева

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ

В статье определены гражданско-правовые средства противодействия коррупционным правонарушениям. Одним из механизмов минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений может служить признание недействительности коррупционных сделок. Выявлена сущность коррупционной сделки.

Ключевые слова: противодействие коррупции, признание недействительности сделок, правовые последствия недействительности ничтожных сделок, коррупционная сделка.

Актуальность изучения правовых средств противодействия коррупции и практическая востребованность такого рода исследований, особенно в гражданско-правовой сфере, сомнений не вызывают, так как вне поля зрения российских законодателей оказались вопросы гражданско-правового регулирования коррупционных правонарушений.

Российская Федерация, ратифицировав ряд международных конвенций по противодействию коррупции [1], начала формировать собственные национальные правовые основы противодействия коррупции, приняв ряд федеральных антикоррупционных законов, регулирующих административно-правовые, уголовно-правовые аспекты противодействия коррупции [2].

Поскольку противодействие коррупции должно выражаться и в деятельности по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений (ст. 1 Закона о противодействии коррупции), одним из механизмов такой минимизации может служить признание недействительности сделок, совершенных в результате коррупционных правонарушений. Институт недействительности сделок в ГК РФ [3] не требует введения специальных правил об уточнении субъекта, в отношении которого могут быть применены указанные правила. В этой части данный институт может быть пригоден для борьбы с последствиями коррупционных правонарушений в современном, неизменном состоянии, в отличие, например, от кондикционных обязательств (обязательств из неосновательного обогащения), правила которых надо дополнительно распространять на субъектов

коррупционных правонарушений.

Существенным пробелом в законодательстве современной России является отсутствие гармоничного и слаженного механизма гражданско-правовых средств противодействия коррупционным правонарушениям. В частности, нет специальных норм о недействительности коррупционных сделок (состав и последствия), норм, позволяющих определить потерпевшего при совершенном коррупционном правонарушении. Исследования, определяющие понятие и последствия коррупционной сделки, практически отсутствуют в теоретической литературе.

Понятие «коррупционная сделка» не используется в законодательстве, но данным термином оперируют в литературе [4, с. 41; 5, с. 17]. В качестве коррупционного правонарушения следует рассматривать коррупционную сделку, которая представляет собой, прежде всего, разновидность недействительной сделки.

Примерный круг антисоциальных сделок перечислен в разделе «Недействительность сделок» Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [6]. Это сделки, которые не просто не соответствуют требованиям закона или иных правовых актов, а нарушают основополагающие начала российского правового порядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои. Несмотря на то, что в указанном перечне отсутствует упоминание о коррупции, тем

Фазлиева Лилия Канзеловна, кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России

тел.: 8 906 329 71 26

© Фазлиева Л.К., 2016

Статья получена: 23.06.2016

не менее, можно прийти к выводу, что коррупционная сделка как разновидность коррупционного правонарушения антисоциальна.

Кроме того, санкции, установленные за совершение публичных правонарушений, не могут квалифицироваться как последствия недействительности сделок. В тех случаях, когда сделка сама по себе образует состав публичного правонарушения либо это правонарушение связано с совершением такой сделки, в рамках рассмотрения публично-го спора подлежит применению ответственность, установленная за публичное правонарушение, а не последствия, предусмотренные ст. 169 ГК РФ.

Вместе с тем анализ судебных споров, непосредственно связанных с поставками для государственных и муниципальных нужд, позволяет сделать вывод, что судебные инстанции при их разрешении применяют исключительно гражданское законодательство, игнорируя особенности заключения и исполнения государственных контрактов. Представляется, что в подобных случаях, в целях избежания злоупотреблений со стороны недобросовестных поставщиков, должны применяться, прежде всего, нормы специального законодательства о публичных закупках [7], на условиях которых заключен государственный или муниципальный контракт.

Между тем лица, участвующие в коррупционных сделках, весьма изобретательны, используемые ими коррупционные схемы тщательно продуманы, основаны на постулатах, заложенных в позиции высших судов, изложенных в постановлениях пленумов, информационных письмах и судебных актах, на знании процессуальных особенностей и сроков проведения следственных мероприятий. Порой у заказчика нет убедительных доводов, позволяющих доказать недобросовестность поставщиков при исполнении контрактов. В таких случаях недобросовестность поставщика может быть выявлена только при анализе в совокупности всех обстоятельств, касающихся изменения руководящего состава заказчика, действий заказчика и поставщика при исполнении контрактов, соблюдения сторонами контракта порядка приемки и оформления всех документов по результатам приемки товара, предусмотренных контрактом.

Противодействие проявлению коррупции в сфере публичных закупок решается комплексным применением всех средств - административных, гражданско-правовых, уголовно-правовых, социальных, экономических и политических. Роль судебных инстанций в применении этих средств нельзя недооценивать, неполное выяснение всех обстоятельств дела, разрешение дел без учета особенностей публичных закупок, ведущих к взысканию с

заказчиков бюджетных средств, способно негативным образом отразиться на бюджете страны, дает возможность недобросовестным лицам неосновательно обогащаться за счет государства [8, с. 32].

Указанные аспекты во многом могли бы сузить сферу применения указанного основания, однако в силу отсутствия в антикоррупционном законодательстве какого-либо специального механизма признания гражданско-правовых сделок, совершенных в рамках коррупционного правонарушения, недействительными данное основание вполне может быть использовано для применения конфискационно-восстановительных мер в сделках, нарушающих публичные интересы, прежде всего, при нарушении правил проведения торгов при размещении государственных и муниципальных заказов и др., если нет прямого нарушения законодательства [9].

Именно установленные в ГК РФ правовые последствия недействительности ничтожных сделок создают полноценный механизм возврата полученного по коррупционному правонарушению.

На основании вышеизложенного представляется необходимым § 2 гл. 9 ГК РФ («Недействительность сделок») дополнить ст. 169.1 «Недействительность коррупционной сделки» в следующей редакции: «1. Коррупционная сделка между должностными и иными лицами, совершенная в целях извлечения незаконной имущественной и иной выгоды в результате использования должностными лицами своих полномочий или положения вопреки интересам личности, общества и государства, ничтожна и влечет последствия, установленные статьей 167 ГК РФ.

2. Все полученное по коррупционной сделке сторонами, действовавшими умышленно, взыскивается в доход Российской Федерации».

Таким образом, борьба с коррупционными правонарушениями и преступлениями коррупционной направленности представляет собой масштабную комплексную задачу слаженного взаимодействия всех отраслей законодательства. В свою очередь виды и общее понятие коррупционных правонарушений в российском законодательстве и доктрине требуют четкой проработки и конкретизации. Режим тщательного соблюдения прав и свобод человека и гражданина, законности и правопорядка, торжество конституционных принципов неприкосновенности собственности вместе предполагают, что гражданско-правовые санкции за совершение коррупционных правонарушений могут применяться только в том случае, когда в обязательном порядке и процедурах установлен правонарушитель и его вина доказана вступившим в силу судебным актом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята Генеральной Ассамблеей ООН 31.10.2003 //СЗ РФ. 2006. N 26. Ст. 2780; Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию ETS N 173// СЗ РФ. 2009. N 20. Ст. 2394.
2. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ // СЗ РФ. 2008. N 40 (ч. 3). Ст. 5031; О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. N 230-ФЗ // СЗ РФ. 2012. N 50 (ч. 4). Ст. 6953.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. N 32. Ст. 3301.
4. Будатаров, С.М. Присвоение взятки: преступление против собственности или преступление против интересов государственной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. N 6. С. 41-43.
5. Корякин В.М. Некоторые формы проявления коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны в зарубежных государствах // Военно-юридический журнал. 2013. N 12. С. 14-17.
6. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 // Российская газета. 2015. N 140.
7. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ //Собрание законодательства РФ. 2013. N 14. Ст. 1652
8. Губенко Е.С. К вопросу о противодействии коррупции в публичных закупках // Конкурентное право. 2015. N 3. С. 31-33.
9. Чечетин А.Е. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией // Алтайский юридический вестник. 2016. № 2. С. 114-118.

Поздравляем победителей международного конкурса!

Высокую оценку издания Казанского юридического института получили на международном конкурсе «Лучшее вузовское издание в сфере правоохранительной деятельности», проходившем на базе Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, где были отмечены дипломами лауреатов учебное пособие «Информационные технологии в юридической деятельности» (Шевко Н.Р., Казанцев С.Я., Згадзай О.Э.) и монография Шалагина А.Е. «Незаконный оборот наркотиков – угроза национальной безопасности».

УДК 347.51

С.С. Курникова**ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
КАК МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ**

В статье рассматриваются понятие и признаки гражданско-правовой ответственности как разновидности юридической ответственности. На основе сравнительного анализа позиций различных авторов по вопросу понятия и признаков гражданско-правовой ответственности автор приходит к выводу, что наиболее перспективным направлением ее дальнейшего исследования является анализ места этого правового явления в системе мер государственного принуждения.

Ключевые слова: юридическая ответственность, охранительное правоотношение, исполнение обязанности, гражданско-правовая обязанность, меры государственного принуждения, гражданско-правовая ответственность.

Значимость института гражданско-правовой ответственности не вызывает сомнения. Вместе с тем разнообразие подходов к сущности гражданско-правовой ответственности не способствует эффективности правоприменительной деятельности и вызывает необходимость дальнейшего исследования с целью выбора наиболее удачного определения понятия гражданско-правовой ответственности либо выработки собственного.

Обзор существующих в доктрине позиций показал, что гражданско-правовая ответственность рассматривается как санкция за правонарушение [1], как обязанность дать отчет в своих действиях [2], как одна из форм государственного принуждения [3]. Этим перечень понятий, посредством которых формируется дефиниция понятия гражданско-правовой ответственности, не ограничивается. Кроме того, рассматриваемое понятие является видовым по отношению к понятию юридической ответственности (родовое понятие), а потому при его характеристике необходимо учитывать результаты исследований сущности родового понятия.

Базылев Б.Т. определяет понятие юридической ответственности как особое правоотношение охранительного типа [4]. Не вызывает сомнений упречность такого подхода применительно к современным понятиям гражданско-правовой ответственности и гражданского охранительного правоотношения. Понятие охранительного правоотношения шире понятия ответственности в гражданском праве. От-

ветственность всегда реализуется в охранительном правоотношении, однако охранительное правоотношение может возникнуть и при отсутствии правонарушения, например, в ситуации крайней необходимости (статья 1067 ГК РФ). Так, в соответствии с пунктом 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» возмещение вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости, является обязанностью причинителя вреда, а «если при рассмотрении дела будет установлено, что причинитель вреда действовал в состоянии крайней необходимости в целях устранения опасности не только в своих интересах, но и в интересах третьего лица, суд может возложить обязанность возмещения вреда на них обоих. Следует отметить, что обязательство из причинения вреда в состоянии крайней необходимости возникает при наличии такого вреда и причинно-следственной связи между действиями причинителя вреда и наступившим вредом. При этом сами действия причинителя вреда являются правомерными и не осуждаются. При таком обязательстве не возникает ответственности причинителя вреда.

Иной позиции придерживался Братусь С.Н., полагая, что юридической ответственностью является исполнение обязанности, основанное на государственном или приравненном к нему обще-

Курникова Светлана Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России

e-mail: kurnikova.svetlana@mail.ru

© Курникова С.С., 2016

Статья получена: 28.11.2016

ственном принуждении, при этом юридической ответственностью не является добровольное исполнение обязанности [5]. С таким определением сложно согласиться, так как принудительным исполнением обязанности не исчерпывается понятие гражданско-правовой ответственности. Как справедливо отметил Иоффе О.С., «... особенность гражданско-правовой ответственности состоит в том, что и после совершения правонарушения его последствия могут быть устранены добровольно самим правонарушителем, без вмешательства судебных или иных государственных органов, в силу одной лишь возможности принуждения и на основе осознания правонарушителем характера совершенных им действий и их отрицательного значения для социалистического общества» [6].

Широкое распространение в литературе получила трактовка юридической ответственности как особой обязанности. Тархов В.А. определил ответственность как «... обязанность дать отчет в своих действиях» [2]. Иванова О.М. полагает, что юридической ответственностью является юридическая обязанность субъектов правоотношений по соблюдению и исполнению предписания права, обязанность не злоупотреблять субъективными правами, а при совершении правонарушения или злоупотреблении правом - обязанность правонарушителя претерпеть меры государственного принуждения [7].

Витрук Н.В. рассматривает юридическую ответственность как «разновидность обязанности, имеющей ряд существенных отличий от других видов юридических обязанностей. Во-первых, юридическая ответственность есть новая, дополнительная обязанность правонарушителя, на которого она возлагается. Во-вторых, юридическая ответственность выполняет роль гаранта юридической обязанности, существовавшей до правонарушения, поскольку при неисполнении этой обязанности может наступить юридическая ответственность. В-третьих, юридическая ответственность как новая, дополнительная обязанность по возмещению (компенсации) нанесенного ущерба (урона) и несению справедливого возмездия как кары за правонарушение исполняется в принудительном порядке при неисполнении первичной юридической обязанности».

Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А., Мусаткина А.А. определяют юридическую ответственность как нормативную, гарантированную и обеспеченную государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическую обязанность по соблюдению и исполнению требований норм права, реализующуюся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае ее нарушения - обязанность

правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и ее реализацию [8].

Смирнов В.Т., Собчак А.А. допускают возможным рассмотрение гражданско-правовой ответственности как обязанности правонарушителя нести предусмотренные нормами права отрицательные последствия, выражающиеся в лишении его имущественных прав (благ) в пользу потерпевшего [9]. В основе указанных позиций лежит суждение о том, что юридическая ответственность суть особая разновидность юридической обязанности.

Такая позиция получила распространение в литературе, порой притягивая логической упречностью широкую аудиторию поклонников. Ярким примером оппозиционного мнения в литературе является позиция Лейста О.Э.: «Определение ответственности как «обязанности отвечать», «дать отчет». Такое определение теоретически несостоятельно и практически бесплодно. Оно логически упречно, ибо определение дается через определяемое». Такое определение противоречит «праву на защиту лица, официально обвиняемого в правонарушении» [10].

Само определение юридической ответственности как обязанности сложно назвать удачным показательным определением родового понятия для характеристики гражданско-правовой ответственности в силу того, что данные понятия имеют различное правовое значение. Отличия наблюдаются и в подходе законодателя к порядку привлечения к ответственности, и к порядку возложения обязанности в гражданском праве, в том числе в употребляемой для каждого из них терминологии. Представленные к сравнению понятия употребляются законодателем по назначению в зависимости от ситуации.

В литературе отмечаются и иные особенности правового регулирования. Во-первых, гражданско-правовая ответственность и гражданско-правовая обязанность возлагаются по разным основаниям. Для применения мер гражданско-правовой ответственности требуется наличие условий такой ответственности (элементов состава гражданского правонарушения). Для возложения гражданско-правовой обязанности требуются иные обстоятельства. Например, для возникновения обязательства из причинения вреда в состоянии крайней необходимости необходимо наличие такого вреда и причинно-следственной связи между действиями причинителя вреда и наступившим вредом. Иных условий для возложения соответствующей обязанности не требуется. Во-вторых, при возложении обязанности законодатель не придает никакого значения психическому состоянию лица. В то же время психическое состояние правонарушителя имеет значение при решении

вопроса о применении мер гражданско-правовой ответственности. В-третьих, гражданско-правовая ответственность по общему правилу наступает в полном объеме. В отношении обязанности действует иное правило, предполагающее возмещение реального ущерба, но не упущенной выгоды [11].

Кроме того, основания освобождения от ответственности могут быть установлены в законе, в договоре. Основанием для полного освобождения от ответственности является непреодолимая сила. В то же время нет норм, в которых были бы поименованы основания освобождения от обязанности. Журначан К.Я. полагал, что «в самом простейшем подходе юридическая ответственность - это применение соответствующей санкции нарушенной правовой нормы» [12]. Иоффе О.С. предлагал рассматривать гражданско-правовую ответственность как санкцию за правонарушение, как установленное в законе на случай его совершения последствие, которое выражается в применении к правонарушителю мер принуждения. По мнению автора, такая санкция влечет определённые лишения имущественного или личного характера [6].

Позицию Иоффе О.С. поддерживают Брагинский М.И., Витрянский В.В., полагая, что данное Иоффе О.С. определение рассматриваемого понятия отражает его сущность [1]. Однако указанное определение представляется не точным в силу того, что рассматриваемое понятие определяется через многозначное слово «санкция» и не раскрывает природу рассматриваемого явления. В литературе отмечается, что для определения места того или иного института в системе права необходимо «определить его юридическую природу и отраслевую принадлежность, а также выявить его соотношение с другими, особенно со сходными по своему целевому назначению институтами» [9]. Логичным, по нашему мнению, представляется рассмотрение юридической ответственности как особой меры государственного принуждения. Такая позиция оправданно получила распространение в современной литературе. Так, Попандуполо В.Ф. предлагает под гражданско-правовой ответственностью понимать реализацию особой меры государственного принуждения [13].

Рассолов М.М. определяет юридическую ответственность как нормативно установленное применение к правонарушителю мер правового принуждения и отрицательную оценку государством правонарушителя и правонарушения [14].

Суханов Е.А. рассматривает юридическую ответственность как одну из форм государственно-при-

нудительного воздействия на правонарушителей, которая заключается в применении к ним предусмотренных законом санкций – мер ответственности, влекущих дополнительные неблагоприятные последствия для таких правонарушителей [9].

Каждое из представленных суждений говорит о наличии тесной связи между ответственностью и государственным принуждением по-своему. При этом в цивилистической литературе обращается внимание, что не любое государственное принуждение может характеризовать гражданско-правовую ответственность, а только принуждение к несению правонарушителем дополнительных имущественных последствий, вследствие которого уменьшается имущественная сфера правонарушителя. Следовательно, ответственность проявляется не во всякой обязанности, а только в новой или дополнительной, не существовавшей до правонарушения обязанности. Иное понимание государственного принуждения при ответственности приведет к чрезмерному расширению рамок последней, которая перестанет выполнять свои специфические функции с применением механизма осуждения правонарушителя, так как возникнет возможность применения её и в отношении безупречно-го, с субъективной точки зрения, поведения.

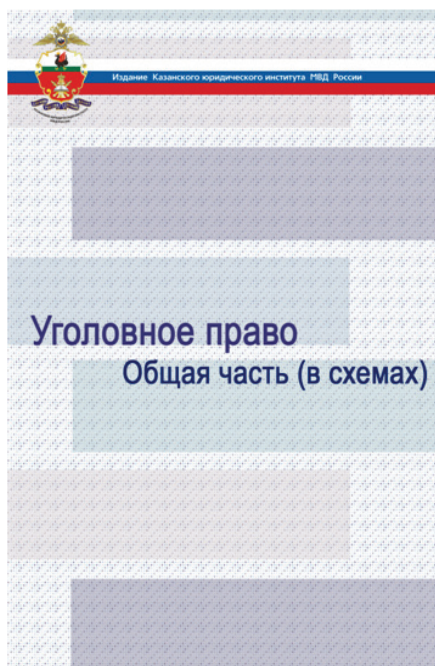
Гражданско-правовая ответственность – это особая мера государственного принуждения, которая сопровождается осуждением правонарушителя со стороны как государства, так и общества, а также дополнительными имущественными последствиями для правонарушителя.

Таким образом, как показывает опыт современного правового регулирования, место гражданско-правовой ответственности в системе гражданского права еще требует своего специального исследования. Для определения сущности гражданско-правовой ответственности не достаточно опираться на его признаки. Анализ существующих в литературе разнообразных подходов к определению понятия юридической и гражданско-правовой ответственности показал, что понимание признаков такой ответственности не всегда позволяет правильно квалифицировать само определяемое явление, найти его место в системе права. На взгляд автора, гражданско-правовую ответственность необходимо сопоставить с его смежными понятиями: обязанностью, охранными отношениями, санкцией, мерой государственного принуждения. Таким образом, понятие гражданско-правовой ответственности наиболее перспективно рассматривать как с научной, так и практической точек зрения, в системе мер государственного принуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. М.: Статут, 2014.
2. Тархов В.А. Ответственность по гражданскому праву. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2012.
3. Гражданское право: учебник для вузов / под ред. Е.А. Суханова. М.: Волтерс Клувер, 2015. Т. 1.
4. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 2013.
5. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Юрлитинформ, 2011.
6. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрлитинформ, 2010.
7. Иванова О.М. Основания, цели и задачи юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009.
8. Общая теория юридической ответственности / Р.Л. Хачатуров и др. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2012.
9. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве / В.Т. Смирнов и др. М.: Контракт, 2012.
10. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2013.
11. Шепель Т.В. Особенности гражданско-правовой ответственности причинителя вреда с психическим расстройством. Кемерово, 2015.
12. Журначан К.Я. О понятии юридической ответственности // Актуальные проблемы юридической ответственности: материалы межвузовской научно-практической конференции, 24 - 25 апреля 2013 г. Тольятти: ВУИТ, 2013.
13. Попандуполо В.Ф. Ответственность за нарушение обязательств: общая характеристика и проблемы // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 1.
14. Рассолов М.М. Проблемы теории государства и права: учеб. пособие М.: Закон и право, 2015.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Уголовное право. Общая часть (в таблицах): учебно-наглядное пособие / сост. О.В.Артюшина, М.В. Гусарова. – Казань: КЮИ МВД России, 2016. – 142 с.

В учебном пособии схематично раскрываются основные вопросы Общей части уголовного права России, предусмотренные рабочими программами учебной дисциплины «Уголовное право» по направлениям подготовки (специальностям) 40.05.01 – Правовое обеспечение национальной безопасности и 40.05.02 – Правоохранительная деятельность; квалификация (степень) выпускника – «юрист». Теоретическая и практическая значимость работы состоит в углубленном изучении ст.ст. 1-104 УК РФ и изложении связанных с ними положений доктрины уголовного права в доступной для обучающихся форме.

УДК 343.97

А.Н. Варыгин

**ПРЕСТУПНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
РАЗЛИЧНОГО ВОЗРАСТА**

В статье автором анализируется понятие возраста преступника и его криминологическое значение, дается периодизация возраста преступников, анализируется преступная активность лиц различного возраста.

Ключевые слова: возраст преступника, периодизация возраста преступника, криминальная активность преступников различных возрастов.

Возраст является важнейшей характеристикой личности любого человека, в том числе и преступника. Это связано с тем, что именно возраст формирует и определяет многие другие человеческие свойства и качества – уровень физического и умственного развития, образовательный уровень, род деятельности, потребности, жизненные планы и установки и многие другие свойства. Как следствие, возраст определяет характер человеческого поведения. Что ожидаемо от подростка и характерно для него, может зачастую быть неприемлемым и невозможным для пожилого человека. Поэтому не удивительно и то, что возраст влияет на такую разновидность человеческого поведения, как преступное поведение. Не случайно, что криминологи на протяжении многих лет указывают на различие преступлений несовершеннолетних и взрослых преступников, отмечая, что для преступного поведения подростков характерны сезонные колебания, групповые преступления, ситуативность преступных действий, что не типично для взрослых преступников [1, с.789; 2]. Следует отметить, что различия в преступной активности присущи не только несовершеннолетним и взрослым, но и представителям иных возрастных групп, что указывает на необходимость изучения этих различий. Как отмечал Е. Бафия, анализ уровня преступности в определенных возрастных группах дает основания для вывода закономерности, согласно которой наибольшая активность роста преступности соразмерна со степенью зрелости человека, его участия в общественной жизни [3, с. 49].

На важность возраста для исследования личности преступника указывает еще одно обстоятельство, заключающееся в том, что лишь с наступле-

нием определенного возраста может наступать уголовная ответственность.

Официальные статистические сборники фиксируют следующие возрастные группы преступников: 14-17 лет; 18-29 лет; 30 и более лет [4, с.20; 5]. Представленные в этих сборниках статистические данные показывают, что криминальная активность представителей этих возрастных групп различна (см. таблицу 1).

Из представленных данных видно, что криминальная активность преступников различных возрастных групп менялась за указанные 11 лет. Например, удельный вес несовершеннолетних снизился с 11,6% до 5,2%, удельный вес молодых лиц (18-29 лет) снизился с 45,3% до 37,7%, а лиц в возрасте старше 30 лет возрос с 43,1% до 57,1%, то есть на 14%.

Если рассматривать усредненные показатели за эти годы, то удельный вес представителей этих возрастных групп будет, по нашим подсчетам, выглядеть следующим образом: 14-17 лет – 7,6%; 18-29 лет – 43,0%; 30 и более лет – 49,4%. Увеличение доли преступников в возрасте старше 30 лет можно, на наш взгляд, объяснить снижением удельного возраста преступников несовершеннолетнего возраста в связи с уменьшением в структуре населения страны несовершеннолетних лиц. Так, если в 1995 году в стране насчитывалось 38 млн несовершеннолетних, то в 2012 году – 28 млн. [6, с.10;7].

Наибольший удельный вес преступников среди лиц старше 30 лет можно объяснить и тем, что это самая большая возрастная группа (от 30 до 70 и чуть более лет). Вести речь о лицах старше 72-73 лет нет смысла, так как следственная и судебная практика показывают, что их количество среди

Варыгин Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии

e-mail: VAN808@yandex.ru

© Варыгин А.Н., 2016

Статья получена: 12.09.2016

возраст	годы										
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
14-17 лет	11,6	10,9	10,0	8,6	7,0	6,5	6,3	5,9	6,0	5,4	5,2
18-29 лет	45,3	45,5	45,6	44,9	44,3	43,8	43,1	42,1	40,9	39,5	37,7
30 и более	43,1	43,6	44,4	46,5	48,7	49,7	50,6	52,0	53,1	55,1	57,1

Таблица 1. Удельный вес преступников различных возрастных групп в %.

преступников исчисляется единицами.

Объективности ради следует отметить, что конкретные формы статистической отчетности, в частности, ф. 492 «Сведения о лицах, совершивших преступления», выделяют более точные возрастные группы преступников: 14-15 лет; 16-17 лет; 18-24 года; 25-29 лет; 30-49 лет; 50 и более лет [Отчет ГИАЦ МВД РФ ф. 492 «Сведения о лицах, совершивших преступления» за январь-декабрь 2015 года]. Согласно данному отчету в 2015 году преступники по возрасту распределились следующим образом:

- 14-15 лет – 1,6 %;
- 16-17 лет – 3,6%;
- 18-24 года – 19,0%;
- 25-29 лет – 18,7%;
- 30-49 лет – 46,9%;
- 50 и более лет – 10,2%.

Из приведенных данных видно, что наибольший удельный вес среди преступников занимают лица в возрасте 30-49 лет. Подобные данные можно и нужно использовать в предупредительной деятельности правоохранительных органов. При этом следует отметить, что они особо «новыми» для предупредительной деятельности правоохранительных органов не являются, в том числе потому, что судебно-следственная практика уже давно определила наиболее криминально-активные категории граждан в нашей стране. Незначительные различия могут наблюдаться в зависимости от конкретных регионов страны, но не более того.

На наш взгляд, следует обратить внимание на то, что выделяемые в уголовно-правовой статистике возрастные группы преступников определены несколько «фривольно» и не отражают многих важных аспектов, связанных с возрастом преступника, что вызывает споры в науке и определенные сложности в предупредительной деятельности. Статистика определяет возрастные группы преступников 14-17 лет и 18-29 лет, в силу чего в криминологической науке выделяется и, соответственно, изучается преступность несовершеннолетних и молодежи, а также «взрослая» преступность, то есть преступления совершеннолетних лиц. Несмотря на это, кримино-

логическому анализу обычно подвергалась лишь преступность несовершеннолетних, о чем, например, наглядно свидетельствуют соответствующие главы учебников по криминологии [8], а преступность молодежи как самостоятельный объект стала исследоваться не так давно [9, 10].

При этом практически не исследована личность и, соответственно, особенности преступников пожилого или старого возраста, не считая единичных диссертаций по данной тематике [11, 12] и редких научных статей. Старческий возраст оказывает существенное влияние на умственное, психическое, физическое состояние индивида, его поведение. В случае совершения преступления таким лицом его возраст вполне может рассматриваться в качестве смягчающего наказание обстоятельства.

Нет единства и в классификации возрастных групп лиц пожилого возраста. Например, психологи утверждают, что пожилой возраст – 67-75 лет; старческий – 75-90 лет; долгожительство – старше 90 лет [13]. Юристы выделяют в свою очередь такие возрастные группы, как: 1) пожилой возраст – 60-74 года; предстарческий 75-90 лет; старческий – свыше 90 лет [11, с.8]. Несмотря на то, что удельный вес преступников старше 70 лет, как мы отмечали, невелик, в уголовно-правовой статистике такие лица вообще не выделяются.

Кроме того, на наш взгляд, в криминологии недостаточно исследована криминальная активность лиц разных возрастов, совершающих различные виды преступлений, а такие различия существуют. Например, замечено, что среди лиц, совершающих преступления против собственности, преобладают лица молодого возраста. Например, в 2009-2014 годах среди лиц, совершивших кражи, они составили – 64%, а среди лиц, совершивших убийства, доля 14-30 летних составила в среднем 45% [14, с.64, 106].

Немаловажной и при этом совершенно не изученной проблемой, связанной с возрастом преступника, является проблема возрастных кризисов. Как отмечают психологи, возрастные кризисы – это особые, относительно непродолжительные по времени возрастные периоды, характеризующиеся резкими психическими изменениями личности

человека, возникающие при переходе от одной возрастной ступени к другой, связанные с системными качественными изменениями в сфере социальных отношений человека, его деятельности и сознания [15, с.45]. Ученые выделяют следующие наиболее значимые возрастные кризисы в жизни человека: кризис новорожденности; кризис одного года; кризис трех лет; кризис семи лет; кризис семнадцати лет; кризис тридцати лет; пенсионный кризис. К сожалению, криминальная активность человека в период его жизненного кризиса (имеется в виду в 17, 30, 60 лет) в криминологии также не изучена.

В связи с этим следует отметить, что необходима четкая периодизация преступников различных возрастных групп, не только несовершеннолетних и молодежи, а также зрелого возраста, в том числе пожилых лиц. Это связано с тем, что даже в такой криминогенно активной группе лиц, как 30 и более лет, относящейся к группе зрелых лиц, криминальная активность лиц разного возраста различна. Различна она у 30 и 50-летних, у 40 и 30-летних. С изменением возраста человека у него наступают не только биологические (физиологические) изменения его организма, но происходят и социальные изменения как самой личности, так и социальной среды, в которой она находится. Изменяются обстановка, условия, в которых находится, живет, трудится человек, изменяются его социальные функции, социальный опыт, привычки, характер, способы реагирования на конфликтные ситуации, желания, стремления, интересы, потребности, формы их удовлетворения, то есть происходит становление и развитие лично-

сти [16, с. 160]. Несомненно, требуют изучения и особые периоды в жизни человека (возрастные кризисы). Все это не может не влиять на поведение, в том числе преступное, индивида.

Еще одной малоисследованной проблемой, связанной с возрастом, но уже не преступника, а потерпевшего, на наш взгляд, следует назвать виктимность лиц различного возраста. Нередко отмечается, что повышенная виктимность присуща малолетним лицам и лицам престарелого возраста, что объясняется их физической слабостью и определенной беспомощностью. Причем это характерно далеко не для всех преступлений. Так, по половым преступлениям доля малолетних и несовершеннолетних велика (30,7%), а доля лиц пожилого возраста, напротив, мала (1,9%). По преступлениям против жизни и здоровья, в частности, убийствам, доля малолетних - 7%, а лиц пожилого возраста - 8%. По преступлениям против собственности малолетние и несовершеннолетние составляют 4,2%, лица пожилого возраста - 3,5% [17, с.116, 156, 197]. То есть по наиболее распространенным преступлениям (против собственности, личности) виктимность повышена совсем не у этих лиц, а у лиц молодого и зрелого, активного возраста.

Все вышесказанное, на наш взгляд, подчеркивает актуальность такой характеристики личности преступника, как его возраст, указывает на необходимость его дальнейшего изучения и, самое главное, определения влияния возраста на преступное поведение индивида.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминология: учебник /под ред. А.И. Долговой. М., 2005
2. Варыгин А.Н., Григорян З.М. Убийства совершаемые несовершеннолетними (особенности мотивации и предупреждения). М., 2013.
3. Бафия Е. Проблемы криминологии. М., 1983.
4. Преступность и правонарушения (2006-2010). Статист. сборник. М., 2011.
5. Преступность и правонарушения (2011-2015). Статист. сборник. М., 2016.
6. Дети России. Статистический сборник. М., 2009.
7. Россия в цифрах. 2013. Краткий статист. сборник. М., 2013.
8. Криминология: учебник. М., 1968; Криминология: учебник. М., 1976; Криминология: учебник. М., 1988; Криминология: учебник. М., 1993 и др.
9. Крутер М.С. Методологические и прикладные проблемы изучения и предупреждения молодежной преступности: дис. док-ра юрид. наук. М., 2002.
10. Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. М., 2006.
11. Барсукова О.В. Старческая преступность и преступность против лиц пожилого возраста: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003.
12. Разумов П.В. Криминологическая характеристика геронтологической преступности и меры ее предупреждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005.
13. Малкина-Пых И.Г. Возрастные кризисы //http://fiction book.ru. (Дата обращения 1.09.2016 г).
14. Преступность и правонарушения (2009-2014гг). Статистический сборник. М., 2015.
15. Поливанов К.Н. Психология возрастных кризисов. М., 2007.
16. Кондрашков Н.Н. Количественные методы в криминологии. М., 1971.
17. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб., 2002.

УДК 343.97

А.Е. Шалагин

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦА, ЗАНИМАЮЩЕГО ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ

В статье проведен криминологический анализ личности лидеров криминальной среды. Отражены их признаки и характеристики. Особое внимание обращено на обычаи и традиции уголовной среды. Выделены меры воздействия, применяемые к лидерам преступных сообществ и криминальным авторитетам.

Ключевые слова: уголовная среда, преступное сообщество, лидер, криминальный авторитет, мера лишения свободы, предупреждение, противодействие, криминальная субкультура.

Под преступной иерархией понимается система подчиненности и взаимоотношений между лицами, входящими в криминальную среду, придерживающимися соответствующих правил и традиций (воровской субкультуры). Высшие ступени в преступной иерархии традиционно занимали «воры в законе», «положенцы», «паханы», «смотрящие», лидеры (авторитеты) преступных групп и сообществ, в настоящий период к этому перечню добавились криминальные олигархи.

«Воры в законе» - это специфическое преступное объединение, не имеющее аналогов в мире, появившееся в 30-е годы XX столетия в СССР, характеризующееся высоким уровнем преступного профессионализма, сплоченностью, конспирацией. По устоявшимся правилам «вор в законе» должен был заниматься криминальным промыслом, иметь несколько судимостей, пользоваться авторитетом в преступной среде, чтить обычаи и традиции уголовного мира.

В 50-60 годы XX века правоохранительные органы предпринимали беспрецедентные меры по противодействию негативному влиянию «воров в законе» на общественные отношения. Их размещали в специальных колониях, где в отношении лидеров преступного мира проводились оперативно-профилактические мероприятия, направленные на исправление и переориентацию осужденных, отдельных лиц удалось склонить к сотрудничеству с администрацией пенитенциарных учреждений. Такие действия нанесли серьезный ущерб авторитету «воров», значительно снизили их численность.

В 1979 году в г. Кисловодске проходила встреча «воров в законе» с представителями теневого экономического сектора – «цеховиками», на которой было принято решение, что последние 10% своего дохода отдадут «ворам» в обмен на свою безопасность. Во второй половине 80-х годов прошлого столетия под влиянием социально-экономических перемен устои «воров в законе» начали существенно меняться. Финансовые средства стали вкладываться в легальный бизнес, недвижимость, акции крупных предприятий и организаций. В 90-е годы наметились серьезные разногласия между ворами старой и новой формации, а также произошел раскол на два противоборствующих лагеря: воров славянской национальности «бубновая масть» и представителей Кавказа «пиковая масть».

Для обсуждения важных вопросов «воры в законе» назначают (созывают) «сходку». Воровские сходки проходят под прикрытием юбилеев, свадеб, похорон и др. Иногда они организуются в местах лишения свободы. На сходках обсуждаются вопросы, связанные с разделом сферы влияния, определением смотрящего за той или иной территорией, пополнением «воровской казны», наказанием провинившихся, принятием решения о «коронации».

В разные исторические периоды численность «воров в законе» существенно менялась. Сегодня на оперативных учетах правоохранительных органов России состоит свыше 250 «воров в законе», около 80 отбывают наказание в местах лишения свободы [1, с. 44], кроме этого, (25-30%) находится за рубежом. Не все криминальные авторитеты

Шалагин Антон Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

e-mail: aeshalagin@yandex.ru

© Шалагин А.Е., 2016

Статья получена: 19.09.2016

признаются представителями преступного мира, так называемые «апельсины» (купленные) никогда не будут пользоваться должной поддержкой.

Полноценные исследования профессиональной преступности, а также личности лидеров уголовной среды, «воров в законе» стали проводиться в конце 80-х начале 90-х годов XX столетия. До этого проблема противодействия групповой и организованной преступности освещалась исключительно в ведомственных закрытых изданиях правоохранительных органов [2, с. 12]. Свои работы данной проблеме посвятили В.М. Анисимков, Ю.М. Антонян, В.Г. Громов, А.И. Гуров, А.И. Долгова, О.П. Дубягина, Д.А. Корецкий, С.В. Максимов, И.М. Мацкевич, С.Я. Лебедев, В.В. Лунеев, В.С. Овчинский, В.Ф. Пирожков, А.Л. Репецкая, О.В. Старков, В.В. Тулегенов, П.Р. Федорев, С.А. Хохрин, Г.Ф. Хохряков, А.В. Шеслер, В.Е. Эминов и др.

«Вор в законе» - авторитет из уголовной среды, коллегиально признанный другими лидерами преступного мира и прошедший процедуру «коронования». «Коронование» - принятие преступного авторитета в сообщество «воров в законе». Такую процедуру осуществляют как минимум два «вора в законе», чаще на такое событие съезжается большее число «посвященных» лиц. На встрече всесторонне обсуждается кандидатура «выдвиженца», его заслуги перед преступным сообществом, проверяется знание им правил и традиций уголовной среды. Отдельному рассмотрению подлежат личностные характеристики кандидата (волевые способности, умение разрешать конфликты и спланировать преступные группы и т.п.) [3, с. 70].

Изучается прошлое кандидата, выясняется, не был ли он замечен в связях с правоохранительными органами, не служил ли в Вооруженных силах, не работал ли в государственных учреждениях. Неоплаченный карточный долг, прощенное оскорбление, принадлежность к нетрадиционной сексуальной ориентации также являются основанием для отказа в «коронации». Сам ритуал может сопровождаться клятвами, нанесением татуировок, определением воровской клички и другими элементами криминальной субкультуры.

Сообщение о предстоящей «коронации» распространяется в местах лишения свободы, доводится до сведения всех заинтересованных лиц. Первоначальные требования, предъявляемые к «ворам в законе», предписывали придерживаться достаточно жестких правил:

1. «Вор в законе» должен заботиться исключительно о благе представителей преступного мира, не поддерживать социальных связей, не иметь семьи, частной собственности, не участвовать в общественной жизни.

2. Он не должен сотрудничать с представителями государственных структур, в исключительных случаях может придерживаться линии двойственного поведения в интересах преступного сообщества.

3. Все противоправные поступки за него совершают нижестоящие представители уголовной среды. Вор не носит оружия, не принимает участия в преступных акциях.

4. «Воры в законе» должны уметь быстро приспособляться к меняющимся условиям и ориентировать своих подчиненных на изменение тактики преступной деятельности.

5. Нарушение воровского закона равносильно предательству, отступников ожидает беспощадная кара, вплоть до лишения жизни.

6. Взаимоподдержка и честность по отношению друг к другу.

7. Вор в законе должен быть расчетлив, смел, уверен в себе [4, с. 168-169].

Также к «воровским законам» можно отнести: а) запрет на занятие политической деятельностью; б) обязанность контролировать систематическое поступление продуктов питания, сигарет, предметов первой необходимости, так называемого «грева», в колонии и тюрьмы; в) поддерживать осужденных, отбывающих дисциплинарные наказания в ШИЗО и ПКТ; г) всегда отрицать свою вину; д) разьяснять и поддерживать устои (обычай) преступного мира [5, с. 76-77].

За нарушение установленных правил к провинившимся в зависимости от характера проступка применяются следующие наказания: а) «пощёчина» - свидетельствует о том, что авторитет «вора» пошатнулся, в преступной среде распространяется слух о «битом воре»; б) «удар по ушам» - процедура «развенчания», лишение статуса «вора в законе», предусматривается за серьезное нарушение «законов» преступного мира; в) к смерти приговариваются отступники и предатели «воровской идеи» (такое наказание может быть вынесено лицу, растратившему «воровской общак» или замеченному в связях с правоохранительными органами). Насильственная смерть «вора в законе» может маскироваться под самоубийство или несчастный случай. В настоящий период в отношении нарушителей все чаще применяются финансовые санкции. При разрешении конфликтных ситуаций на «воровских сходках» должна быть выслушана каждая из сторон, проверены и оценены представленные доказательства.

Лидер преступного сообщества – это лицо, пользующееся значительным авторитетом, определяющее направления криминальной деятельности, активный идеолог уголовной среды. К числу его основных характеристик можно отнести:

- преступный профессионализм;
- организаторские и управленческие способности;
- коммуникабельность;
- быструю приспособляемость к новым условиям (реалиям);
- отрицание законопослушного поведения;
- умение объединять лиц с антиобщественной направленностью и подчинять их определенной идее;
- способность противостоять правоохранительным органам и социальному контролю;
- хорошее знание «законов» и обычаев преступного мира и др. [6, с. 24-25].

Среди лиц, представляющих элиту преступного мира, большинство в возрасте 30-49 лет (57,6%), 25-29 лет (14,4%), 50 лет и старше (23,7%). Значительная часть таких лиц не состоит в браке или были разведены (67,2%). Воры старой формации характеризуются низким образовательным уровнем, в отличие от представителей современной уголовной элиты (особенно криминальных олигархов).

Находясь в местах лишения свободы, они систематически нарушают режим содержания, в результате чего водворяются в ШИЗО и ПКТ. Чаще всего они привлекаются к дисциплинарной ответственности за: а) необоснованный отказ от работы; б) употребление алкоголя и иных психоактивных веществ; в) участие в азартных играх; г) изготовление, хранение, переноску запрещенных предметов; д) курение в неустановленном месте и др. [7, с. 49-59].

Являясь идеологами преступного мира, такие лица соблюдают, распространяют и не допускают нарушений обычаев и традиций уголовной среды (криминальной субкультуры). Криминальная субкультура – это антипод социальных норм и ценностей. Она отрицает общепринятые моральные принципы и правила поведения, негативно воздействует на личность, стимулирует противоправное поведение, укрепляет преступный профессионализм и пропагандирует вседозволенность и безнаказанность. По мнению лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, она поддерживает идею воровского братства, обеспечивает личную безопасность, способствует самоутверждению и самореализации в криминальной среде.

В.А. Анфиногенов криминальную субкультуру определяет как систему групповых ценностей, норм и правил поведения, обуславливающих регулирование неформальных отношений в преступной среде и выступающих средством управления в ней [8, с. 60]. К элементам криминальной субкультуры относятся: 1) законы, обычаи, нравы преступного мира; 2) иерархия преступников; 3) уголовный жаргон; 4) клички; 5) татуировки; 6) способы зашифровки, передачи и распространения информации (маявы, прого-

ны); 7) жесты, знаки, сигналы; 8) клятвы и ритуалы; 9) симуляция болезни, членовредительство; 10) меры поощрения и наказания; 11) уголовный фольклор (стихи, песни, пословицы, поговорки, мифология); 12) стиль в одежде и самовыражение преступников; 13) игры и способы времяпровождения; 14) преступные ценности и стандарты поведения [9, с. 49-50].

Этика преступников представляет собой перевернутую мораль законопослушного гражданина. В такой среде преступление считается одним из способов материального обогащения, поддержка воровской идеи и антиобщественного образа жизни всячески поощряется. Мораль проста: вору, но не попадайся, а если попался, то не сознавайся. Основополагающие институты и ценности общества во внимание не принимаются или отвергаются. Выстраивается модель, при которой индивид существует в относительной самостоятельности и независимости от общества (государства) [10, с. 231-232].

Лицо, занимающее высшую ступень в преступной иерархии, признается специальным субъектом преступления, в случае создания им преступного сообщества (ч. 4 ст. 210 УК РФ). На это может указывать подчиненность такому лицу других участников преступной организации, осуществление им управленческих функций, определение направлений криминальной деятельности, планирование конкретных преступлений (акций устрашения конкурентов), распределение доходов, закрепление статуса и роли участников преступной группы, поддержание коррупционных контактов [11, с. 233].

Криминальный статус члена преступной организации может быть установлен в процессе получения оперативно-розыскной информации (том числе в местах лишения свободы) с последующей легализацией и приобщением ее к материалам уголовного дела [12, с. 24]. Таким образом, оперативно-розыскные данные после соответствующего процессуального исследования могут быть переведены в категорию доказательств.

Необходимо отметить, что мероприятия по нейтрализации негативного влияния лидеров преступной среды требуют комплексного использования сил и средств правоохранительных органов, современных форм и методов противодействия данной категории преступников.

Их изоляция от основной части осужденных в условиях уголовно-исправительного учреждения позволит поэтапно приступить к разобщению и переориентации сложившихся криминогенных групп в местах лишения свободы. В связи с этим следует согласиться с мнением Е.А. Антонян о необходимости перехода от барачной системы большинства уголовно-исправительных колоний к тюрьмам с пока-

мерным содержанием, отвечающим современным международным стандартам [13, с. 36-37].

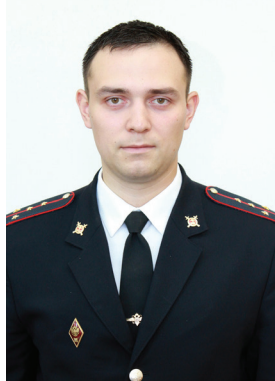
Дальнейшее изучение криминальной субкультуры позволит выработать действенный механизм противостояния лидерам и авторитетам преступного мира. Это откроет новые возможности для криминологического прогнозирования и реализации мер по предупреждению противоправного (преступного) поведения [14, с. 141].

Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» к формам преду-

предительного воздействия, наряду с профилактическим учетом и надзором, относит: социальную адаптацию, ресоциализацию, социальную реабилитацию. В связи с чем назрела необходимость создания службы пробации. Такая социальная служба должна иметь возможность оказать содействие лицам, освободившимся из мест лишения свободы, в реализации их конституционных прав (свобод), способствовать их трудовому и бытовому устройству, своевременно предоставлять необходимую психологическую и юридическую помощь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трунцевский Ю.В., Сухаренко А.Н. Правовое регулирование борьбы с «ворами в законе» в странах СНГ // Международное публичное и частное право. 2016. № 2. С. 43-47.
2. Тирских А.А., Сухов С.В. Современный криминальный профессионализм: проблемы противодействия: учебное пособие. М.: ВНИИ МВД России, 2011. 64 с.
3. Шалагин А.Е. Криминальная среда как объект криминологических исследований // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 5(17). С. 69-74.
4. Подлесских Г., Терешонок А. Воры в законе: Бросок к власти. М.: Вече, 1995. 608 с.
5. Яковлев Н.А. Тюремная (пенитенциарная) субкультура как криминогенный фактор и перспективы нейтрализации ее негативного влияния: дис. ...к.ю.н. Елец: ЕГУ, 2006. 228 с.
6. Метелев А.В. Криминальная субкультура: учебно-методическое пособие. Ижевск: Ижевский филиал Нижегородской академии МВД России, 2009. 70 с.
7. Федореев П.Р. Отрицательно характеризующиеся осужденные в местах лишения свободы: дис. ...к.ю.н. Рязань, 2005. 170 с.
8. Анфиногенов В.А. Субкультура осужденных и ее влияние на их поведение в условиях изоляции: дис. ...к.ю.н. Ставрополь, 2016. 215 с.
9. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 46-52.
10. Громов В.Г. Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация: дис. ...д.ю.н. Саратов: СЮИ МВД РФ, 2009. 442 с.
11. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие / под ред. А.В. Галаховой. М.: Норма, 2014. 736 с.

УДК 343.9

Р.Р. Абдулганеев

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРОЯВЛЕНИЯМ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА
И ТЕРРОРИЗМА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 6 ИЮНЯ 2016 Г. №374-ФЗ
(«ЗАКОНА И.А. ЯРОВОЙ»)**

Статья посвящена анализу изменений отечественного законодательства в части установления дополнительных мер противодействия религиозному экстремизму и терроризму, а также наиболее перспективным направлениям совершенствования правовых механизмов регулирования сферы религиозных отношений.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, религиозная ненависть или вражда, негативное социальное явление, конституционный строй, безопасность государства.

Правовое обеспечение защиты основ конституционного строя от проявлений религиозного экстремизма и терроризма является одним из приоритетных направлений в системе предупреждения угроз национальной безопасности России. Возрастающая степень адаптивности религиозного экстремизма и терроризма к правовым и социальным барьерам, закрепляющим как уголовную ответственность за осуществление деяний экстремистской направленности и террористического характера, так и криминалогические средства их предупреждения, требует от законодателя постоянной работы по совершенствованию правовых механизмов и актуализации инструментов законодательного регулирования тонкой сферы религиозных отношений.

Изменения законодательства в свете принятия Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [1] (далее Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ) во многом определили перспективные направления криминалогической превенции религиозного экстремизма и терроризма в стране, позволили переосмыслить ключевые подходы в определении вектора правового воздействия на данную проблему.

По нашему мнению, важным достижением законодателя является внесение в зону правового внимания сферы деятельности религиоз-

ных организаций, зачастую скрытую от государственного контроля и надзора. Мы полагаем, что актуальность такого рода законодательных мер продиктована рядом факторов, среди которых следующие: 1) ежегодный рост преступлений экстремистской направленности и террористического характера. С 2010 по 2015 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 5233 преступлений экстремистской направленности и 5167 преступлений террористического характера [7]. В целом число преступлений экстремистской направленности и террористического характера за последние четыре года, по данным ГИАЦ МВД России, увеличилось более чем в два раза; 2) увеличение количества религиозных организаций. По данным Федеральной службы государственной статистики России, в 2016 г. процедуру регистрации прошли 969 религиозных организаций, в 2015 г. - 1054; в 2014 г. - 901; в 2013 г. - 917; в 2012 г. - 776; в 2011 г. - 354. Общее количество зарегистрированных религиозных организаций на 2016 г. составляет 28 465, что на 9,6% больше по сравнению с 2015 г. (27 496) [9]. При этом в отношении более 50 некоммерческих организаций (20 из которых – религиозные организации) судами принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», а также в отношении двух религиозных организаций в 2016 году принято решение о приостановлении

Абдулганеев Ренат Рафаилович, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отделения Казанского юридического института МВД России

e-mail: renatabd001@mail.ru

© Абдулганеев Р.Р., 2016

Статья получена: 05.10.2016

деятельности в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности [6].

Отмечая перспективность изменений, внесенных Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ в отдельные законодательные акты Российской Федерации, в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности, укажем, что они не лишены дискуссионности и требуют отдельного рассмотрения.

Мы считаем, что стоит приветствовать регулирование процесса религиозно-миссионерской деятельности дополнением Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» главой III.1 «Миссионерская деятельность» [4]. Однако иные воплощенные законодательные инициативы в сфере деятельности религиозных организаций, по нашему мнению, не в полной мере позволяют субъектам предупреждения преступлений экстремистской направленности и террористического характера реализовывать охранительные функции государства. Так, п.3 ст.17 Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» дополнен новым требованием по маркировке литературных, печатных, аудио- и видеоматериалов, выпускаемых религиозной организацией. Насколько указанные законодательные меры были необходимы, когда неурегулированным остался вопрос о противодействии пропаганде идей экстремизма и терроризма в деятельности религиозных организаций? Заметим, что согласно положению ст. 12 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [5] государственной регистрации не подлежат периодические издания, тираж которых не превышает 1000 экземпляров, а также аудио- и видеопрограммы, распространяемые в записи тиражом не более десяти экземпляров.

По нашему мнению, предоставленные законодателем условия облегчают возможность для распространения идей религиозного экстремизма и терроризма среди широких слоев населения. Часто печатные издания, пропагандирующие крайние религиозные взгляды, исполнены на качественных бумажных носителях, имеют привлекательную обложку и распространяются на безвозмездной основе. При этом лицо, не осведомленное об истинных целях религиозных экстремистских или террористических организаций, может и не подозревать об опасности подобных печатных изданий.

Решением данной проблемы может стать внесение изменений в ст. 12 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» путем установления максимального по-

рога в 100 экземпляров тиражируемой печатной продукции для религиозных организаций. Указанные меры, по нашему мнению, позволят взять под государственный контроль тиражирование печатной продукции религиозными организациями и вывести из легального оборота материалы, противоречащие требованиям законодательства.

Следующее, на что необходимо обратить внимание законодателя, это установление мер контроля за распространяемой литературой в религиозных приходах и религиозных образовательных организациях.

Отсутствие современной системы реагирования на факты распространения в религиозных учреждениях экстремистской литературы приводит к значительным упущениям в вопросах предупреждения данного негативного социального явления среди духовно активной части населения.

Исходя из указанного выше, считаем важным закрепить в Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» обязанность за руководителями религиозных приходов, руководителями религиозных образовательных организаций по контролю за распространением на территории религиозного прихода, религиозной образовательной организации печатной и иной продукции религиозного содержания.

Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ также внесены изменения в ч. 8 ст. 25.6 Федерального закона от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [2], предусматривающие новый порядок пересечения государственной границы России для иностранных граждан с целью осуществления профессиональной религиозной деятельности, в том числе миссионерской деятельности, по трудовому или гражданско-правовому договору с религиозными организациями.

Полагаем, что важным дополнением к приведенным мерам явилась бы разработка совместных учетов иностранных граждан, въезжающих с целью осуществления профессиональной религиозной деятельности, в том числе миссионерской деятельности, по трудовому или гражданско-правовому договору с религиозными организациями, а также учетов граждан Российской Федерации, выезжающих за рубеж для получения религиозного образования.

Реализация указанного направления представляется возможной путем заключения соглашения о сотрудничестве между центральными институтами управления зарегистрированных религиозных организаций и МВД России. При этом среди субъектов обозначенной категории особому контролю подлежат: а) выезжающие на обучение по направ-

лению религиозных конфессий; б) выезжающие на обучение в рамках международных обменов с зарубежными религиозными учреждениями и организациями; в) выезжающие по приглашению зарубежных религиозных образовательных учреждений и организаций; г) изъявившие желание к самостоятельному обучению в зарубежных религиозных образовательных организациях.

Полученная информация должна быть положена в основу дальнейшего мониторинга деятельности граждан указанных категорий в целях пресечения возможности совершения ими преступлений экстремистской направленности и (или) террористического характера.

Другим полюсом борьбы с экстремизмом и терроризмом является противодействие его финансированию. Изменения, коснувшиеся Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [3], оставили без должной правовой регламентации вопросы учета денежных средств, получаемых религиозной организацией в качестве пожертвований. Сегодня сложилась ситуация, когда религиозная организация имеет возможность аккумулировать и распоряжаться денежными средствами, поступающими на ее расчетный счет в финансовой организации, но также и денежными средствами, поступающими непосредственно в религиозную организацию (к примеру, ящики для пожертвований). В связи с этим мы считаем, что наличие неконтролируемых источников финансирования открывает широкую перспективу для религиозных экстремистских и террористических организаций, не только позволяет распространять их идеологические воззрения, но и дает возможность заручиться поддержкой среди представителей государственных органов и духовенства, кратно увеличивает опасность совершаемых преступных деяний и создает препятствия для эффективного правового реагирования на данные факты.

На основе анализа отдельных мер противодействия религиозному экстремизму и терроризму, закрепленных Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ, представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. Полагаем, что новые меры правового регулирования сферы противодействия экстремизму и терроризму должны быть взаимосвязаны с реализуемыми федеральными и региональными программами по предупреждению данных негативных социальных явлений, в первую очередь с программами по селективной профилактике религиозного экстремизма и терроризма (криминологические меры воздействия на лиц, разделяющих идеологию

экстремистских и террористических организаций, а также лиц, осужденных к реальным срокам лишения свободы за преступления экстремистской направленности и террористического характера).

2. Важно отметить, что одним из перспективных направлений, не затронутых изменениями законодательства, остается проблема противодействия преступному потенциалу незаконной миграции как одному из средств распространения идеологии религиозного экстремизма и терроризма. По нашему мнению, данное направление в рамках реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [8] позволит взять под контроль сферу распространения идеологии экстремизма и терроризма как в среде мигрантов, так и среди российских граждан.

3. С сожалением отмечаем, что в Федеральном законе от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ не нашли правового отражения меры, направленные на дерадикализацию лиц из числа активных членов религиозных экстремистских и террористических организаций (меры по разобщению членов экстремистских и террористических групп и извлечению ее членов из криминальной среды). Законодатель, акцентируя внимание на борьбе с конкретными проявлениями экстремизма и терроризма, оставляет без должного внимания повышенную общественную опасность возврата к криминальному поведению лиц, приобщившихся к религиозной экстремистской идеологии в местах лишения свободы [10].

4. Своевременной и целесообразной является правовая регламентация религиозно-миссионерской деятельности в стране. Однако неурегулированность отдельных вопросов о формах, методах и местах ее осуществления создает напряженность в среде духовенства и религиозно-ориентированной части общества. Считаем наиболее обоснованным не отождествлять миссионерскую деятельность с видом деятельности религиозной организации, так как она может осуществляться и лицами, не относящимися к зарегистрированным религиозным организациям. Полагаем, что такое понимание миссионерской деятельности позволит расширить возможности правоприменителя в случае выхода деяний таких лиц за рамки правового поля.

5. Законодателем проделана большая работа по оптимизации сферы противодействия финансированию экстремизма и терроризма, однако не урегулированной остается процедура финансового контроля за операциями физических и юридических лиц, где одним из участников является лицо, в отношении которого применены меры прокурорского реагирования на нарушения федерального законодательства в сфере запрета на осуществление экстремистской деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ // Рос. газета. 2016. 8 июля.
2. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ : в ред. Федерального закона от 6 июля 2016 № 374-ФЗ // Рос. газета. 1996. 22 авг.
3. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ : в ред. Федерального закона от 23 июня 2016 № 191-ФЗ // Рос. газета. 2001. 9 авг.
4. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ : в ред. Федерального закона от 6 июля 2016 № 374-ФЗ // Рос. газета. 1997. 26 сент.
5. О средствах массовой информации: закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 : в ред. Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 280-ФЗ // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 7, ст. 300.
6. Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: http://minjust.ru/nko/perechen_zapret (дата обращения: 23.09.2016 г.).
7. Сводный отчет ГИАЦ МВД России о преступлениях террористического характера, экстремистской направленности и связанных с террористической деятельностью. М., 2015.
8. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.: Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 № 1666 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52, ст. 7477.
9. Число религиозных организаций, зарегистрированных в РФ, на 1 января 2016 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/gosudar/02-11.docx
10. Галахов С.С. К вопросу о понятии криминологического предупреждения экстремизма, противодействия экстремистской деятельности // Алтайский юридический вестник. 2016. №1. С. 70-76.

УДК 343.23

О.В. Артюшина

ЧАСТИЧНАЯ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПОБОЕВ КАК ЭКОНОМИЯ МЕР УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ

На основе изучения научной литературы и материалов судебной практики определяются возможности административной преюдиции в реализации уголовной политики; анализируются изменения в регламентации ответственности за побои, внесенные в УК РФ Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ.

Ключевые слова: уголовная политика, криминализация и декриминализация, уголовная и административная ответственность за побои, административная преюдиция, изменение законодательства.

3 июля 2016 года в законодательство об ответственности за побои были внесены существенные изменения [1; 2]. Уголовно наказуемыми остались только побои и иные юридически тождественные им действия:

1) совершенные в отношении близких лиц, по хулиганским, а также экстремистским мотивам (ст. 116 УК РФ);

2) совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию по ст. 6.1.1 КоАП РФ (ст. 116.1 УК РФ).

Еще во время рассмотрения проектов Федеральных законов, вносящих эти изменения, в литературе обозначилась дискуссия об их оценке. С критикой выступил В.И. Торговченков, который обратил внимание на процессуальные трудности привлечения виновного к административной и уголовной ответственности. Он указывал, что «круговорот» ответственности нельзя считать оптимальным расходом ресурсов и времени правоохранительной системы [3].

Однако, думается, что это неверный подход. При правотворчестве материальное – уголовное право имеет приоритет. Процессуальное – призвано его обеспечивать, а не наоборот. Важна криминологическая обоснованность изменений в уголовное законодательство, но не уголовно-процессуальная. Упрощение процесса привлечения к ответственности не может быть основанием для криминализации или декриминализации.

По мнению А. Гурова, побои не должны быть относимы к административным правонарушениям, поскольку объектом правовой охраны здесь

выступает жизнь и здоровье человека [4].

Представляется, что непосредственным объектом побоев выступает телесная неприкосновенность, деяние не влечет даже легкого вреда здоровью. Поэтому вопрос о смягчении ответственности за побои, по нашему мнению, оправдан.

Отрицательно оценивают частичную декриминализацию побоев и ведущие специалисты в области уголовного права, в частности Н.Е. Крылова. Анализируя проект изменений, она приходит к выводу, что декриминализация побоев, совершенных без специальных признаков, и установление за них административной ответственности необоснованны и способны снизить правовую защиту потерпевших от насилия лиц, а также породить новые проблемы на практике [5, 6, 7].

Несмотря на появление новых вопросов по квалификации побоев, связанных с конкуренцией норм, разграничению со смежными составами, представляется, что в данном случае налицо социальная обусловленность изменений уголовного закона. Это деяние по своей сути изначально не представляет достаточную степень общественной опасности. Уголовная ответственность – самый строгий вид ответственности, имеющийся в арсенале государства. УК РФ по своему предназначению должен быть лаконичен, а не избыточен. В связи с этим телесная неприкосновенность может быть объектом уголовно-правовой охраны только в особых случаях – например, при наличии признаков, указанных в ст. 116 УК РФ, и при повторности – согласно ст. 116.1 УК РФ.

М.А. Кауфман, высказываясь против частич-

Артюшина Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России

e-mail: oart2012@mail.ru

© Артюшина О.В., 2016

Статья получена: 14.10.2016

ной декриминализации побоев, справедливо приводит утверждение Н.А. Лопашенко о том, что основанием декриминализации являются допущенные при проведении криминализации ошибки [8]. По его мнению, этого нельзя сказать по отношению к побоям, так как состав давно и прочно укрепился в уголовном законодательстве, вопрос о его декриминализации никогда не ставился.

С этим вряд ли можно согласиться. Я.И. Гилинский, представитель радикального направления уголовно-правовой науки, уже в течение 15 лет отмечает, что УК РФ избыточен по своему содержанию, перегружен нормами, составлен так, что каждый человек хотя бы раз в жизни совершил преступление [9, с. 13-58; 10, с. 150; 11]. Здесь он приводит в пример, прежде всего, побои. Еще в 2004 году, определяя важнейшие направления российской уголовной политики, он в первую очередь выделял декриминализацию большинства малозначительных, неопасных деяний с «переводом» части из них в разряд административных или гражданско-правовых проступков. «Неужели столь уж необходимо предусматривать уголовную ответственность за побои (ст. 116 УК РФ) ... Не достаточно ли в подобных случаях применения административных ... санкций?» [10, с. 318].

Избыточность криминализации деяний в УК РФ и необходимость решения данной проблемы отмечала и Н.Ф. Кузнецова. По ее мнению, решений может быть несколько: 1) декриминализация преступлений небольшой тяжести и «передача» их в административный и иные кодексы с одновременным усилением в них санкций за данные деяния; 2) возвращение по ряду норм к конструкциям с административной преюдицией; 3) введение категории «уголовный проступок» [12, с. 36].

Известно, что административная преюдиция в науке уголовного права исследуется с конца 60-х гг. XX века, прежде всего в работах В.П. Малкова [13]. В современных источниках ее часто называют одним из репрессивных юридических инструментов [14, с. 41]. При этом отмечают также её возможности по реанимации неработающих уголовно-правовых норм (ст. 119, 245 и др.) [15]; по гуманизации законодательства, например, об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности [16] и главное – по обеспечению принципа экономии мер уголовной репрессии [17].

Думается, что в данном случае ст. 116.1 УК РФ выполняет особую роль. Без неё законодатель не провел бы частичную декриминализацию деяния. Норма с административной преюдицией стала «золотой серединой», позволившей найти компромиссное решение, позволившее смягчить ответственность за деяние, но в рамках, границах разового его совершения.

Новеллы уголовного законодательства уже работают, применяются на практике. Например, в связи с декриминализацией побоев отменены приговор Верховного Суда Республики Татарстан от 20 мая 2016 года в отношении С., приговор Смоленского областного суда от 23 мая 2016 года в части осуждения Н. по ч. 1 ст. 116 УК РФ, а уголовные дела прекращены за отсутствием состава преступления [18; 19]. В аналогичном апелляционном определении при отмене приговора Тамбовского областного суда от 10 июня 2016 года суд отметил: поскольку Ф. ранее не подвергался административному наказанию за нанесение побоев, устранена преступность совершенных им деяний [20]. Думается, в данных примерах очевидно значение административной преюдиции в реализации принципа экономии мер уголовной репрессии.

Таким образом, обобщая всё вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Частичная декриминализация побоев обусловлена отсутствием достаточной степени общественной опасности деяния. Ошибочность криминализации данного деяния, ныне отнесенного к административным правонарушениям, не была очевидной в связи с преобладавшим долгое время в уголовном праве «репрессивным подходом».

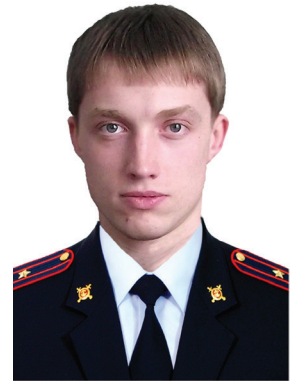
2. Ст. 116 и 116.1 УК РФ в комплексе обеспечивают гуманизацию уголовного законодательства об ответственности за побои. Норма с административной преюдицией, хотя и выступает сдерживающим фактором, всё же направлена на смягчение ответственности.

3. На примере изменений в регламентации ответственности за побои можно убедиться в широком диапазоне возможностей административной преюдиции в реализации уголовной политики. Этот прием юридической техники позволяет не только усиливать ответственность, криминализуя правонарушения, но и смягчать её путем частичной декриминализации преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федеральный закон от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: Федеральный закон от 3 июля 2016 года № 326-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
3. Торговченков В.И. К вопросу о внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации, предложенных Верховным Судом России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. №1 Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
4. Гуров А. Настало ли время? // ЭЖ-Юрист. 2016. № 10. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
5. Крылова Н.Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов Федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. // Закон. 2015. № 8. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
6. Скобликов П. Ближе к гуманности, дальше от справедливости? Судебное ведомство выступило с инициативой декриминализации мелких хищений и побоев // Юрист спешит на помощь. 2015. № 10. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
7. Быков В.М. Об инициативе Верховного Суда РФ о смягчении наказания лицам, совершившим преступление небольшой тяжести // Законность. 2015. № 11. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
8. Кауфман М.А. Правотворческие ошибки в уголовном праве // Журнал российского права. 2016. N 9. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
9. Криминология XX век. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. 554 с.
10. Гилинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. Избранные статьи. СПб.: Издательство Р.Арсланова «Юридический центр Пресс», 2004. 322 с.
11. Кофырин Н. Яков Гилинский - Мы все преступники! URL: <http://www.crimpravo.ru/en/blog/2716.html>.
12. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. М.: Издательство МГУ, 2007. 336 с.
13. Малков В.П. Повторность поступка и уголовная ответственность. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 1968. 123с.
14. Безверхов А.Г. Административная преюдициальность и уголовное законодательство России: истоки, задачи, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2011. 2 (10). С. 39-52.
15. Онколов Ю.П. Сочетание административной преюдиции и декриминализации как инструмент предупреждения административных правонарушений и преступлений // Административное право и процесс. 2013. № 2. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
16. Лапина М.А., Карпухин Д.В., Трунцевский Ю.В. Административная преюдиция как способ декриминализации уголовных преступлений и разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в современный период // Административное и муниципальное право. 2015. № 11. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
17. Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 6. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
18. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 21.07.2016 N11-АПУ16-18 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
19. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 06.09.2016 N36-АПУ16-10 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
20. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 23.08.2016 N13-АПУ16-4 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

УДК 34.03

А.Г. Репьев**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ:
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ
(НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)**

В работе исследуются федеральные и региональные особенности правового регулирования предупреждения правонарушений в семейно-бытовых отношениях. На основе анализа причин и условий их совершения обосновывается необходимость дополнения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях нормой, предполагающей ответственность за хулиганские действия в быту.

Ключевые слова: профилактика, семейно-бытовые правонарушения, дебошир, хулиганство.

Одним из серьезных факторов, влияющих на ухудшение криминогенной обстановки в России и ее отдельных регионах, выступает значительный уровень административных правонарушений и преступлений, совершаемых на почве семейно-бытовых отношений. Обозначенное детерминирует активную деятельность ученых по исследованию процессов, связанных с отношениями родственников, соседей и друзей в психолого-юридическом, криминологическом, административном и уголовно-правовом аспектах.

Общие вопросы семейно-бытового неблагополучия на разных исторических этапах были освещены в работах известных криминологов: Ю.М. Антоняна [1], А.Н. Варыгина [2], И.В. Горшкова [3], В.Н. Кудрявцева [4], В.П. Ревина [5], Л.В. Сердюка [6], Д.А. Шестакова [7] и др. За последние годы защищены кандидатские диссертации о предупреждении бытового неблагополучия [8] и криминогенного воздействия в семье на женщин и несовершеннолетних [9], в том числе с учетом специфики отдельных регионов [10].

Первый же взгляд на проблему общей семейно-бытовой криминализации заставляет нас обратиться к необходимости разработки четкого понятийного аппарата. Отталкиваясь от собственных представлений о семейно-бытовых отношениях, авторы формулируют следующие дефиниции противоправных деяний в данной сфере. К примеру, В.А. Коцюба под семейно-бытовым преступлени-

ем понимает «результат разрешения общественно опасным деянием конфликта, возникшего между людьми, состоящими в определенных семейных (родственных) отношениях» [11, с. 27]. Полагая, что определение требует конкретизации, как с позиции уточнения характера этих отношений, так и по субъектному составу. М. Г. Маликова в сущность вышеуказанного понятия вкладывает «совокупность преступлений против жизни, здоровья, половой неприкосновенности, свободы, чести и достоинства, собственности, совершаемых в семье и в быту» [10, с. 11]. Похожей, но, к сожалению, еще более абстрактной выглядит дефиниция, предлагаемая для раскрытия семейно-бытового преступления А. Х. Ал-Кавасми. Автор считает, что это «любое общественно опасное и уголовно-противоправное деяние, совершаемое против жизни, здоровья и других законных прав и свобод личности на почве бытового мотива» [12, с. 7]. Н. А. Филиппов и вовсе, рассуждая на тему развития семейно-бытовых конфликтов, как вид преступлений выделяет только «семейное преступление», под которым предлагает понимать «уголовно-наказуемое деяние, совершенное на почве соответствующих противоречий, конфликтных личностно-семейных или общественно-семейных отношений виновного и потерпевшего по внутренним семейным мотивам» [13, с. 9].

Как мы видим, авторы, с одной стороны, излишне сужают сущностный и содержательный

Репьев Артем Григорьевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России (БЮИ МВД России)

e-mail: repyev-artem@yandex.ru

© Репьев А.Г., 2016

Статья получена: 20.04.2016

аспекты данной дефиниции, акцентируя внимание лишь на родственных отношениях, не учитывая бытовые (между соседями, сожителями, знакомыми и т. д.). С другой, упоминая о бытовой составляющей, не раскрывают ее смысл, субъектный состав, социальные связи участников и мотивы взаимоотношений между людьми.

Приведем, как мы полагаем, более удачный пример. Семейно-бытовая сфера обоснованно рассматривается некоторыми авторами как «совокупность общественных отношений, включающих личностные обыденные отношения между членами семьи (супругами, родителями, детьми), родственниками, товарищами, соседями, знакомыми, связанные с потреблением непродовольственных материальных и духовных ценностей и основанные на привычном распорядке, традициях и отношениях, устоявшихся между людьми» [14, с. 16].

Мы солидарны с приведенной точкой зрения и, в свою очередь, полагаем, что правонарушения семейно-бытового характера – это административно-деликтные и криминальные акты на почве столкновения интересов лиц, связанных между собою личностно-бытовыми и общественно-бытовыми отношениями. Под личностно-бытовыми нами понимаются отношения между родственниками, сожителями, квартирантами, соседями и иными лицами, общение между которыми обусловлено совместным проживанием (пребыванием). Общественно-бытовые отношения складываются между людьми в сфере организации и предоставления каких-либо услуг друг другу (обслуживание, содержание, уход, воспитание и т. д.). К примеру, отношения между постояльцем и горничной отеля. Ключевой признак бытового преступления, признаваемый в работах большинства ученых, это бытовой конфликт, острое противоречие между преступником и жертвой.

За 2015 год на территории Алтайского края совершено 3940 уголовно наказуемых деяний на почве семейно-бытовых отношений, что на 2,8% меньше в сравнении с соответствующим периодом 2014 года. Их удельный вес в структуре всех преступлений уменьшился с 14,9% до 13,6%. Если складывающаяся на сегодняшний день картина с бытовой преступностью в целом на уровне региона выглядит еще не так угнетающе, то ее характеристика, причины и условия позволяют серьезно задуматься об активизации профилактической работы как органов правопорядка, так и муниципальных властей.

Анализ материалов более чем 100 уголовных дел, возбужденных и оконченных производством по преступлениям, совершенным на почве семейно-бытового конфликта, позволил выявить их наиболее характерные особенности:

1) преобладание насильственных преступлений. Так, в прошлом году в числе преступлений, совершенных в крае на бытовой почве, зарегистрировано 236 тяжких и особо тяжких уголовно наказуемых деяний, 43 убийства, 193 факта умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, 442 факта умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью;

2) совершение бытовых преступлений преимущественно в семье, в том числе в отношении родителей, женщин-сожительниц, малолетних детей, стариков и инвалидов. Пример: 29.02.2016 примерно в 20:00 в своем доме по ул. Ш. г. Барнаула, гражданин В., 1987 года рождения, во время совместного распития спиртных напитков и ссоры причинил перелом 5 и 6 ребер справа, пневмоторакс правого легкого своему престарелому отцу А., 1956 года рождения;

3) высокий уровень латентности данных преступлений и, как следствие этого, – многоэпизодность совершения противоправных посягательств в отношении одних и тех же жертв. На сегодняшний день, к сожалению, о фактах семейного неблагополучия, насилия в отношении женщин и детей органы полиции, участковые уполномоченные узнают уже на той стадии, когда жертва не в состоянии находиться в данной среде, попросту уходит из дома. Так, в сентябре 2015 года в МО МВД России поступило сообщение гражданина П. о том, что 10.09.2015 года его опекаемая Х., 2005 года рождения, ушла из дома и местонахождение ее неизвестно. В ходе проверки было установлено, что П. ненадлежащим образом исполняет обязанности по воспитанию опекаемого ребенка, избивает ее, что и послужило причиной ухода несовершеннолетней из дома. 21.09.2015 возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего»;

4) высокая доля совершения бытовых преступлений в состоянии опьянения. К примеру, из 236 тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в 2015 году в Алтайском крае, 82,2% (194 факта) были совершены в состоянии опьянения;

5) существенная виктимологическая составляющая. Характерно, что потенциальные потерпевшие, перед тем как стать жертвой преступления, в 70% случаев употребляют алкогольные напитки и наркотические средства с будущим преступником. Примеров очень много. 11.02.2016 в 20:00 в центральную районную больницу г. Алейска Алтайского края с проникающей колото-резаной раной брюшной полости, с повреждением кишечника госпитализирован гражданин А., 1960 года рождения, которому в ходе совместного распития ранение нанесла жена Т., 1961 года рождения. По данному факту возбуждено

уголовное дело, ведется расследование.

Общим признаком для всех выше названных характеристик выступает многомотивность. В очевидном большинстве бытовые преступления представляют собой результат длительных конфликтов, порождающих взаимную неприязнь преступника и жертвы. Характерно, что подобная тенденция стала прослеживаться в последние десятилетия. Связано это, как мы полагаем, с общим кризисом идеологии социальных и межличностных отношений, коммерциализацией общества, утратой коммуникативных способностей наших соотечественников, в том числе по ненасильственному урегулированию конфликтов. Исследования, проводимые в 60-х годах прошлого века, свидетельствовали об обратном: семейно-бытовые преступления совершались «в условиях внезапно возникшей конфликтной ситуации при скоротечном развитии событий» [15, с. 22].

Одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел должно стать выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений на почве семейно-бытовых отношений.

Как и раньше, основной их причиной выступает низкий образовательный и культурный уровень части граждан, невысокая сознательность. Справедливо, что при описании главы IX УК РСФСР 1922 года «Преступления, составляющие пережитки родового быта», ученые указывали, что «большинство этих преступлений совершается неосознанными элементами в силу темноты и некультурности» [16, с. 283]. На сегодняшний день эти слова не потеряли своей актуальности. По итогам 12 месяцев прошедшего года в Алтайском крае доля лиц со средним и средним профессиональным образованием, совершивших преступления, составляет 86,6% от общего количества преступников.

Другой причиной выступают безработица, социальная неустроенность, примитивные интересы и потребности. Это приводит к созданию в семье атмосферы бескультурья, игнорирования полезной информации, бесцельному времяпрепровождению и праздности, заполняемым, как правило, пьянством. В Алтайском крае доля лиц без постоянного источника дохода, совершивших преступления, составляет 66,9% (17861 из 26665), общероссийский показатель в целом аналогичен.

Распущенность современного общества, утрата духовных ценностей, к сожалению, становится следствием участвовавших сексуально-аморальных поступков в отношении членов семьи (детей и родителей) под воздействием алкоголя. На обозначенных проблемах насилия в семье ранее мы останавливались подробнее [17]. Удельный вес преступлений,

совершенных лицами в состоянии алкогольного опьянения, по итогам 2015 года, от общего числа расследованных уголовно наказуемых деяний в крае, составил 43,7% (2014 г. – 39,6%), что выше среднего показателя по Сибирскому федеральному округу (37,9%) и в целом по России (32,1%).

Приведенные причины и условия на постоянной основе тщательно анализируются органами полиции с последующей выработкой комплекса необходимых профилактических мероприятий. Основным субъектом предупреждения бытового насилия, конфликтов населения, перерастающих в общественно-опасные деяния, традиционно остается участковый уполномоченный полиции. Вместе с тем в настоящее время имеется ряд проблемных вопросов в организации работы по профилактике бытовой преступности, решение которых возможно на межведомственном уровне и в тесном взаимодействии.

В рамках требований Наставления по организации деятельности участковых уполномоченных полиции, утвержденного приказом МВД России от 31.12.2012 №1166 [18], участковые уполномоченные полиции осуществляют индивидуальную профилактическую работу с лицами, совершившими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и представляющими опасность для окружающих. В административном законодательстве России отсутствует какой-либо состав правонарушения, совершаемого в указанной сфере. Законом Алтайского края [19] ответственность за семейно-бытовое дебоширство также не установлена. Кроме этого, не выработаны критерии поведения вышеуказанных лиц, по которым можно отнести их к «представляющим опасность для окружающих».

В качестве одной из причин преступлений, совершенных на бытовой почве, также следует отметить не всегда продуманную законодательскую политику государства. Речь в данном случае идет о принятии федерального закона от 21.07.2014 № 247-ФЗ [20]. Нормативный акт определил, что до заключения соглашения между Министерством внутренних дел Российской Федерации и органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации о передаче осуществления части полномочий, составление протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных региональными законами, в компетенцию сотрудников органов внутренних дел не входит.

Практика применения в ряде регионов Российской Федерации (Республика Башкортостан, Вологодская, Пензенская области и др.) законодательства, устанавливающего ответственность за семейно-бытовое дебоширство, широко используется. Меры профилактического характера,

предусмотренные санкциями статей, в определенной степени оказывают положительное влияние на правонарушителей. Так, по итогам 2013 года сотрудниками полиции Пензенской области выявлено 3185 правонарушений в области семейно-бытового дебоширства. Документирование правонарушений по ст. 9.3 Кодекса Пензенской области об административных правонарушениях (семейно-бытовое дебоширство) не только являлось действенным средством профилактики правонарушений, но и основанием пополнения базы подучетных лиц указанной категории. В связи с этим необходима активизация, наступательность работы по заключению соответствующего соглашения, буквально в кратчайшие сроки.

Имеется и другая проблема в данном направлении деятельности. С учетом того, что административный арест, как вид наказания, не может быть применен в рамках документирования правонарушения, ответственность за которое предусмотрена региональным законодательством, дебошир через несколько часов после совершения противоправных действий вновь возвращается в семью. В этом

случае создается реальная угроза совершения тяжкого преступления на бытовой почве. Трагичные случаи развития подобных ситуаций уже имеют место. В связи с этим возможно, следует внести изменения в ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Мелкое хулиганство» с введением ч. 3, диспозиция которой должна предусматривать ответственность за нарушение покоя семьи в месте ее проживания (пребывания), выраженное явным неуважением к члену семьи, сопровождающееся учинением беспорядка (порчей имущества) и (или) оскорбительным обращением и (или) нецензурной бранью.

Безусловно, даже успешная реализация всех перечисленных мероприятий и устранение изложенных коллизий не позволит нам полностью искоренить бытовую преступность. Однако мы убеждены, что скоординированные и адекватные правовые средства воздействия, применяемые всеми субъектами профилактики, все же позволят существенно сократить число тяжких и особо тяжких правонарушений в быту, убережет немалое количество женщин и детей от дебоширов, сохранит не одну семью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян Ю. М. Жестокость в нашей жизни. М.: ИНФРА, 1995. 319 с.
2. Варыгин А. Н. Особенности семейно-бытовых преступлений и их предупреждения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 3 (17). С. 30–34.
3. Горшков И. В. Внутрисемейные агрессивные деликты психопатических личностей // Социальная и судебная психиатрия: история и современность. Материалы юбилейной конференции. М.: Изд-во ГНЦ СиСП им. В. П. Сербского, 1996. С. 289–292.
4. Кудрявцев В. Н., Кудрявцев Ю. В., Нерсисянц В. С. Механизмы поведения, отклоняющегося от нормы. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М.: Юрид. лит., 1984. 320 с.
5. Ревин В. П. Современные проблемы изучения и организации борьбы с преступлениями в сферах семейно-бытовых и молодежно-досуговых отношений: автореф. дис. ... докт. юрид. наук в форме научного доклада. М., 1994. 52 с.
6. Сердюк Л. В. Криминологическое и уголовно-правовое исследование насилия: дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2003. 449 с.
7. Шестаков Д. А. Введение в криминологию семейных отношений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. 81 с.
8. Равнюшкин А. В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения органами внутренних дел правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 26 с.
9. Пухтий Е. Е. Преступления против семьи и несовершеннолетних: вопросы техники конструирования составов и дифференциации ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 25 с.
10. Маликова М. Г. Криминологическая характеристика преступности в сфере семейно-бытовых отношений: региональный аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. 183 с.
11. Коцюба В. А. Криминологический анализ и предупреждение преступлений в сфере семейно-бытовых отношений: по материалам Дальневосточного региона: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 186 с.
12. Ал-Кавасми А. Х. Противодействие криминальному насилию в сфере семейно-бытовых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2011. 27 с.
13. Филиппов Н. А. Криминологическое изучение преступлений против жизни и здоровья, совершенных на почве наркомании в сфере семейно-бытовых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 28 с.
14. Аракелян С. В. Убийства в сфере семейно-бытовых отношений и их предупреждение: по материа-

лам Республики Армения: дис. ... канд. юрид. наук. Ереван, 1999. 137 с.

15. Кочаров Г. И. Борьба с умышленными убийствами в СССР: автореф. дис. ... докт. юрид. наук в форме научного доклада. М., 1968. 59 с.

16. Цит. по: Алиев Г. А., Бельцов Н. И. Особенности преступлений, совершаемых в сфере быта и досуга. М.: СПАРК, 1997. 304 с.

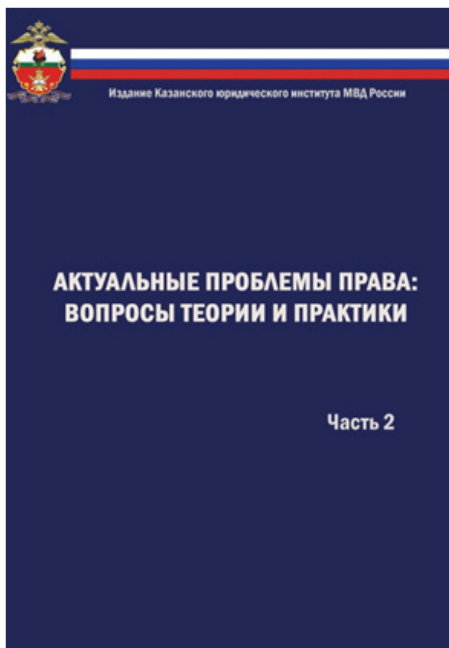
17. Репьев А. Г. Насильственные действия в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии: теоретико-правовые и процессуальные гарантии по законодательству России // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: сборник тезисов докладов международной научно-практической конференции (Республика Беларусь, Минск, 7 апреля 2016 г.). Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2016. С. 230–231.

18. Российская газета. 2013. 27 марта.

19. Об административной ответственности за совершение правонарушений на территории Алтайского края : закон Алтайского края от 10.07.2002 № 46-ЗС (в ред. от 22.12.2015) // Сборник законодательства Алтайского края. 2002. № 75. С. 34.

20. О внесении изменения в статью 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 21.07.2014 № 247-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (часть I). Ст. 4248.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Актуальные проблемы права: вопросы теории и практики: материалы всероссийской научно-практической конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов, слушателей и студентов (12 мая 2016 г.). – Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2016. – Ч.1-2.

Для аспирантов, соискателей, студентов юридических вузов, а также тех, кто изучает проблемы правового регулирования общественных отношений, социально-политического положения личности в современной России, актуальные проблемы преступности.

УДК 343.711.63

В.Н. Омелин

К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ КРАЖ НЕФТИ И ГОРЮЧЕ-СМАЗОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ

В данной статье рассматриваются проблемы, связанные с организацией выявления краж нефти и ГСМ, предлагаются основные направления поисковой работы в данной сфере.

Ключевые слова: выявление краж нефти, ГСМ, в сфере хищений нефти.

Россия - единственная среди крупных промышленно развитых стран мира, которая не только полностью обеспечена нефтью, но и в значительной мере экспортирует ее [1, с.85]. В недрах, являющихся собственностью России, сосредоточено 5,6% мировых запасов нефти [2, с. 3].

Высокая окупаемость капиталовложений в предприятия нефтегазового комплекса, а также рентабельность их деятельности в целом, обусловленные большим спросом на их продукцию, сделали этот комплекс чрезвычайно привлекательным не только для легальной деятельности, но и для преступных посягательств. Хищение нефти и нефтепродуктов, как правило, – это хорошо организованный криминальный «бизнес». По оценкам экспертов, ежегодно в России похищают свыше 5 млн тонн нефти, а ущерб оценивается примерно в 800 млн долларов. Например, только из акционерной компании «Транснефть» (ОАО «Транснефть» является монополистом по транспортировке нефти и нефтепродуктов по магистральным трубопроводам в России) ежегодно похищается около 130 тысяч тонн черного золота. И это только прямые потери, не считая восстановительных работ и экологического ущерба. Оценка экономических потерь от несанкционированных врезок составляет для нефтяных компаний порядка 55-106 млрд руб., а для бюджета страны – 19-37 млрд руб., подсчитали в «ВТБ Капитале» [3].

Одной из особенностей краж нефти и ГСМ является активная деятельность организованных преступных групп, направленная на совершение хищений нефти из нефтепроводов с целью их последующей реализации, в основном в качестве давальческого сырья через посреднические фирмы на нефтеперерабатывающие заводы, а также за рубеж. В последние годы получили распростра-

нение хищения нефти и нефтепродуктов из магистральных трубопроводов путем криминальных врезок с последующей их реализацией через «нелегальные» нефтебазы и нефтехранилища. Черное золото расхищают с помощью подземных скважин длиной в несколько километров. Есть даже подземные бункеры, оборудованные пультами управления и операторским местом [4].

Специфику краж нефти и ГСМ определяют данные о предмете преступного посягательства, которые непосредственно связаны с обстановкой совершения преступления и имеют ряд особенностей: жидкое состояние, взрыво- и пожароопасность, ядовитость, изменчивость состава и т.п. Соответственно, отличительной особенностью хищений нефти и нефтепродуктов из магистральных трубопроводов являются условия для дальнейшего хранения, необходимость специального оборудования для закачки, использование специального транспорта и т.п. Свойства предмета преступного посягательства и обстановка, складывающаяся на объектах добычи, хранения, переработки, транспортировки нефти и ГСМ, напрямую влияют на выбор похитителем места совершения кражи.

Обнаружение информации о кражах нефти и ГСМ, лиц, их совершивших либо подготавливающих, составляет, образно говоря, основу организации оперативно-розыскной деятельности в этой сфере и является необходимым условием успешного предупреждения и раскрытия преступлений органами внутренних дел.

Проведенный нами анализ норм УПК РФ показывает, что такой уголовно-процессуальной задачи, как обнаружение преступлений и лиц, их совершивших, этот кодекс не содержит. В ч. 2 ст.21 УПК РФ, регулирующей вопросы осуществления уголовно-

Омелин Виктор Николаевич, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний
e-mail: v.omelin@mail.ru

© Омелин В. Н., 2016

Статья получена: 21.10.2016

го преследования, закреплено лишь положение, что орган дознания (в числе иных субъектов уголовного преследования) в каждом случае обнаружения признаков преступления принимает предусмотренные кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Из текста статьи непонятно, на кого из должностных лиц непосредственно возлагается процессуальная обязанность обнаружения самих признаков преступления, законодатель умалчивает об этом. Кроме того, содержащийся в этой норме закона термин «изобличение лица или лиц, виновных в совершении преступления» далеко не равнозначен термину «установление лиц, виновных в совершении преступления», как это было закреплено в ст. 3 УПК РСФСР.

В ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» выявление преступлений и лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, указывается в качестве задачи оперативно-розыскной деятельности. Обязанность выявлять, предупреждать, пресекать и раскрывать преступления, а также выявлять и устанавливать лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, на оперативные подразделения полиции возлагается Федеральным законом «О полиции» (ст. 12 Закона).

Непосредственно обязанность выявлять преступления, лиц, причастных к их совершению, в числе других основных задач закреплена в Типовых положениях об МВД республик, ГУ(У) МВД по субъектам РФ, управлений, отделов МВД по району, городу и иному муниципальному образованию.

Кроме того, обязанность осуществления поиска первичных оперативно-розыскных данных возлагается не только на низовые оперативные подразделения территориальных ОВД, но и на оперативные службы центрального аппарата МВД РФ (положения о ГУУР, ГУЭБ и ПК, ГУПЭ, ГУТ и др.).

Многие исследователи в сфере оперативно-розыскной деятельности ОВД связывают выявление преступлений, а также лиц, их совершающих, с поисковой деятельностью. Термины «выявление первичных оперативно-розыскных данных», «выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес», «оперативный поиск» в теории оперативно-розыскной деятельности используются как синонимы [5, с. 10; 6, с. 49; 7, с. 6-8; 8, с. 365; 9, с. 445].

Чаще всего, согласно проведенному нами опросу практических работников ОВД (всего опрошено 150 респондентов ОВД районного уровня), информация о кражах нефти и ГСМ в ОВД поступает из следующих источников: от лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, - отметили 55% опрошенных; сообщений должностных лиц

– 30%; заявления граждан – 20%.

Подавляющее большинство опрошенных практических работников (75%) указали, что более эффективно работа по выявлению новых фактов совершенных краж нефти и ГСМ осуществляется в процессе оперативного сопровождения уголовных дел о таких преступлениях, гласной доследственной проверки.

Практика борьбы с такими кражами показывает, что при выявлении воров доминируют два основных направления оперативного поиска:

на объектах первоочередной оперативной заинтересованности. К ним относятся: места вероятного совершения краж нефти и ГСМ (нефтебазы, нефтеналивные пункты, организации, занимающиеся добычей, транспортировкой, переработкой, хранением и сбытом углеводородного сырья), места возможного сбыта и хранения похищенного нефтяного сырья (организации, использующие нефтяную продукцию в больших объемах для собственных нужд (например, для отопления - в качестве печного топлива), имеющие возможность для сдачи в аренду хранилищ для нефти и ГСМ (прежде всего, вдоль расположения основных автомобильных трасс);

среди лиц, представляющих оперативный интерес (как совокупности людей, связанных общностью криминальных интересов; работа или профессиональная деятельность которых связана с нефтью или ГСМ).

В местах поиска прежде всего должны устанавливаться объекты, сохранившие на себе следы преступления либо являвшиеся предметами или орудиями преступления. Ими могут быть: первичные и бухгалтерские документы, специальные приспособления для совершения преступлений (средства для производства несанкционированной врезки), емкости для хранения похищенных нефтепродуктов, аудио-, видеозаписи действий правонарушителей.

С целью выявления хищений при поступлении углеводородного сырья нужно изучать накладные и акты сдачи-приема, которые оформляются в день его отгрузки-приема. Информация, полученная из этих документов на этапе поступления сырья на склад и сырьевой парк, может характеризовать деятельность расхитителей по созданию неучтенных излишков. Следует иметь в виду, что, как правило, информация об используемых ворами нефтевозах фиксируется на проходной в организации, в которую осуществляется сбыт краденного или его временное хранение.

Информацией криминального характера обладают аудиторы, проводящие анализ финансово-хозяйственной деятельности объектов нефтегазового комплекса. Они могут располагать сведениями о финансовых и хозяйственных операциях, имеющих незаконный характер.

Данными о кражах нефти и ГСМ также обладают руководители и сотрудники железнодорожных станций, собственники путей необщего пользования (подъездных путей), предоставляющие место для «отстоя» цистерн с продукцией топливно-энергетического комплекса; работники различных коммерческих организаций, имеющих договорные связи с хозяйствующими субъектами нефтяного комплекса.

К иным сведениям, которые представляют оперативный интерес и являются объектами поиска, относятся события преступлений. Это связано с наличием: во-первых, латентной преступности (на ее наличие указали 50% опрошенных нами сотрудников ОВД); во-вторых, замаскированных преступлений; в-третьих, случаев умышленного сокрытия преступлений от учета должностными лицами органов внутренних дел.

К числу наиболее распространенных замаскированных преступлений следует отнести кражи нефти и ГСМ, совершенные при пособничестве материально ответственных и иных лиц с использованием своего должностного положения. Преступные действия таких лиц прикрываются всякого рода подложными документами и с внешней стороны не вызывают сомнений в их правомерности.

Несвоевременное обнаружение краж нефти и ГСМ значительно снижает эффективность раскрытия этих преступлений, поскольку осложняет поиск доказательной информации: преступники стараются избавиться от следов преступления (уничтожается одежда со следами нефтепродуктов, осуществляется перерегистрация нефтевозов и т.п.); существенно ограничиваются возможности ОВД по задержанию правонарушителей путем проведения оперативно-розыскных мероприятий неотложного характера в районе совершения преступления.

Помимо самих событий преступлений, к объектам поиска, представляющим оперативный интерес для органов внутренних дел, относятся обстоятельства, способствующие их совершению. Подобные обстоятельства чрезвычайно разнообразны. В первую очередь - это причины и условия, способствующие возникновению и реализации преступного умысла, например, воздействие преступных элементов на неустойчивых лиц, отсутствие должной

сохранности нефти, нефтепродуктов и т.п.

Для совершенствования деятельности ОВД по выявлению краж нефти и ГСМ руководителям ОВД нужно организовать: разъяснение гражданам и администрации организаций ТЭК о необходимости немедленной передачи в полицию информации о совершении данных хищений; постоянные деловые контакты со службами безопасности (СБ) нефтяных компаний, администрациями нефтегазодобывающих управлений и нефтеперерабатывающих заводов.

Устранение недостатков по своевременному выявлению рассматриваемых преступлений и лиц, их совершающих, по нашему мнению, может быть достигнуто целой системой организационных мер правового, кадрового и материально-технического характера, направленных на активизацию деятельности всех подразделений ОВД по поиску информации о хищениях нефти и ГСМ, проверке и передаче полученной информации в дежурную часть ОВД или непосредственно в оперативные подразделения.

В связи с изложенным, на наш взгляд, при организации оперативно-розыскной деятельности по выявлению краж нефти и ГСМ сотрудникам ОВД необходимо:

1. Строить такую деятельность на основе данных анализа оперативной обстановки, знания поисковых признаков лиц, совершающих хищения углеводородного сырья на территории обслуживания.

2. Сотрудникам ОВД, которые осуществляют борьбу с кражами нефти и ГСМ, важно определить объекты первоочередной оперативной заинтересованности по данному направлению работы, к которым относятся: места вероятного совершения краж нефти и ГСМ (нефтебазы, нефтеналивные пункты, организации, занимающиеся добычей, транспортировкой, переработкой, хранением и сбытом углеводородного сырья), места возможного сбыта и хранения похищенного нефтяного сырья (организации, использующие нефтяную продукцию в больших объемах для собственных нужд (например, для отопления - в качестве печного топлива), имеющие возможность для сдачи в аренду хранилищ для нефти и ГСМ (прежде всего вдоль расположения основных автомобильных трасс).

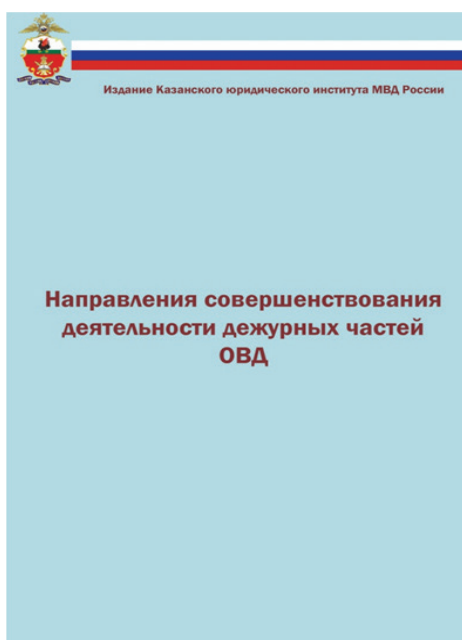
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алабердеев Р. Р. Теоретико-методологические основы и стратегические направления обеспечения экономической безопасности нефтегазового комплекса России: монография. М.: Издательство ЦНТБ пищевой промышленности, 2014.
2. Нудель С. Л. Преступность в сфере оборота нефти и нефтепродуктов в Российской Федерации: научно-практическое пособие. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2012.
3. Официальный сайт РБК. URL: <http://top.rbc.ru/economics/28/01/2013/842358.shtml>
4. См. интервью вице-президента «Транснефти» Михаила Баркова // URL: <http://voprosik.net/vorovstvo-nefti-v-rossii-usililos/>

5. Ульянов Р. И. Организация и тактика поисковой деятельности подразделений криминальной милиции в современных условиях: дис. ...канд. юрид. наук по специальности. М., 2002. С. 10
6. Тарасюк В. В. Правовые, организационные и тактические вопросы осуществления разведывательно-поиска оперативно-поисковыми подразделениями органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук по специальности. М., 1998. С. 49.
7. Бордиловский Э. И. и др. Выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, и их оперативно-розыскная профилактика: учебное пособие. М.: УМЦ при ГУК МВД РФ, 1992. С. 6-8.
8. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть: учебник под ред. В. М. Аتماжитова. М., 1990. С. 365.
9. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горянова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 445.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Направления совершенствования деятельности дежурных частей ОВД: материалы всероссийского круглого стола (27 мая 2016 г.). – Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2016. – 50с.

Для научно-педагогических работников, аспирантов и соискателей, студентов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД РФ, практических работников ОВД.

УДК 343.13

О.В. Левченко

ФУНКЦИИ ПОТЕРПЕВШЕГО ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются проблемы уголовного преследования в форме частного обвинения. Рассматриваются дискуссионные вопросы понимания данных дефиниций и утверждается, что частный обвинитель выполняет две отдельные функции: уголовного преследования и обвинения.

Ключевые слова: дела частного обвинения, потерпевший, частный обвинитель, функция уголовного преследования, функция обвинения.

Современные требования к уголовно-процессуальному законодательству предъявляются на основе их соответствия конституционным положениям, посвященным правам и свободам человека и гражданина.

Важное значение при защите таких прав имеет возможность в установленном законом порядке привлекать лицо к уголовной ответственности за совершение преступлений против личности. В соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ такие дела считаются уголовными делами частного обвинения.

Если по делам публичного и частно-публичного обвинения потерпевший использует общие полномочия, перечисленные в ст. 42 УПК РФ, то по делам частного обвинения он вправе выдвигать и поддерживать обвинение (ст. 43 УПК РФ).

В специальной литературе до настоящего времени остается дискуссионной проблема соотношения понятий «обвинение» и «уголовное преследование». Её разрешение даст нам ответ на вопрос: осуществляет ли потерпевший по делам частного обвинения функции и уголовного преследования, и обвинения.

Уголовное преследование в науке уголовно-процессуального права представляет собой отдельный институт права, который соотносится с другими институтами уголовного процесса и имеет свою направленность и цель существования.

В свое время М.С. Строгович писал, что «уголовное преследование – это обвинение как процессуальная функция, т.е. обвинительная деятельность» [2, с. 15], при этом включал в ее содержание поддержание обвинения перед судом. П.С. Элькинц рассматривала обвинение как процессуальную деятель-

ность, не связанную с уголовным преследованием, с деятельностью обвинителя в суде, как обвинительный тезис или утверждение о виновности [3, с. 60].

Оценивая данные высказывания, нужно иметь в виду, что ссылки на исследования видных процессуалистов советского периода, нужно воспринимать достаточно критически, т.к. данные выводы ими делались в условиях отсутствия принципа состязательности сторон и обвинение, осуществляемое частными лицами в связи с этим, ими не исследовалось. Ученые исходили из того, что субъектами обвинения выступали следователь, лицо, производящее дознание, прокурор.

Но и сейчас под уголовным преследованием в уголовно-процессуальном аспекте принято понимать практически всю деятельность, осуществляемую стороной обвинения, в том числе и обвинение в суде. Так, А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский пишут: «Уголовное обвинение должно иметь по общему правилу форму государственного уголовного преследования» [4, с. 110]. Е.В. Шишкина сущность уголовного преследования по делам частного обвинения видит в утверждении частного обвинителя о виновности подсудимого в совершении в отношении него преступления [5, с. 8].

Такое положение тесно связано с проблемой подмены функции уголовного преследования функцией обвинения. В свое время общепризнанной считалась концепция трех основных функций: уголовного преследования (обвинения), защиты и разрешения уголовного дела. Она поддерживается и рядом современных ученых-процессуалистов [6, с. 8].

Но законодатель определяет обвинение как утверждение о совершении определенным лицом

Левченко Ольга Владимировна, доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Оренбургского государственного университета

e-mail: levchenko195@mail.ru

© Левченко О.В., 2016

Статья получена: 24.03.2016

деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в установленном порядке (п. 22 ст. 5 УПК РФ), а уголовным преследованием считает процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ). В соответствии с этим необходимо ограничивать обвинение от уголовного преследования.

В юридической литературе высказывались мнения, что выделение частно-публичного и частного обвинения в самостоятельные формы уголовного судопроизводства вряд ли оправдано. Ученые, разделяющие подобные взгляды, считают, что по делам частного обвинения никакого обвинения не может быть, поскольку обвинение потерпевшего (его заявление) есть не что иное, как повод к возбуждению уголовного дела и не может расцениваться как акт привлечения в качестве обвиняемого [7, с. 17].

Мы считаем, что с такой позицией нельзя согласиться. Да, действительно, возбуждение уголовного дела частного обвинения в суде в отношении конкретного лица осуществляется путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд (ч. 1 ст. 318 УПК РФ). Но заявление потерпевшего как повод к возбуждению уголовного дела (п. 1 ч. 1 ст. 140 УПК РФ) и заявление потерпевшего по делам частного обвинения имеют существенную разницу, которая выражена в просьбе о привлечении к уголовной ответственности конкретного лица, совершившего правонарушение, предусмотренное законом как преступление, преследуемое в частном порядке.

В.В. Дорошков считает, что, «поскольку жалоба является обвинительным актом по аналогии с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого и с обвинительным заключением, пострадавший в своей жалобе должен указывать не только место, время совершения преступления, но и уголовный закон, предусматривающий данное преступление» [8, с. 81].

Конституционный Суд РФ в своем определении об отказе в принятии запроса мирового судьи судебного участка № 1 г. Смоленска указал, что процессуальный институт производства по делам частного обвинения предполагает разграничение функции отправления правосудия, возлагаемой на суд, и функции обвинения, реализуемой потерпевшим. Заявление потерпевшего по таким делам не только признается исключительным поводом к возбуждению уголовного дела частного обвинения, но и в качестве обвинительного акта, в рамках которого осуществляется уголовное преследование, вручается подсудимому для подготовки им своей защиты в судебном заседании [1].

Помимо подачи заявления, потерпевший (закон-

ный представитель), став частным обвинителем, выполняет и целый ряд процессуальных действий, обосновывает доказательствами формулировку обвинения, осуществляет поддержание его в суде.

Поэтому применительно к частному обвинению поступление заявления потерпевшего в суд или в правоохранительные органы, наделенные соответствующими полномочиями по осуществлению уголовного преследования, следует расценивать как осуществление обвинительной функции.

Функция уголовного преследования трактуется как процессуальная деятельность, осуществляемая дознавателем, начальником органа дознания, следователем, начальником следственного отдела; прокурором, частным обвинителем, его представителем, потерпевшим, его законным представителем, а также руководителем коммерческих или иных организаций, не являющихся государственными или муниципальными предприятиями, проводимая в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законодательством [9, с. 19].

Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, задержание подозреваемого, производство следственных действий, применение мер государственного принуждения, привлечение лица в качестве обвиняемого, составление обвинительного заключения (акта), действия по передаче уголовного дела в суд составляют основу уголовно-процессуального правоотношения между органами и лицами, ведущими судопроизводство и лицом, совершившим преступление. Такое правоотношение можно назвать правоотношением по осуществлению уголовного преследования. Оно, как и другие уголовно-процессуальные правоотношения, переводит «абстрактные возможности и необходимость на плоскость конкретных, адресных субъективных прав и юридических обязанностей» [10, с. 116] при наличии предусмотренных нормами конкретных жизненных обстоятельств (юридических фактов). Так, правообразующий уголовно-процессуальный факт – обнаружение прокурором, руководителем следственного органа, следователем, органом дознания, дознавателем признаков преступления порождает возникновение уголовно-процессуального отношения, содержание которого составляет полномочие названных субъектов установить событие преступления, изобличить лицо или лиц, виновных в совершении преступления, т.е. осуществлять уголовное преследование.

Должностные органы и лица, участвующие в правоотношении по осуществлению преследования по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, четко прописаны в законе (ст. 21 УПК РФ). Но в УПК РФ не сказано, что потерпевший по уголовным делам част-

ного обвинения как участник уголовного процесса осуществляет уголовное преследование, что порождает дискуссию в научных кругах.

Для того чтобы производить уголовное преследование, частному обвинителю необходимо обладать соответствующими процессуальными правами. Закон предоставляет ему права поддерживать обвинение в суде, представлять доказательства, участвовать в исследовании доказательств, излагать суду свое мнение по существу обвинения и другим вопросам, которые могут возникнуть в ходе судебного разбирательства, доводить до сведения суда мнение о применении уголовного закона и назначении наказания подсудимому и другие права.

Как участник, осуществляющий судебную форму уголовного преследования, частный обвинитель должен представить суду все доказательства вины подсудимого. При этом он пользуется правами потерпевшего по уголовному делу, который имеет право собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу (ч. 2 ст. 86 УПК РФ).

Полагая, что таких прав частному обвинителю недостаточно для выполнения функции уголовного преследования, ученые - процессуалисты считают, что эти права нужно расширить. Например, И.Л. Трунов предлагает наделить потерпевшего следующими правами по собиранию доказательств: 1) получение предметов, документов и иных сведений; 2) опрос лиц с их согласия; 3) истребование заключений и показаний эксперта и специалиста, справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии [11, с. 103-105].

На наш взгляд, такой объем прав по собиранию доказательств частному обвинителю не нужен. Хотя доказательства и служат основанием для уголовного преследования конкретного лица за совершение преступления, а в данном случае по делам частного обвинения и процесс доказывания включен в понимание уголовного преследования, само это понятие гораздо шире. Уголовное преследование как функция частного обвинителя является многокомпонентным понятием и процессом доказывания не ограничивается.

Н.А. Якубович включал в понятие «уголовное

преследование» понятие «обвинение» и считал, что, кроме обвинения, в уголовное преследование включаются также элементы, связанные с поисковой деятельностью следователя, и меры процессуального принуждения [12, с. 25]. Р.В. Мазюк предлагал в целях соблюдения правил юридической техники исключить из п. 45 ст. 5 УПК РФ понятие «уголовное преследование», поскольку оно включается в понятие «обвинение», и изложить этот пункт в следующей редакции: «Стороны - участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения или защиты от обвинения» [13, с. 9].

Об искусственном интегрировании понятий «уголовное преследование» и «обвинение» в одно писали Ф.М. Кудин и Е.И. Зубенко: «Возникшие в последние годы многочисленные и оживлённые споры по вопросу о том, какое из этих понятий есть часть другого либо они тождественные, представляются непродуктивными в силу отсутствия предмета данных споров, поскольку это явления различного порядка» [14, с. 159].

На наш взгляд, и обвинение, и уголовное преследование суть разные функции частного обвинителя. Причем эти функции, осуществляемые частным обвинителем, отличаются от тех же функций, осуществляемых органами предварительного расследования.

Обвинение – это утверждение, тезис о виновности лица в совершении определенного преступления, в данном случае по делам частного обвинения, а уголовное преследование – деятельность по обоснованию тезиса обвинения, осуществляемая частным обвинителем в суде. В свое время В.М. Савицкий критиковал и называл схоластическими споры, которые вызваны невыдержанностью юридических наименований. Они, проникая в среду не только ученых, но и практиков, укореняются в их лексиконе весьма прочно и надолго, несмотря на то, что отдельные нормы были законодателем уточнены [15, с. 10]. Вероятно, такое высказывание имеет значение и по проблеме разграничения понятий «обвинение» и «уголовное преследование».

Таким образом, частный обвинитель в уголовном судопроизводстве выполняет те функции, которые ему необходимы для защиты своих прав и свобод. К таким функциям относятся функции обвинения и уголовного преследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

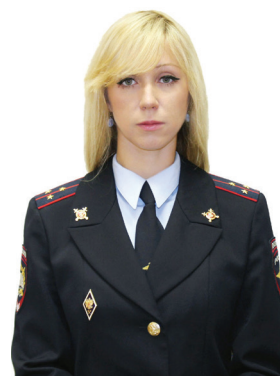
1. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2005 № 268-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса мирового судьи судебного участка № 1 города Смоленска о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 145, статей 318 и 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2005. №6.
2. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 191 с.
3. Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 172 с.
4. Смирнов А.В. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008. 704 с.
5. Шишкина Е.В. Институт уголовного преследования: дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 218 с.
6. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России: учебное пособие. 5-е изд. перераб и доп. М.: КноРус, 2008. 472 с.
7. Джатиев В.С. Обвинение и защита // Российская юстиция. 1995. № 3. С. 17-18.
8. Дорошков В.В. Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения. М.: Изд-во НОРМА, 2001. 272 с.
9. Дубина И.А. Задачи досудебного уголовного судопроизводства и роль прокурора в их достижении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 19 с.
10. Васильченко А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений: монография. М.: Ось-89, 2006. 208 с.
11. Трунов И.Л. Проблемы закрепления и реализации прав потерпевших в уголовном судопроизводстве // Евразийский юридический журнал. 2010. № 11. С. 103-105.
12. Якубович Н.А. Процессуальные функции следователя // Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве. Сборник научных трудов. М.: Изд-во Всесоюзного ун-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. 1980. С. 15-32.
13. Мазюк Р.В. Уголовное преследование в российском уголовном судопроизводстве: дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 218 с.
14. Кудин Ф.М., Зубенко Е.И. Понятие обвинения в науке и законодательстве уголовного процесса // Общество и право. 2010. № 2 (29). С. 159-168.
15. Савицкий В. М. Язык процессуального закона. Вопросы терминологии. М.: Наука, 1987. 288 с.

УДК 343.7

О.Б. Дронова

Е.В. Прокофьева

ИННОВАЦИОННЫЕ РАЗРАБОТКИ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЕ ДЛЯ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОЦЕССА ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА

В статье представлены теоретические основы и практические возможности применения современных инноваций в области науки и техники, которые могут найти применение при проведении проверочных мероприятий, первоначальных и последующих следственных действий, целевое назначение которых заключается в противодействии поступлению на потребительский рынок фальсифицированных товаров. В статье рассмотрены возможности исследования алкогольной продукции в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, с использованием возможностей предварительных исследований на примере авторской заявки на полезную модель «Устройство для исследования и идентификации спиртов и спиртосодержащих жидкостей».

Ключевые слова: технико-криминалистическое сопровождение, фальсификация, потребительские товары, инновации, полезная модель, экспресс-методы, спирты и спиртосодержащие жидкости.

Значительно увеличившиеся объемы товаров продовольственного назначения несоответствующие установленным требованиям, ежедневно поступающие в товарооборот, требуют от правоохранительных органов значительной трансформации прежних организационно-тактических форм выявления, предупреждения и раскрытия преступлений в сфере потребительского рынка. В сложившейся ситуации на передний план выходят инновационные методы и средства, позволяющие повысить результативность в борьбе с преступностью [1, с.155]. В этой связи расширение возможностей технико-криминалистическое сопровождения процесса выявления, раскрытия

и расследования преступлений стало предметом изучения ряда ученых-криминалистов.

В зависимости от вида совершенного преступления используются специализированные методы и средства, способствующие сбору необходимого объема криминалистически значимой информации в процессе расследования и раскрытия противоправного деяния. Знание теоретических основ и возможностей практического применения современного спектра инновационных достижений науки и техники, предназначенных для проведения проверочных мероприятий, первоначальных и последующих следственных действий, значительно расширяет возможности противодействия престу-

Дронова Ольга Борисовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России e-mail: nio-va@rambler.ru

Прокофьева Елена Васильевна, кандидат физико-математических наук, профессор РАЕН, старший преподаватель кафедры криминалистической техники УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России e-mail: olenyonok83@mail.ru

© Дронова О.Б., 2016

© Прокофьева Е.В., 2016

Статья получена: 08.04.2016

плениям в сфере потребительского рынка.

При рассмотрении основных направлений технико-криминалистического сопровождения процесса выявления, расследования и раскрытия преступлений рассматриваемой группы можно выделить, прежде всего, обнаружение, фиксацию и исследование самих товаров, их упаковок, первоначальных компонентов и материалов, а также сопроводительной документации в местах их производства (ввоза в страну), транспортировки, хранения и реализации продукции несоответствующей установленным требованиям в рамках проведения следственных и иных процессуальных действий, предварительных исследований и дальнейших криминалистических и специальных экспертиз, а также консультационную помощь специалиста по определению способа, механизма и соблюдения технических и технологических условий в ходе жизненного цикла товаров и т.д.

Многогранность мероприятий, которые необходимо осуществить в целях сбора доказательственной информации предусматривает возможность технико-криминалистического сопровождения процесса получения розыскной информации, проведения предварительных, не процессуальных исследований, на которых во многом основаны процессы обнаружения признаков преступления, выдвижения следственных версий, раскрытия преступления, а также иные элементы его расследования.

Инновационные достижения науки и техники, развитие экспресс методов исследования позволяют своевременно получить, обработать, накопить и использовать розыскную и доказательственную информацию, ускорить как сроки производства по уголовным делам, так и избежать ненужных затрат на транспортировку и соблюдение условий хранения изъятых партий товаров с признаками несоответствия установленных требований национальных стандартов, ГОСТов, технических условий.

Однако, анализ деятельности практических подразделений, проведенный по результатам анкетирования следователей, специализирующихся на расследование преступлений экономической направленности, свидетельствуют о том, что менее 30% опрошенных знают о современных возможностях использования экспресс-методов. Среди них менее 5% имеют опыт применения новых методов предварительных исследований, в отношении алкогольной продукции. Преобладающее количество проверочных мероприятий заключается в изъятии всего объема выявленной продукции и направление ее в экспертно-криминалистические подразделения для проведения лабораторных исследований [2, с.177].

Между тем, анализ сведений Федерального института промышленной собственности позволяет установить сотни патентов на полезные модели и изобретения, которые могут способствовать эффективному противодействию нарушениям на потребительском рынке. Среди наиболее перспективных можно выделить «Тест-систему для определения наличия синтетических красителей в напитках», «Способ экспресс-диагностики натуральности винных изделий», «Способ идентификации и определения массовой концентрации ацетальдегида в спиртосодержащих растворах», «Экспресс-метод оценки токсичности спиртов и водок с использованием люминесцентных микроорганизмов», «Оптическое-электронное устройство экспресс-контроля подлинности защитных голограмм», «Спектрометрический экспресс-анализатор фальсификации молочного жира в жирно-масляных смесях» и т.д.

На основе запатентованных изобретений и полезных моделей производятся опытные образцы, которые проходят апробацию в рамках исследования соответствующих групп потребительских товаров. Приборы и экспресс-тесты успешно прошедшие испытания, в необходимых случаях проходят процедуру стандартизации и сертификации, после этого производятся и предлагаются потребителям.

Изучение оснащенности экспертно-криминалистических, оперативных и следственных подразделений позволяют судить о недостаточной обеспеченности правоохранительных органов техническими средствами, позволяющими оперативно произвести предварительные исследования и иные проверочные действия, направленные на установление свойств потребительской продукции на местах ее обнаружения. Помимо оптических приборов и источников инфракрасных и ультрафиолетовых лучей, используемых в основном для изучения свойств акцизных марок, голограмм, этикеток, применяются лабораторные капельные тесты, направленные на обнаружение сивушных масел, наличия этилового спирта, определения наличия танинов, установления фактов использования для приготовления исследуемых образцов натуральных красителей.

Отсутствие технико-криминалистических средств, предназначенных специально для оценки качественных свойств товаров в процессе проверочных мероприятий, а также первоначальных и последующих следственных действий вызывают необходимость их заимствования из других областей науки и техники с последующей адаптацией под потребности правоохранительных органов.

Анализ материалов уголовных дел в отношении преступлений в сфере потребительского рынка позволяет сделать вывод о том, что наиболее частым

объектом преступного посягательства становится алкогольная продукция, рыба, лекарственные препараты, парфюмерия и косметические средства и т.д. Ежегодно от употребления фальсифицированной алкогольной продукции в России погибает, становятся инвалидами несколько тысяч человек [3]. В этой связи разработка и эффективное внедрение технико-криминалистических средств, позволяющих правоохранительным органам своевременно выявлять недоброкачественные товары должны стать одним из приоритетных направлений научных организаций в системе МВД России.

В качестве одного из примеров осуществления инновационной деятельности, направленной на установление свойств алкогольной продукции, можно привести разработку устройства для исследования и идентификации спиртов и спиртосодержащих жидкостей (далее - Устройство) [4], предназначенное для быстрого и эффективного исследования и идентификации спиртов и спиртосодержащих жидкостей в ходе предварительного криминалистического исследования на месте обнаружения незаконного производства, хранения, реализации спиртосодержащей продукции, при проведении досмотровых мероприятий на транспорте, пограничных и таможенных пунктах и является эффективным средством борьбы с фальсифицированной алкогольной продукцией там, где необходима надежная экспресс-проверка объектов, вызывающих сомнение в подлинности.

Устройство может быть использовано для контроля свойства спирта, алкоголя домашней выработки (самогона), водки, коньяка, для установления доброкачественности вин в целях установления соответствия проверяемой продукции установленным требованиям, как в условиях стационарных лабораторий, так и в ходе производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Как было отмечено ранее, спирты и спиртосодержащие жидкости (ССЖ) являются весьма распространенными объектами в экспертной практике, их исследование направлено на установление вида спиртного напитка, способа его изготовления (заводского или домашнего), факта и характера фальсификации.

Устройство относится к области идентификации и определения соответствия свойств спиртов и спиртосодержащих объектов требованиям ГОСТов посредством проведения простых качественных химических реакций. Проблема качества и соответствия установленным требованиям алкогольных напитков в России возникла в начале 90-х гг. в связи с утратой государством монополии на производство и реализацию алкогольных продуктов. В целях ужесточения контроля за хранением и

использованием синтетического спирта постоянный Комитет по контролю наркотиков, исходя из решения фармакологического комитета от 8.09.94 г. №14 включил этиловый синтетический спирт в список сильнодействующих веществ.

Известно достаточно много устройств (комплектов тестов) для обнаружения и идентификации следовых количеств различных веществ и их соединений, основанных на проведении цветных химических реакций между их микрочастицами и химическими индикаторами. Однако в настоящее время не существует возможности на месте провести экспресс анализ алкогольной продукции (спиртов и спиртосодержащих жидкостей) на предмет соответствия ГОСТу, установления подлинности и выявления фальсификата, этим и было обусловлено создание полезной модели «Устройство для исследования и идентификации спиртов и спиртосодержащих жидкостей».

Результат реализации устройства достигается тем, что для исследования и идентификации спиртов и спиртосодержащих жидкостей, оно содержит контейнер с размещенными внутри флаконами с индикаторами и тестовыми элементами, контейнер выполнен в виде цилиндрической емкости с крышкой, на дне которого закреплен штатив с флаконами, снабженными притертыми пробками и содержащими растворы для качественных реакций, причем тестовые элементы, предназначенные для исследования спиртов выполнены в виде полосок из фильтровальной бумаги пропитанной раствором морфолина и нитропруссиды натрия, размещенные на внутренней стороне крышки в жестко закрепленном приспособлении, выполненном в виде кармана, с возможностью размещения в нем полосок, извлекаемых для проведения исследования, флаконы выполненные в виде мерных пробирок содержат в качестве индикаторов растворы для качественных реакций на спирты и спиртосодержащие жидкости. Для удобства переноски (транспортировки) на внешней стороне контейнера с двух сторон закреплены ручки, причем ручки выполнены съемными. В верхней части каждого флакона размещена на бумажном носителе информация о растворах для качественных реакций, и в комплектацию устройства входят пустые флаконы в виде мерных пробирок для взятия анализируемых проб. На рис.1 представлен внешний вид устройства.

Для простоты осуществления экспресс-анализа на спирты и спиртосодержащие жидкости в верхней части каждого мерного флакона размещена на бумажном носителе информация о растворах для качественных реакций на спирты и спиртосодержащие жидкости, что способствует выбору необ-

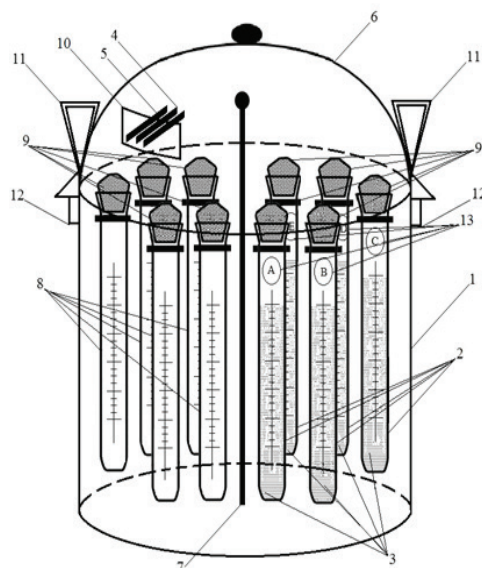

Рис. 1. Внешний вид устройства: контейнер 1; флаконами 2 (А, В, С, D, E) в виде мерных пробирок; индикаторы 3 (А, В, С, D, E); тестовые элементы 4 для определения этилового спирта выполненные в виде полосок из фильтровальной бумаги, пропитанной раствором морфолина и нитропрусида натрия 5 для флакона 2 (А) с индикатором 3 (А); крышка 6; штатив 7; пустые флаконы 8; притертые пробки 9; приспособление, виде кармана 10; ручки 11; выступ 12 на контейнере; бумажный носитель 13 с информацией о растворах для качественных реакций (А, В, С, D, E) на спирты и спиртосодержащие жидкости.

ходимого индикатора. Флаконы выполнены в виде мерных пробирок, пустые флаконы предназначены для взятия анализируемых проб.

В настоящее время имеется целый ряд простых способов, многие из которых стандартизованы и позволяют провести качественное определение этилового спирта, сивушных масел, фурфурола, танинов, натуральности красителя в обычных химических лабораториях при наличии необходимых реактивов.

Предлагаемое разработчиками устройство позволяет проводить экспресс-анализ спиртов и спиртосодержащих жидкостей на месте их обнаружения входоследственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Устройство содержит пустые и заполненные флаконы (А, В, С, D, E) с притертыми пробками в которых находятся соответствующие индикаторы (индикаторные растворы) (А, В, С, D, E) для осуществления качественного анализа: на наличие этилового спирта (А), на наличие сивушных масел (для спиртных напитков домашней выработки) (В), на определение наличия фурфурола (С), на определение наличия танинов (D), характерных для коньяков, на определение натуральности красителя в виноградном вине в исследуемых жидкостях (E). Устройство позволяет независимо друг от друга проводить исследования на спирты и спиртосодержащие жидкости, с использованием соответствующего индикатора с добавлением исследуемой жидкости, сначала в любую пустую мерную пробирку,

а затем в сам индикаторный раствор или с добавлением самого индикатора в исследуемую жидкость.

Предварительное криминалистическое исследование на предмет идентификации спиртов и спиртосодержащих жидкостей проводится оперативно и непосредственно на месте производства, транспортировки, хранения и реализации алкогольной продукции, вызывающей сомнение в подлинности. Для дальнейшего лабораторного проведения экспертизы возможно перенесение тестовых полосок и исследуемых жидкостей в представленном контейнере. Удобство, простота и сохранность переноса собранных образцов спиртов и спиртосодержащих жидкостей служит также успешному решению экспертно-криминалистических задач.

Использование экспресс-тестов, в рамках осмотра места выявления производства (реализации) потребительских товаров, в частности спиртов и спиртосодержащих жидкостей, позволят в короткие сроки, установить качественные характеристики отдельных показателей. В зависимости от результатов проверки, возможно оперативно установить соответствие (несоответствие) продукции техническим регламентам, требованиям ГОСТов, допустимым (предусмотренным) физико-химическим, микробиологическим показателям, зафиксировать превышение содержания токсичных элементов и сопоставить их с токсикологическими и гигиеническими нормативами.

В целях реализации одного из принципов дея-

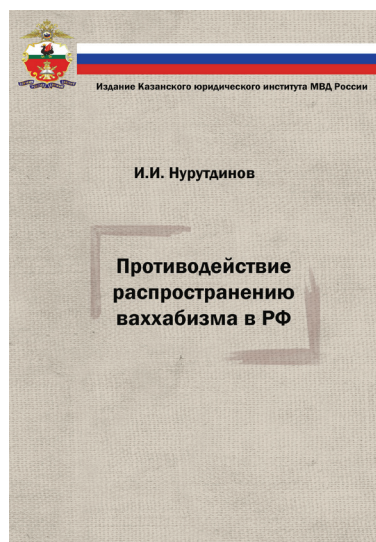
тельности полиции, предусматривающего использование достижений науки и техники, современных технологий [5] необходимо периодически производить обзор современных методов и средств, применяемых в разных областях наук в целях рассмотрения возможностей их приспособления для нужд правоохранительных органов. Кроме того, необхо-

димо возобновить практику разработки и апробации специализированных средств, предназначенных для проведения предварительных исследований и экспертиз в отношении разных видов потребительской продукции, которые могут осуществлять экспертно-криминалистический центр МВД России и ведомственные научные организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Павличенко Н.В. Инновации в оперативно-розыскной деятельности / Альманах-2014. Международная академия авторов научных открытий и изобретений, волгоградское отделение; Российская академия естественных наук; Европейская академия естественных наук; Волгоградская академия МВД Российской Федерации. Волгоград, 2014. с. 155.
2. Дронова О.Б. Оценка свойств потребительских товаров, установленных в ходе поведения первоначальных поверочных мероприятий // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 1. С. 177.
3. Татьяна Москалькова на форуме «Антиконтрафакт-2015». Электронный ресурс. <http://www.zakonia.ru>. Дата обращения 15.03.2016
4. Заявка на полезную модель «Устройство для исследования и идентификации спиртов и спиртосодержащих жидкостей» от 24.02.2016 рег. номер 2016106278.
5. Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ [Электронный ресурс]. Система ГАРАНТ: URL:<http://base.garant.ru> (Дата обращения: 15.03.2016).

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Нурутдинов И.И.

Противодействие распространению ваххабизма в Российской Федерации: учебное пособие/ И.И. Нурутдинов. – Казань: КЮИ МВД России, 2016.

ISBN 978-5-901593-67-7

В учебном пособии рассматриваются основные моменты возникновения ваххабизма как религиозной девиации и пути его распространения, в том числе на территории Российской Федерации. Даются рекомендации по комплексному противодействию крайним проявлениям ваххабизма, включающие в себя силовой, системный и идеологические пути решения.

Учебное пособие предназначено для курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, а также сотрудников правоохранительных органов

УДК 343.985.7

С.А. Янин

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА И В ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РОССИИ

Статья посвящена специфике расследования хищений в сфере оборонно-промышленного комплекса страны. Рассматривается современная практика расследования преступлений в данной сфере, анализируются имеющиеся недостатки, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: расследование, перевооружение, хищение, ревизия, экспертиза, профилактика, контроль.

Нет сомнений, что наличие у государства мощной боеспособной армии, в дополнение к развитой и стабильной экономике, в условиях современного мира является одной из самых надежных гарантий устойчивого международного положения такой страны, уважительного и адекватного отношения к ней со стороны других государств.

В целях обеспечения достойного положения России на международной арене Президентом и Правительством Российской Федерации за последние годы были предприняты колоссальные усилия по стабилизации и повышению престижа Вооруженных Сил России. Так, основой «военного строительства» является совершенствование системы подготовки мобилизационных ресурсов и комплектования Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов. Дополнительно это связано с новым способом комплектования армии опытными (профессиональными) кадрами, внедрением передовых информационных технологий в основные звенья боевого управления, вооружения и военную технику, необходимостью существенного увеличения боевого потенциала воинских подразделений и значительного финансирования всех видов служб и подразделений, а также достойного обеспечения военнослужащих в социальной сфере.

Таким образом, укрепление боеспособности Российской армии является в последние годы одним из важнейших национальных проектов. Одним из важнейших направлений деятельности в указанной сфере является перевооружение

армии, оснащение её новой военной техникой и современным вооружением.

На указанные цели государством до 2020 года выделяются значительные средства – порядка 20 триллионов рублей. Для обеспечения выполнения этой грандиозной задачи предусмотрено также выделение 3 триллионов рублей для перевооружения оборонно-промышленного комплекса (далее по тексту – ОПК) страны.

Кроме того, как отметил Президент России В.В. Путин, необходимо решить проблему импортозамещения в сфере ОПК. Правительству была поставлена задача организовать производство всего того, в чём нуждается ОПК, на территории Российской Федерации, чтобы не зависеть ни от кого ни по одному из направлений перевооружения армии и флота на новую систему вооружений [1].

Безусловную актуальность такой работы подтвердила недавняя операция российских Вооруженных Сил в Сирийской арабской республике, где были продемонстрированы многократно возросшие возможности современной военной техники – продукта ОПК России. Однако не секрет, что указанные «вливания» денежных средств служат и предпосылкой для их хищений, что, по нашему мнению, является опасным дестабилизирующим фактором, крайне негативно воздействующим не только на ОПК, подрывая его возможности, но и, как следствие, на армию, подрывая ее боеспособность и обороноспособность страны в целом.

Преступлениями, характерными для совершения в сфере реализации государственного обо-

Янин Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры организации следственной работы УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России

e-mail: s.yanin1@yandex.ru

© Янин С.А., 2016

Статья получена: 06.06.2015

ронного заказа, а также в ОПК страны, являются, как правило, мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ), незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ), злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) и др.

Анализ следственной и судебной практики свидетельствует о не всегда удовлетворительном качестве расследования преступлений, совершаемых в сфере ОПК. Качество же это находится в прямой зависимости от уровня криминалистического обеспечения самого процесса расследования, в том числе и от наличия научно обоснованных рекомендаций об организационных основах их раскрытия и расследования.

Исходя из национальных интересов России, с учётом сложной международной обстановки, ОПК страны является объектом особого внимания руководства страны, а его декриминализация – одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел. О том, что в данной сфере не всё благополучно, свидетельствуют доклады Генерального прокурора России Ю. Я. Чайки [2].

Так, за 2014 год прокуроры проверили более 100 предприятий ОПК, выявив более семи тысяч фактов нарушения законов. При этом ущерб от преступлений в сфере ОПК превысил 20 миллиардов рублей.

В 2015 г., как сообщил на коллегии Генеральной прокуратуры России в марте 2016 г. Ю. Я. Чайка, его ведомство выявило 18 тысяч нарушений закона в сфере гособоронзаказа, а по материалам прокурорских проверок были возбуждены 244 уголовных дела. Более 60 миллиардов рублей, по его словам, было взыскано за невыполненные работы.

Президент России В. В. Путин, принимавший участие в заседании коллегии, призвал Генпрокуратуру активнее противодействовать хищениям на предприятиях оборонной промышленности.

«Как и прежде, особого внимания требует сфера оборонно-промышленного комплекса. Ваша задача выявлять так называемые «серые» схемы увода бюджетных средств, а также факты закупки оборудования для модернизации оборонных предприятий по завышенным ценам», — отметил Президент. При этом он также указал на необходимость нарастить взаимодействие Генпрокуратуры в этом вопросе с другими контролирующими органами, в частности Минобороны и Росфинмониторингом [3].

Очевидно, что серьёзная роль в противодействии криминализации ОПК отведена подразделениям и службам МВД России, в частности, органам предварительного следствия.

Так, в 2014 г. в производстве следственных органов МВД России находилось 106 уголовных дел о преступлениях рассматриваемой категории. В

2015 году в производстве 28 следственных органов МВД России находилось уже 189 уголовных дел о преступлениях, совершенных в указанной сфере. Из них 53 уголовных дела о преступлениях, совершённых в судостроительной отрасли, подвергшейся наибольшей криминализации, 31 – в авиастроительной отрасли, 17 – совершённых при строительстве космодрома «Восточный».

В 2015 году в суд направлено 33 уголовных дела.

Необходимо отметить, что при организации расследования таких преступлений следственными подразделениями МВД России допускались нарушения организационного и процессуального плана.

Основными причинами сложившегося положения являются следующие:

- отсутствует достаточное взаимодействие с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность;
- для проведения судебных экспертиз, необходимых по делам данной категории, требуется изъятие большого объема документов, местонахождение которых не всегда возможно установить;
- на стадии сбора материала не выясняются существенные вопросы, имеющие принципиальное значение для разграничения уголовного наказания и гражданско-правового спора.

Как свидетельствует практика, низкая результативность следствия по уголовным делам данной категории обусловлена тем, что в первичных материалах не во всех случаях имеются акты ревизий и полный объём документов, необходимых для их проведения.

Основным же документом, фиксирующим нарушения финансовой дисциплины и бухгалтерской отчетности, отражающим сомнительные операции коммерческих организаций, а также позволяющим установить размер ущерба, причиненного преступлением, является именно акт ревизии.

Он дает наиболее полную информацию о признаках преступления. Кроме того, акт ревизии позволит в последующем в кратчайшие сроки провести по делам бухгалтерские и иные экономические судебные экспертизы.

Длительные сроки следствия по делам о преступлениях указанной категории обусловлены необходимостью восполнения пробелов, имевших место на момент их возбуждения (главным образом, сбором первичной документации, для производства ревизии).

В связи с этим в целях повышения эффективности расследования целесообразным представляется исключение случаев возбуждения уголовных дел о преступлениях данной категории по материалам, не содержащим акты ревизий (документальных проверок).

Следующей причиной, отрицательно влияющей на качество расследования рассматриваемых преступлений, является недостаточный ведомственный контроль. В связи с этим целесообразным представляется установление непрерывного контроля за их расследованием, начиная с руководителя конкретного следственного подразделения и заканчивая центральным аппаратом Следственного департамента МВД России, включающего доклады о проделанной работе, планируемых и принятых процессуальных решениях, мерах по возмещению ущерба, изучение материалов уголовных дел, по которым приняты решения о прекращении и приостановлении предварительного следствия, изучение проектов постановлений о привлечении в качестве обвиняемых, выезды сотрудников Следственного департамента на места для оказания практической и методической помощи.

В случаях, если имеется необходимость производства процессуальных действий в других регионах Российской Федерации, необходимо создавать межрегиональные следственные группы, что позволяет существенно повысить оперативность производства поручаемых действий и, как следствие, расследования в целом.

Говоря о повышении эффективности расследования, нельзя не упомянуть и профилактическую деятельность следователя - выяснение обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и внесение представлений об их устранении руководителям соответствующих учреждений. К сожалению, как показывает практика, во многих случаях к подобной деятельности относятся формально, не выясняя в полной мере условия, способствующие совершению преступлений, что влечёт за собой повторение таких фактов. Надлежащий контроль за этим направле-

нием деятельности следователя поможет предотвратить подобный исход дела.

В целях повышения профессионализма лиц, занимающихся расследованием преступлений данной категории, желательным является направление в подразделения обзоров положительного опыта с подробным анализом практики расследования преступлений в сфере реализации государственного оборонного заказа и ОПК, выявленных недостатках, для последующего их изучения и применения в практической деятельности, недопущения повторных нарушений.

Важнейшим аспектом расследования, как представляется, является деятельность следователя по принятию необходимых мер к возмещению причинённого государству материального ущерба. Для этого необходимо использование возможностей оперативных подразделений для установления имеющегося у обвиняемых имущества и наложения ареста на него. В случаях совершения преступлений в рассматриваемой сфере, когда имело место заключение заведомо убыточных сделок предприятиями, реализующими гособоронзаказ, необходимо обязывать их руководителей подавать соответствующие иски в суды о признании таких сделок недействительными. Следователям же надлежит максимально обеспечивать их рассмотрение путем представления добытой в ходе следствия документации, а также лично участвовать в судебном процессе.

Представляется, что перечисленный комплекс предлагаемых мер будет способствовать повышению эффективности расследования преступлений рассматриваемой категории, сокращению сроков расследования, возмещению причинённого ущерба, что, в конечном счёте, не может не повлиять положительно на работу ОПК России и, как следствие, на обороноспособность страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Импортзамещение для ОПК должно проходить по примеру подготовки к Олимпиаде в Сочи / <http://www.putin-today.ru/archives/11485>
2. <http://genproc.gov.ru/special/smi/appearances/13702>.
3. <http://onf.ru/2016/03/23/putin-vystupil-na-zasedanii-kollegii-genprokuratury-rf/>.

УДК 342.924

А.В. Сенатов

А.А. Чайковский

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПОМОЩИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются основные формы использования должностными лицами органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, помощи специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными знаниями. Раскрывается реализация данных форм в ходе осуществления практической деятельности оперативных подразделений.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, специалист, оперативные подразделения.

В ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности (ОРД) возникают вопросы, решение которых требует использования специальных знаний в области науки, техники, искусства и т.п. Так, в ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» указано, что должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, при проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) имеют право использовать помощь должностных лиц и специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными знаниями.

Задачей специалиста, участвующего в оперативно-розыскном мероприятии, является не только содействие в выявлении, фиксации, собирании фактической информации, необходимой для решения конкретных задач по раскрытию преступлений, но и ее исследование с целью получения ориентирующей информации.

Как показало проведенное нами исследование,

оперативными подразделениями при осуществлении ОРД используются следующие формы участия специалистов: консультации, проведение исследований, техническая помощь, а также непосредственное их участие в осуществлении ОРМ.

Проанализируем указанные формы.

1. Консультации можно обозначить как научно обоснованный профессиональный совет, даваемый специалистом по поводу использования конкретных научно-технических приемов и средств для разрешения возникающих задач с учетом возможностей криминалистических исследований в определенной ситуации [1, с. 443].

Консультации специалистами проводятся как в устной, так и в письменной формах. Письменная информация приобщается к материалам дел оперативного учета, используется при проведении ОРМ или их комплексов. Например, при осуществлении ОРМ «наведение справок» оперативные подразделения в целях сбора информации могут непосред-

Сенатов Александр Викторович, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России
e-mail: senatov76@mail.ru

Чайковский Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России
e-mail: Alex_Chaykovskiy@mail.ru

© Сенатов А.В., 2016

© Чайковский А.А., 2016

Статья получена: 02.12.2015

ственно обратиться к различным специалистам, при необходимости конспирируя факт обращения. Кроме того, они могут направлять запросы на предприятия, в учреждения и организации, а также физическим лицам, которые располагают или могут располагать указанной информацией.

В запрашиваемых материалах может содержаться различная информация, необходимая для решения конкретных задач, в том числе для обеспечения проведения иных ОРМ, определения направлений работы, поиска скрывающегося преступника или без вести пропавшего лица, проверки полученной оперативной информации. Также информация может основываться на данных криминалистических и оперативных учетов, например, при проведении ОРМ «отожествление личности» по идентификации отпечатков пальцев, принадлежности крови, волоса, слюны и другим признакам.

Кроме того, в практической деятельности сотрудники оперативных подразделений органов, осуществляющих ОРД, наиболее часто используют помощь консультантов по экономическим, техническим и финансовым вопросам, специалистов из числа ревизоров, аудиторов, обладающих знаниями и навыками в проведении ревизий и инвентаризаций при выявлении экономических преступлений. Также в ходе осуществления ОРД оперативные подразделения используют помощь психологов и психиатров, когда требуется дать заключение по лицам, привлекаемым к уголовной ответственности или проверяемым в ходе осуществления ОРМ.

Следует отметить, что в сети Интернет существуют предложения частных фирм по оказанию услуг в качестве специалистов при подготовке и проведении ОРМ. Например, Group-IB – одна из ведущих международных компаний по предотвращению и расследованию киберпреступлений и мошенничеств с использованием высоких технологий. Специалисты Group-IB регулярно привлекаются к участию в оперативных и следственных мероприятиях, осуществляемых сотрудниками правоохранительных органов и прокуратуры, для содействия в идентификации, изъятии и анализе доказательств в виде компьютерной информации.

Специалисты Group-IB выполняют следующий спектр работ:

- консультирование сотрудников правоохранительных органов по вопросам обнаружения, идентификации и изъятия машинных носителей информации в конкретной ситуации;
- выезд специалиста на мероприятие, проводимое правоохранительными органами;
- содействие в обнаружении, идентификации и изъятии машинных носителей информа-

ции и документов, имеющих отношение к проводимым мероприятиям;

- поиск компьютерной информации в соответствии с указанными характеристиками;
- копирование криминалистически значимой компьютерной информации из источников, которые по каким-либо причинам не могут быть изъяты;
- содействие в идентификации и опросе лиц, которые могут располагать сведениями, имеющими отношение к делу;
- помощь в составлении протокола (по вопросам, требующим специальных знаний).

В рамках проводимых работ специалист производит следующие действия:

- обнаружение, идентификацию, отключение, упаковку и опечатывание машинных носителей информации;
- копирование содержимого энергозависимых носителей информации (оперативной памяти) на машинный носитель информации специалиста;
- копирование сетевого трафика на машинный носитель информации специалиста;
- выявление документов, интересующих правоохранительные органы, на машинных носителях информации по заданным критериям (ключевым словам);
- идентификация установленного на электронные вычислительные машины программного обеспечения [5].

2. Следующей формой использования помощи специалистов является проведение исследований, которые, прежде всего, возложены на сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, чья деятельность в данном направлении регламентируется Наставлением по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России, утвержденным Приказом МВД России от 11.01.2009 № 7.

Регламентации порядка организации экспертно-криминалистической деятельности по применению экспертно-криминалистических средств и методов в оперативно-розыскной деятельности посвящен 3-й раздел данного нормативного правового акта. В п. 37 данного раздела перечислены основные виды участия сотрудников экспертно-криминалистических подразделений в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел (участие в проведении исследований предметов и документов; оказание помощи в отождествлении неопознанных трупов; участие в оперативных осмотрах; применение фотосъемки, видео- и аудиозаписи при проведении ОРМ; оказание помощи в сборе образцов для сравнительного исследования).

Проведение указанных мероприятий без при-

влечения специалистов, т.е. сведущих лиц, часто нецелесообразно, поскольку без них проблематично получить достоверные, научно обоснованные сведения. Общие познания оперативных работников даже в смежных с ОРД отраслях науки и практики не делают из них, например, криминалистов, тем более что среди последних множество разных специалистов. Исследование предметов и документов без привлечения специалистов, а также с привлечением других должностных лиц и отдельных граждан, если они не являются сведущими лицами в определенной области науки, техники, искусства, ремесла и т.д., нередко теряет смысл [2, с. 22].

3. Техническая помощь специалиста заключается в установлении существенных признаков разыскиваемых объектов по их отображениям; отображение тех или иных объектов для последующего изъятия и исследования; составление схем, планов, рисунков, фотороботов; обучение оперативных сотрудников особенностям использования оперативной техники, а также подготовка технического описания различных объектов и т.п. Наиболее часто техническая помощь специалистов используется при «отожествлении личности» преступника, если ситуация требует присутствия специалиста (художника) из области написания портрета, а также когда требуется составить фоторобот лица по индивидуальным идентифицирующим (поисковым) признакам.

Возможность применения технических средств при проведении ОРМ регламентируется ст. 6 ФЗ «Об ОРД», которая гласит, что в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий используются информационные системы, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка, а также другие технические средства, не причиняющие вреда жизни и здоровью личности и окружающей среде. В настоящее время оперативные подразделения органов, осуществляющих ОРД, применяют следующие современные научно-технические средства: средства акустического контроля (электронные стетоскопы, микрофоны с каналами связи, остронаправленные микрофоны, а также устройства фиксации акустической информации: диктофоны, магнитофоны и т.д.); средства визуального контроля (бинокли, приборы видения в темноте, специальные телевизионные системы, фотокамеры, цифровые камеры, видеозаписывающая аппаратура, видеопринтеры); средства контроля сообщений технических каналов связи; средства маркировки и выявления объектов (специальные химические вещества, радиоизотопные, инфракрасные и радиопередающие метки, металлоискатели, газоанализаторы, комплекты для химического экспресс-анализа

наркотических, взрывчатых веществ, тепловизоры, эндоскопы, рентгеновские интроскопы)

В данном случае участие специалиста заключается в подборе необходимой для использования техники, предварительной проверке ее технического состояния, непосредственном использовании аудио-, видеозаписывающей техники и фотоаппарата, помощи оперативному сотруднику в составлении материалов, отражающих использование технического средства, обеспечение качества и полноты фиксации мероприятий и т.д.

4. Следующая форма использования специалиста – непосредственное его участие в проведении ОРМ.

Участие специалистов при проведении ОРМ выражается в следующем:

- в проведении исследования объектов и предметов, выявленных в ходе осуществления ОРД;
- в отождествлении личности преступника;
- в отборе образцов для сравнительного исследования;
- в участии в разработке розыскных версий на основании криминалистического изучения следов и вещественных доказательств;
- в использовании экспертно-криминалистических учетов, картотек и коллекций;
- в осуществлении технического наблюдения за преступником;
- в воспроизведении (моделировании) отдельных обстоятельств;
- в составлении фоторобота лица, совершившего преступление.

Как правило, оперативные подразделения в ходе осуществления ОРМ используют помощь следующих специалистов:

а) переводчика, т.е. лица, владеющего языками, знание которых необходимо для понимания переводимого текста, а также передаче его содержания средствами другого языка в ходе осуществления опроса и т.д.;

б) кинолога, который:

~ в ходе осмотра места происшествия при помощи служебной собаки имеет возможность обнаружить орудия совершения преступлений, следы и различные предметы, которые невозможно было увидеть в ходе первоначального осмотра;

~ осуществляет розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от отбывания уголовных наказаний, а также совершивших побег из учреждений уголовно-исполнительной системы;

~ осуществляет поиск наркотических средств, взрывчатых веществ, оружия и боеприпасов при наличии оперативной информации;

~ участвует в ОРМ при отождествлении лич-

ности преступника, осмотре зданий сооружений, участков местности и транспортных средств;

~ применяет служебную собаку при проведении совместных профилактических мероприятий с оперативными подразделениями взаимодействующих органов;

~ использует служебную собаку при задержании лица, совершившего побег, а также скрывающегося от органов дознания, следствия и суда;

в) педагога или психолога, если в ходе такого ОРМ, как опрос, приходится опрашивать несовершеннолетних. Необходимо отметить, что участвовать в проведении данного ОРМ должны педагоги или психологи, пользующиеся у подростка особым доверием. Обстановка беседы должна располагать несовершеннолетнего к общению и способствовать тому, чтобы он действительно почувствовал себя психологически равноправным со взрослым. В ходе беседы психолог должен организовать доверительный, эмоционально-открытый разговор, нейтрализовать внутреннее сопротивление несовершеннолетнего с целью получения полной правдоподобной информации;

г) полиграфолога, осуществляющего специальное психофизиологическое исследование с применением полиграфа, т.е. технического средства, предназначенного для регистрации нескольких параллельно протекающих физиологических процессов: дыхания, кровяного давления, биотоков (мозга, сердца, гладкой мускулатуры и т.п.).

Проводимый специалистом опрос с использованием полиграфа – это не простое техническое действие, а довольно сложное мероприятие, которое включает заранее сформулированные вопросы, регистрацию физиологических реакций на них и разнообразные специальные приемы, направленные на то, чтобы вызвать у проверяемого достаточно высокий уровень беспокойства за невинные или прочие ответы, т.е. серьезное отношение к испытанию. Достоверность испытаний с помощью полиграфа в значительной степени зависит от содержания вопросов и условий, в которых оно проводится.

Для того чтобы качественно провести конкретное СПФИ оперуполномоченный предостав-

ляет специалисту-полиграфологу оперативную информацию и материалы (фото-, аудио - и видеоматериалы, справки, сообщения, заключения экспертиз и т.п.). Характер и объем материалов и информации определяет специалист;

д) Специалиста в области судебной медицины, который выполняет поручения оперативно-розыскных подразделений, как правило, по их письменному запросу. В запросе должны указываться цель участия специалиста, конкретные задачи и другая информация в пределах, необходимых для его эффективного участия. Как правило, после проведения мероприятия или по окончании исследования специалист в данной сфере составляет справку. Такие справки помещаются в дела оперативного учета.

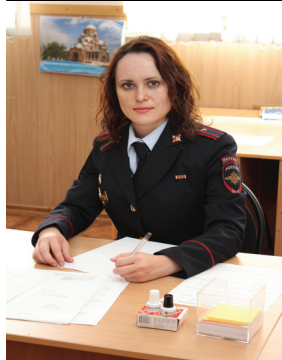
Необходимо отметить, что привлекаемые к осуществлению ОРД специалисты обязаны сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в ходе подготовки или проведения оперативно-розыскных мероприятий, и не вправе предоставлять заведомо ложную информацию органам, осуществляющим ОРД. Со специалистами могут заключаться контракты о сотрудничестве, в которых оговаривается:

- вид оказываемого содействия;
- права и обязанности сторон;
- вопросы денежного вознаграждения;
- длительность услуг, если они краткосрочны, например, услуги переводчика и т. д.

Таким образом, в связи с развитием науки и техники, оперативные подразделения сталкиваются с необходимостью использования помощи специалистов в организации и проведении ОРМ. Формы использования данных лиц зависят от складывающейся ситуации и профессионализма оперативных сотрудников. Нередко специалисты не всегда востребованы, так как оперативные сотрудники не располагают информацией об их возможностях. Поэтому в целях успешного решения задач ОРД оперативным подразделениям необходимо изучить накопленный опыт использования возможностей специалистов и применять его в практической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминалистика: учебник для бакалавров / под ред. Л.Я. Драпкина. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2012. 831 с. Серия: Бакалавр. Углубленный курс.
2. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов: учебно-практическое пособие. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. 119 с. (Библиотека оперативника (открытый фонд)).

УДК 343.1

Э.Д. Шайдуллина

ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Настоящая статья посвящена анализу проблем участия законных представителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших, возникающих в следственно-судебной практики. На основании проведенного исследования предложен авторский подход по разрешению указанных вопросов.

Ключевые слова: несовершеннолетние, подозреваемый, обвиняемый потерпевший, законные представители, уголовное судопроизводство, процессуальный статус.

Как писал М. Горький, «дети - цветы жизни» [1]. Любое государство и его общество берут на себя ответственность вырастить из них законопослушных, социально адаптированных людей. Эти обязанности закреплены как в нормах международного права, так и в отечественном законодательстве.

В частности, основным международным многосторонним договором, специально посвященным несовершеннолетним, является Конвенция о правах ребенка [2]. К числу общих принципов данной Конвенции относятся: недискриминация; необходимость специальной охраны детства и заботы о ребенке; государственное обеспечение интересов ребенка; признание права ребенка на жизнь, выживание и развитие; уважение индивидуальности ребенка и его взглядов; признание ответственности родителей за детей; возможность альтернативного ухода за ребенком.

Согласно Семейному кодексу РФ [3], ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия). Он имеет права на воспитание своими родителями, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства. Кроме того, каждый подросток имеет право на защиту своих прав и законных интересов, которое осуществляется родителями (лицами, их заменяющими), а в предусмотренных законом случаях - органом опеки и попечительства, прокурором и судом.

Следует отметить, что данные принципы и правила должны приниматься во внимание, в том числе, в случаях совершения несовершеннолетними преступлений, и как следствие - привлечения их к

уголовной ответственности, а также при отправлении правосудия. В частности, этим обусловлена предусмотренная в Уголовно-процессуальном кодексе РФ [4] специальная глава 50, в которой рассматривается специфика уголовного судопроизводства в отношении лиц в возрасте до 18 лет.

При этом в случаях участия в уголовном судопроизводстве несовершеннолетних УПК РФ обязывает органы предварительного расследования и суд привлекать также их законных представителей. Пункт 5 статьи 12 УПК РФ определяет в качестве таковых родителей, усыновителей, опекунов или попечителей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представителей учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства.

В свою очередь статьи 426 и 428 УПК РФ определяют процессуальные полномочия законных представителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и подсудимых. Они допускаются по постановлению следователя (дознателя) с момента первого допроса подростка, подозреваемого либо обвиняемого по уголовному делу.

Что же касается законных представителей несовершеннолетних потерпевших, то их полномочия вскользь упоминаются в отдельных нормах уголовно-процессуального закона. Но круг их прав и обязанностей четко не определен в уголовном процессе. Статья 45 УПК РФ лишь закрепляет, что они назначаются по постановлению следователя, дознателя либо суда и наделены теми же

Шайдуллина Эльвира Дамировна, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса КЮИ МВД России

e-mail: elya-hi@bk.ru

© Шайдуллина Э.Д., 2016

Статья получена: 09.11.2016

правами, что и несовершеннолетние потерпевшие.

Анализ норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, теоретических положений и правоприменительной практики привел нас к выводу, что существует ряд не разрешенных до настоящего времени проблем, связанных с участием законных представителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, а также потерпевших в уголовном судопроизводстве как на его досудебных стадиях, так и в ходе судебного разбирательства. Остановимся на наиболее значимых, по нашему мнению, из них.

Так, до настоящего времени не определены критерии, по которым лица, производящие расследование либо осуществляющие правосудие, могли бы определять, кто из близких родственников может выступать в качестве законного представителя. В постановлении Пленума Верховного Суда от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [5], содержащем правовые рекомендации по уголовному судопроизводству в отношении несовершеннолетних, указано лишь, что перечень лиц, определенных в пункте 12 статьи 5 УПК РФ, является исчерпывающим при решении вопроса о привлечении законных представителей.

Однако бывают случаи, что родители либо близкие родственники, выступая законными представителями несовершеннолетнего, вместо оказания ему помощи, наоборот, негативно воздействуют на своего ребенка либо уклоняются от явки в органы предварительного расследования или в суд.

Например, в связи с уклонением отца несовершеннолетнего П. от участия в деле в качестве его законного представителя и нежеланием осуществлять воспитание своего ребенка суд отстранил его от дальнейшего участия в качестве законного представителя несовершеннолетнего и допустил для представления интересов подсудимого П. его мать [6].

Действительно, Уголовно-процессуальный кодекс РФ определяет, что законный представитель может быть отстранен от участия в уголовном деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого либо потерпевшего (статьи 45, 426, 428 УПК РФ).

Однако до настоящего времени не определен единый подход в определении «ущерба интересам несовершеннолетнего». Полагаем, что в данном случае следователям, дознавателям, суду следует учитывать наличие доверительных отношений между несовершеннолетним и его законным представителем, отсутствие конфликтов между ними, касающихся производства по уголовному делу,

возможность и желание участия лица в качестве законного представителя. Указанные рекомендации, по нашему мнению, целесообразно закрепить в пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», в котором определены аспекты участия законных представителей подозреваемых, обвиняемых в возрасте до 18 лет.

Кроме того, одним из средств привлечения к ответственности законного представителя за ненадлежащее исполнение возложенных на него обязанностей по представлению несовершеннолетнего может стать применение к ним иной меры принудительного воздействия в виде денежного взыскания. Согласно статье 117 УПК РФ в случаях неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных УПК РФ, а также нарушения ими порядка в судебном заседании на них может быть наложено денежное взыскание в размере до 2500 рублей. Считаем необходимым акцентировать возможность применения денежного взыскания к недобросовестным законным представителям в нормах уголовно-процессуального закона России, определяющих их процессуальный статус и порядок участия в уголовном судопроизводстве: в статьях 45, 426 и 428 УПК РФ.

Неясным остается вопрос участия сразу нескольких законных представителей по уголовному делу. Этот аспект обретает свою актуальность в случаях, когда один из родителей, признанный в качестве законного представителя, по уважительной причине не может явиться к следователю, дознавателю или в суд. В таких случаях на практике приходит другой родитель и заявляет о желании представлять интересы своего ребенка в ходе производства следственных и иных процессуальных действий. Но по уголовному делу в качестве законного представителя признан уже другой родитель, а у лица, производящего расследование, либо у суда нет оснований отстранять его от участия в уголовном деле. Такое положение вызывает немало проблем и на этапе ознакомления с материалами уголовного дела.

Исходя из положений УПК РФ, следует, что в качестве законного представителя признается только одно лицо. По нашему мнению, разрешить данные правоприменительные сложности позволит возможность привлечения в качестве законных представителей сразу обоих родителей, что следует закрепить в статьях 45 и 48 УПК РФ. В статьях 216 и 217 УПК РФ указать, что в случае участия в уголовном судопроизводстве обоих родителей несовершеннолетнего ознакомление с материалами уголовного дела осуществляется одним из них.

Если законный представитель не может явиться к следователю, дознавателю для ознакомления с материалами уголовного дела по уважительной причине, ознакомление продолжает другой законный представитель несовершеннолетнего с того места, на котором остановился первый.

Полагаем, что приведенные в настоящей статье предложения по реформированию уго-

ловно-процессуального законодательства РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, касающихся особого порядка производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, позволят оптимизировать участие их законных представителей как в ходе предварительного расследования, так и в процессе судебного разбирательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горький М. Бывшие люди. М.: Книга по требованию, 2011.
2. Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989г. // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI, 1993. С. 230–239.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16; Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (Ч. I). Ст. 77.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) // Российская газета. 22.12.2001. № 249; Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.
5. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 (в ред. от 02.04.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 6.
6. Дело № 22 – 2507 // Архив Верховного Суда Республики Татарстан, 2014.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Панченко В.В.

Правовые основы информационной безопасности в органах внутренних дел: учебное пособие / В.В. Панченко, Г.А. Гудочкин. - Казань: КЮИ МВД России, 2016. – 102 с.

ISBN 078-901593-68-4

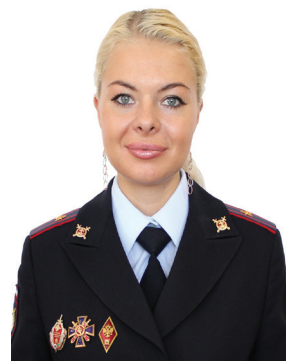
Учебное пособие «Правовые основы информационной безопасности» ориентировано на изучение основных понятий и положений информационной безопасности в свете совершенствования и развития современных информационных технологий, повышения требований к информационной безопасности органов внутренних дел. В рамках учебного пособия освещены правовые аспекты защиты информационных ресурсов и обеспечения безопасности ведомственной информации, средств и систем информатизации.

Учебное пособие ориентировано на курсантов и слушателей системы учебных заведений МВД России по курсу «Основы информационной безопасности».

УДК 343.985.7

Е.В. Демидова-Петрова

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматриваются проблемы в национальных республиках, где социально-экономические проблемы молодежи тесно переплетаются с кризисом идентичности, который находит свое отражение в распространении радикальных политических и религиозных взглядов, что в итоге превращается в одну из угроз национальной безопасности России.

Ключевые слова: экстремизм, экстремизм в молодежной среде, молодежь, национальная безопасность, идеология.

Сегодня российское общество лицом к лицу столкнулось с проблемой экстремизма, который представляет собой реальную угрозу не только внутренней и внешней безопасности, целостности государства, но и, прежде всего, правам и свободам человека и гражданина, которые являются, в соответствии с Конституцией России [1], наивысшей ценностью (ст. 2) и защита которых – обязанность государства [2, с. 3; 3].

Экономические трудности, а также кризис прежних ценностей и норм создают благоприятную почву для распространения экстремизма в молодежной среде. Особую тревогу вызывает ситуация в национальных республиках, где социально-экономические проблемы молодежи тесно переплетаются с кризисом идентичности, который находит свое отражение в распространении радикальных политических и религиозных взглядов.

Проявление религиозного и других видов экстремизма в молодежной среде на современном этапе, приобретая очень большие масштабы, имеющие опасные последствия для будущего страны, превращается в одну из угроз национальной безопасности России. Эта проблема все чаще становится главной темой на заседаниях органов государственной власти различного уровня.

Особую тревогу вызывают преступления насильственного характера со стороны молодежи и подростков в отношении иностранных граждан на почве национальной, расовой и религиозной вражды [4, с.211-212].

Активизация молодежного экстремизма в

настоящее время представляет серьезную опасность для российского общества, она должна быть глубоко и всесторонне изучена как явление, требующее общественного, социально-правового, административно-управленческого и социокультурного противодействия.

Ряд авторов в своих научных трудах полагают, что существуют все основания выделять при изучении экстремизма и его проявлений в молодежной среде следующие возрастные группы: 1) малолетние субъекты поведения, действий, поступков в возрасте до 12 лет, не несущие юридической ответственности за свои деяния в связи с неполной осознанностью вины, непониманием последствий, отсутствием законодательно установленных норм ответственности, способов наказания; 2) лица подросткового возраста от 12 до 16 лет, которые обладают способностью осознавать допустимость или недопустимость форм своего поведения, осуществляемых действий и частично, в определенной степени несут юридическую ответственность за противоправные собственные деяния при личном участии или в составе группы; 3) юноши и девушки, молодые люди в возрасте от 16 до 25 лет, которые, будучи гражданами, в полной мере отвечают за свое поведение, действия, поступки и наказуемые за провинности, последствия осуществленных ими деяний [5, с.58]. Надо сказать, что, исходя из данных официальной статистики, самая крупная часть преступлений, признанных судом экстремистскими проявлениями, совершается именно этой категорией лиц.

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

e-mail: demidova.liza@gmail.com

© Демидова-Петрова Е.В., 2016

Статья получена: 05.11.2016

Важно отметить, что молодежный экстремизм присутствует, прежде всего, там, где существует, живет, трудится молодое поколение.

Несовершеннолетние, находясь на этапе становления социальных позиций и лишь на пути к собственной зрелости, обладают определенной спецификой, выражающейся, в основном, в несформированности мировоззрения, противоречивости характера и повышенной подверженности влиянию извне. Основываясь на опыте и убеждениях, как своих личных, так сверстников и наставников, руководствуясь либо игнорируя уже усвоенные ими нормы, принятые в обществе, они делают выбор между правопослушным и девиантным поведением. В таком возрасте только учатся разрешать неизбежно возникающие на пути их развития конфликты не только с окружающей их средой, сверстниками и взрослыми, но и с самими собой [6, с.52].

С конца 80-х годов XX века в нашей стране стали появляться новые молодежные течения, движения, группировки, часть которых постепенно из субкультурных неформальных объединений, сформировавшихся на почве интересов в сферах, например, музыки, спорта и т.п., трансформировались в относительно организованные агрессивные группировки, среди которых самые массовые – рокеров, панков, скинхедов [6, с.52].

Скинхеды — это участники неформального стилистического контркультурного молодежного движения, возникшего в Великобритании в 1960-1970-х годах XX века, широко распространившегося сначала в Западной, а затем и Восточной Европе. Надо отметить, что одним из первых названий данного движения было «Hard Mods». Слово «скинхед» происходит от слияния двух английских слов: «skin» (кожа) и «head» (голова) — буквально «кожаная голова». Однако в России, где движение проявилось только в начале 1990-х годов, скинхеды предпочитают называть себя «бритоголовыми», так как, по их мнению, это название звучит более патриотично. Большинство наиболее активных участников движения выбривают головы до блеска и носят специальную атрибутику, резко выделяющую их из общей массы молодежи: грубые и тяжелые ботинки военного стиля, черные или синие джинсы, белый или зеленый камуфляж (куртки, жилетки, кепки). Носят в качестве эмблем на рукавах и футболках так называемый «кельтский крест». В драках используют ремни с утяжеленной пряжкой, намотанные на руку, заранее подготовленную арматуру. У «бритоголовых» существуют свои обычаи и традиции, своя музыкальная культура нескольких музыкальных направлений. По сравнению с другими молодежными неформальными группами российские «бритоголовые», помимо элементов неформальной

субкультуры, обладают достаточно сложной и развитой политической идеологией, наиболее популярным (но не общепризнанным) вариантом которой является «Азбука славянских бритоголовых». В основе этой идеологии лежит комплекс общих расистских принципов и представлений.

В России движение с самого начала приобрело резко политизированные формы. Большинство российских скинхедов исповедуют крайне расистские взгляды со значительным уклоном в сторону национал-социалистических теорий времен Третьего рейха. Тем не менее, существуют и небольшие группы скинов (2-3% от общей численности), придерживающихся коммунистической и даже антифашистской идеологии [8, с.68].

Деятельность скинов обычно направлена на претворение в жизнь их примитивных расистско-нацистских представлений. При этом основная часть деятельности «бритоголовых» характеризуется эпатажными расистскими и ксенофобными выходками, переходящими в акты прямого физического насилия. Осуществляя акции, «бритоголовые» обычно объединяются в небольшие группы (5-10 человек), организованные по территориальному признаку. В группы «бритоголовых» входит масса малообразованной маргинальной молодежи, владеющей единственным движущим мотивом участия в скин-движении, — желанием выплеснуть агрессивные эмоции. При этом участие в скин-движении рассматривается и как способ объединения для совершения противоправных действий, а также повод для агрессии. Такие группы молодежи особенно сильно активизировались в период максимальной популярности скин-движения (1998-2003 гг.) [8].

Необходимо отметить наличие фактов тесных связей «бритоголовых» с преступным миром и следует признать, что они имеют достаточно веские основания. В силу основного направления своей деятельности участники этой группы наиболее криминализированы. Заметим, идеология «бритоголовых» требует от своих адептов обязательного и систематического совершения актов прямого насилия, от степени участия в которых прямо зависит личная репутация каждого из них. В связи с этим практически каждый год несколько десятков российских скинхедов получают значительные тюремные сроки. В отличие от своих зарубежных коллег, близких к традиционным анархистам, русские скинхеды исповедуют расово-националистическую идеологию, которую в литературе уже определяют как «русизм». Если зарубежные скинхеды громят витрины крупных западных банков и ресторанов (символов «ненавистного капитализма»), то их русские тезки предпочитают убивать. На счету

русских скинхедов, например, зверские убийства девочек цыганской (6 лет) и таджикской (9 лет) национальностей в Санкт-Петербурге.

После войны в Чечне, повлиявшей на всплеск молодежного экстремизма, прежде всего, право-радикального толка, и последовавшей за ней нестабильной и угрожающей ситуации жители Кавказа начинают восприниматься в образе опасного врага — врага с кавказским лицом, причем врага русских, православных [8].

Усиление активности мусульманских и иных экстремистов также явилось причиной роста молодежного экстремизма.

Жертвой экстремистов может быть любой человек, не принадлежащий к белой расе или к русской нации. Поэтому среди лиц, пострадавших от скинхедов, есть выходцы из самых разных государств — от США до Японии. Но наибольшее число пострадавших приходится на граждан бывшего СССР (в основном уроженцев государств Закавказья и Средней Азии) и Российской Федерации (жителей преимущественно Северного Кавказа) [11]. В настоящее время особую обеспокоенность вызывает увеличение случаев физического насилия в отношении иностранных студентов — выходцев из стран Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Африки, обучающихся в российских вузах. Наибольшее их количество зафиксировано в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже.

В ходе расследования уголовных дел установлено, что умысел на совершение данных преступлений у указанных лиц возникал спонтанно, под воздействием алкоголя. Основным источником получения информации об идеологии экстремизма явились телевидение, печатные СМИ и Интернет [8]. На специально созданных сайтах Интернета можно обнаружить подробную инструкцию для «бритоголовых», в которой описываются различные способы убийств и нападения на «врагов белой расы», советы, не только как устроить акции, но и как избежать контактов с полицией.

Необходимо отметить, что Конституция Российской Федерации, федеральное законодательство, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации не относят сеть Интернет к средствам массовой информации, поэтому данный правовой пробел вызывает достаточное количество вопросов в применительной практике по материалам и уголовным делам экстремистской направленности. Однако в соответствии со ст. 4 Концепции противодействия терроризму одним из основных внешних факторов, способствующих возникновению терроризма и экстремизма на территории Российской Федерации, является «распространение идей терроризма и экстремизма через инфор-

мационно-телекоммуникационную сеть Интернет и средства массовой информации» [10, с.231].

На сегодняшний день имеется несколько групп молодежи, которые называют себя «скинхедами», а именно: 1) традиционные скинхеды (англ. traditional skinheads). Их возникновение является своеобразной реакцией на появление прополитических ответвлений от первоначального течения. Представители указанной группы следуют образу первых скинхедов, демонстрируя глубокую преданность субкультуре, память о корнях, а также аполитичность. Их неофициальным лозунгом является — «Remember the spirit of 69». Считается, что именно в 1969 году движение скинхедов было на пике своего развития. Музыкальными предпочтениями представителей данной группы являются ска, регги, а также современная музыка Oi!; 2) хардкор-скинхеды — данная разновидность скинхедов, как правило, ассоциируется с хардкор-панк-сценой, а не Oi! и ска. Настоящая группа скинхедов особенно стала распространенной в конце первой волны хардкора. В основном они сохранили идеи своих предшественников, не имеют расовых предрассудков; 3) НС-скинхеды (англ. white power skinheads или англ. national socialist skinhead). Впервые они появились в Англии в начале 70-х годов XX века. Относящиеся к данной группе лица, как правило, придерживаются идеологии правого толка, националисты либо расисты, также некоторые из них выступают за идею расового сепаратизма и превосходства белой расы. Следует отметить тот факт, что, исходя из того, что расистские взгляды противоречат первоначальному духу движения, иные представители течения называют НС-скинхедов — бонхедами (англ. bonehead — костеголовые); 4) S.N.A.R.P. (англ. Skinheads Against Racial Prejudices) — «Скинхеды против расовых предрассудков». Данное ответвление скинхедов берет свои истоки в Америке в 1980-х годах XX века. Принято считать их возникновение, как определенную реакцию на появившийся в СМИ стереотип того, что все скинхеды — нацисты. Были отмечены случаи, когда приверженцы данного течения давали теле- и радиоинтервью, в которых подробно рассказывали об истинных ценностях, идеях скинхед-движения. Также имели место применения силовых акций в отношении НС-скинхедов; 5) R.A.S.N. (англ. Red & Anarchist Skinheads) — «Красные» и анархо-скинхеды, унаследовавшие от «родного» рабочего класса идеи социализма, коммунизма, анархизма. Данное движение является прополитическим.

Говоря о скинхедах, нельзя оставить без внимания тот факт, что их представители весьма часто украшают себя татуировками. Тематика подобных татуировок имеет следующее деление: нацист-

ская, национал-патриотическая направленность. Основным сюжетом таких татуировок является изображение кельтского креста, различные модификации свастики. Наибольшее количество татуировок имеют так называемые «олдовые» бритоголовые — ветераны движения скинхедов.

Следует отметить, что со временем большая часть бритоголовых осознала, что достаточно ярко выраженные фашистские, нацистские символы мешают им в повседневной жизни. Татуировки быстрее, чем бритые головы, выдают их групповую принадлежность к бритоголовым. На сегодняшний день основное количество бритоголовых предпочитает делать себе татуировки на нейтральные темы. Среди татуировок данного вида преобладают изображения различного рода узоров, фигуры воинов, зверей, оружия, кораблей, богов или целые языческие сюжеты.

Нанесение татуировок имеет серьезное значение для течения бритоголовых. Татуировка служит самоидентифицирующим признаком, она четко определяет принадлежность ее носителя к определенной группе людей. Большинство скин-татуировок носит декоративно-эстетическую функцию.

Неонацисты — второе по численности и известности радикальное молодежное направление, активно сотрудничающее с объединениями, в той или иной мере исповедующими ультраправую, праворадикальную и правоэкстремистскую идеологию. Наиболее крупными из объединений неонацистского толка являются «Русское национальное единство», «Движение против нелегальной иммиграции», «Славянский союз», «Народная национальная партия». Нередко их члены еще «вчера» были скинами, что существенно влияет на уровень радикальности объединения, в которое они входят [11]. Однако есть и очевидные отличия от «бритоголовых». Наиболее значимые из них следующие: сознательное обособление от ультраправых «бритоголовых», в том числе от свойственных им внешних атрибутов (прическа, обувь, одежда, музыка и т.д.), неонацисты вовсе не стремятся выглядеть единообразно; наличие у организаций четких идеологических и программных документов; длительность периода существования; более высокий уровень идеологической грамотности членов движения, основанный на сознательном изучении основ политической идеологии, часто являющийся обязательным условием для участия в его деятельности; более высокий уровень организованности и управляемости, основанный на подчинении приказам более авторитетных участников объединения. Наличие внутригрупповой иерархии — лидера, активистов; деятельность объединения носит разноо-

бразный характер — охрана, пропаганда, финансово-хозяйственная деятельность; значительно меньший уровень внешней агрессии и готовности к применению демонстративных актов прямого физического насилия по отношению к идеологическим противникам [7, с.69]. При этом более агрессивные участники подобных объединений активно участвуют в акциях «бритоголовых».

Главное место в идеологии неонацистов занимают агрессивный национализм и прямые нацистские положения, в основе которых лежат представления о праве на особое положение для одной национальной (русские) или этнической (славяне) группы [11, с.69]. Это также отличает их от «бритоголовых», действующих на основе принципов «всемирного белого братства» вне зависимости от национальности и места проживания его представителей (Россия, Германия, Америка), а в качестве идеала провозглашается «Великий арийский рейх белых людей». Именно неонацисты составляют актив большинства ультраправых объединений и наиболее заметны на всех политических мероприятиях, проводимых ультраправыми радикалами.

Правые неформалы. Расистские, нацистские и ксенофобные настроения существуют среди различных групп молодежи, в том числе и среди неформальных групп.

Термин «правые неформалы» — это общее обозначение относительно неустойчивой группы молодежи, состоящей из поклонников тех или иных неформальных субкультур, обычно основанных на увлечении конкретным типом современной молодежной музыки («панки», «металлисты», «рокеры»). К числу правых неформалов можно отнести и футбольных болельщиков (фанатов), несмотря на идеологическую и стилистическую близость к скинхедам, представляющим собой отдельную самостоятельную молодежную субкультуру, базирующуюся, прежде всего, на любви к футболу как виду спорта и всей совокупности сопутствующих явлений и мероприятий.

Традиционно термин «субкультура» определяется как «специфический вид культуры, ценности и образцы поведения которой отличаются от общепринятых. Культура той или иной социальной группы в среде молодежи, интеллигенции, предпринимателей, рабочих и т.д. Их субкультура, или частичная культура, отражает социальное положение, род деятельности, образование, их специфические потребности, интересы и ценностные ориентации» [12, с. 434]. Наиболее крупными и известными молодежными группами, основанными на принципе общности, как музыкальных вкусов, так и ультраправых идей, являются «панки», «металлисты» и другие субкультурные моло-

дежные группировки. Их особенность состоит в том, что усвоение ультраправых идей их членами изначально происходит, как правило, в процессе прослушивания музыкальных произведений.

Следует отметить, что панк-культура возникла в начале 60-х годов в США. Первоначально она называлась «гаражным роком», оттого что начинающим группам некуда было податься, кроме гаражей. Панки появились как движение вечно протестующих нигилистов, и протест их выражался не только в музыке, но и во внешнем виде. Главной их задачей было пойти против всех. Панки появились в России еще в начале 80-х. Их легко отличить на улице от простых людей. Стандартное место учебы панка — профессиональное училище. Обычно они не вступают ни в какие политические партии. Рэперы появились в США в середине 70-х годов как способ самовыражения малообеспеченных рабочих слоев населения. На улицах черных кварталов Нью-Йорка впервые зазвучала новая музыка. Рэп появился изначально как танцевальная музыка и был очень хорошо принят новым поколением молодых жителей сначала американских городов, а затем и всего мира. Рэперы в России появились в 1997-1998 годах в Москве и Санкт-Петербурге.

Внешний вид, манера поведения, отношение к окружающей действительности членов неформальных правоэкстремистских группировок зависят от традиций конкретной группы, к которой они принадлежат. У этих групп не существует общепринятых официально признанных правил поведения, общих обычаев и традиций. Возраст членов также может различаться и варьироваться от подросткового (12-16 лет) до среднего (35-40 лет), хотя до настоящего времени основную часть неформалов составляет именно молодежь. Практически ни у одной из подобных групп не существует четкой политической идеологии. В итоге представления каждого конкретного неформала

достаточно индивидуальны и могут включать различные варианты смеси элементов расистских, нацистских и патриотических представлений. В качестве же общей идеологической основы выступает сам факт положительного восприятия элементов ультраправых идей. Кроме того, членов группировок объединяют и совместное посещение музыкальных концертов групп ультраправого толка, регулярное прослушивание записей их песен, наличие каких-либо элементов общей символики. Иные факторы сплочения (более или менее четкая организационная структура и т.п.), по существу, отсутствуют.

Общей же основой, объединяющей все три охарактеризованных молодежных течения, является общее положительное отношение к ультраправым идеям [13]. Важным фактором объединения становится участие в различного рода массовых мероприятиях национально-патриотического и более радикального (расистского, ксенофобского) толка, во время которых представители этих молодежных группировок выступают совместно как единое целое, временно объединенное конкретными лозунгами и действиями. Кроме того, представители рассматриваемых групп могут объединяться и для реализации агрессивных практик — погромов, массовых избиений, а также для защиты своих интересов в случае угрозы со стороны чуждых по организационным принципам и идеологии молодежных групп [7, с.71].

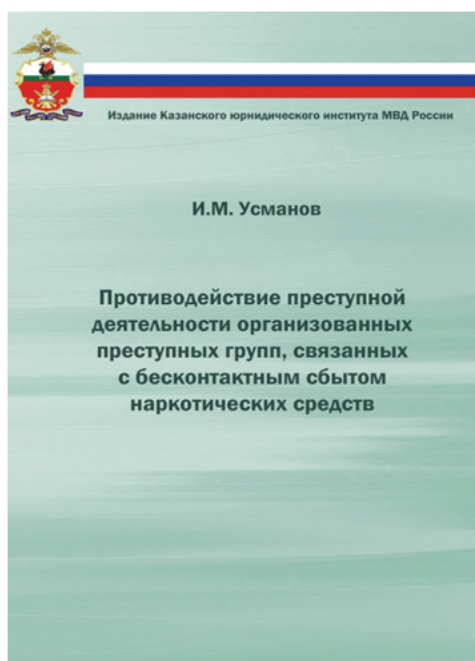
Для всех направлений праворадикальной молодежи характерно наличие определенного личностного психологического типа (который условно можно назвать психотипом), в соответствии с которым и определяются его основная роль и степень участия в ультраправом спектре. Эти психотипы могут быть весьма различными, как различен возрастной, социальный и идеологический тип самих праворадикалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. 25 декабря; СПб.: Издательский Дом «Литера», 2008.
2. Залиханова Л.И. Преступления экстремистской направленности: уголовно-правовые и криминологические аспекты: учеб. пособие. М., 2014.
3. Чесноков А.А., Акимышев Е.С. Роль органов внутренних дел в механизме обеспечения информационной безопасности ребенка // Алтайский юридический вестник. 2015. № 3. С. 139-142.
4. Демидов Ю.Н. Проблемы совершенствования борьбы с терроризмом и экстремизмом. Преступность и проблемы борьбы с ней. М., 2007.
5. Райзберг Б.А., Лысенко А.А. Экстремизм: истоки проявления и способы противодействия: монография. М., 2015.
6. Маркова Ю.В. Предупреждение преступлений, совершаемых группами несовершеннолетних экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008.
7. Беликов С.В. К типологии праворадикальной молодежи // Свободная мысль. 2008. № 4.

8. Информационно-аналитические материалы ДООП МВД России о состоянии профилактики экстремизма в молодежной среде и тенденциях развития оперативной обстановки по данному направлению. М., 2010.
9. Информационные материалы по профилактике экстремизма в молодежной среде. М., 2011.
10. Борисов С.В. Защита граждан от проявлений экстремизма в сетях Интернет // Здоровье нации и национальная безопасность. М., 2013.
11. Информационно-аналитические материалы ДООП МВД России о состоянии профилактики экстремизма в молодежной среде и тенденциях развития оперативной обстановки по данному направлению. М., 2010.
13. Лавриненко В.Н. Социология. М., 2007.
14. Информационные материалы по профилактике экстремизма в молодежной среде. М., 2011.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Усманов И.М.

Противодействие преступной деятельности организованных преступных групп, связанных с бесконтактным сбытом наркотических средств: учебно-практическое пособие / И.М. Усманов. – Казань. КЮИ МВД России, 2016. – 81 с.

В учебно-практическом пособии на основе системного и комплексного подхода анализируется практика противодействия бесконтактному сбыту наркотических средств и психоактивных веществ подразделений МВД России по Республике Татарстан. Деятельность правоохранителей исследована с учетом использования наркопреступниками новых, так называемых «бесконтактных» способов передачи наркотиков через системы тайников, где расчеты за сделку происходят посредством различных электронных платежных систем, сети Интернет и сотовой связи. Показан алгоритм действий сотрудников ОВД по получению первичной информации и документированию преступной деятельности организованных групп, связанных с бесконтактным сбытом наркотических средств.

Пособие предназначено для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов и слушателей юридических вузов МВД России, а также практических сотрудников органов внутренних дел.

УДК 342.743

А.В. Демин

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАЛОГОВОЙ КУЛЬТУРЫ
КАК ВАЖНЕЙШАЯ ПРЕДПОСЫЛКА
ПЕРЕХОДА К «ПАРТНЕРСКОЙ» МОДЕЛИ
НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ**

Автор исследует концепт налоговой культуры в контексте перехода к «партнерской», клиенто-ориентированной модели налогового администрирования. Совершенствование налоговой культуры отдельных индивидов и общества в целом стимулирует добровольный комплаенс со стороны налогоплательщиков и повышает эффективность сбора налогов государством.

Ключевые слова: налоговое администрирование, налоговая культура, комплаенс.

Налоговая система России претерпевает серьезные трансформации, реагируя на проблемы и вызовы XXI века. В настоящее время происходит переход от административно-командной модели налогового администрирования, основанной на односторонне-властном управленческом воздействии с приоритетом контрольно-принудительных средств, к модели «партнерского сотрудничества», в основе которой лежит принцип «клиентоориентированного сервиса», досудебного разрешения споров, взаимного доверия и взаимовыгодного «обмена» управляемых с управляемыми.

Важнейшей предпосылкой модернизации системы налогового администрирования в направлении «сотруднической модели» выступает качественная эволюция *налоговой культуры* всех участников налоговых взаимодействий. Последняя представляет собой сложную, *многоуровневую структуру* и выступает составной частью общей культуры как отдельного человека, так и общества в целом. Научные исследования в этой области могут показаться излишне теоретизированными, оторванными от практических нужд налогообложения. Такой подход – глубокое заблуждение. Именно анализ налоговой культуры позволяет выйти на ключевые проблемы *налогового комплаенса*, обуславливающего эффективность сбора налогов государством и полноту исполнения публичных бюджетных и внебюджетных фондов. Говоря о совершенствовании налоговой

культуры российского общества, нужно также отметить общую тенденцию перехода от административно-командных моделей налогового администрирования к *более гибким формам* взаимоотношений налоговых органов и налогоплательщиков.

Какое содержание вкладывается в термин «налоговая культура»? Наиболее удачное определение, на наш взгляд, сформулировал немецкий ученый Биргер Нерре: «Налоговая культура определенной страны – это совокупность всех релевантных официальных и неофициальных институтов, связанных с национальной налоговой системой и ее практическим функционированием, которые исторически встроены в культуру страны, включая зависимости и связи, вызванные их постоянным взаимодействием» [1; p. 155]. Соответственно, по мнению Нерре, налоговая культура представляет собой более широкое понятие, чем «культура налогообложения» (culture of taxation) или «культура уплаты налогов» (tax-paying culture) [1; p. 155].

Полагаем, в рамках налоговой культуры можно условно выделить две составляющие. Первая, *интеллектуальная*, включает знания, навыки и опыт в области налогообложения, умение аналитически разбираться в налогово-правовых конструкциях, толковать и применять их в повседневной практике налоговых отношений. Вторая составляющая, *эмоциональная*, охватывает субъективные оценки налоговой системы с точки зре-

Демин Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор кафедры коммерческого, предпринимательского и финансового права Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск)
e-mail: demin2002@mail.ru

© Демин А.В., 2016

Статья получена: 06.04.2016

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта проведения научных исследований «Диспозитивность в налоговом праве и “партнерская” модель налогового администрирования», основной конкурс 2016 года, проект № 16-03-00044.

ния правовых и внеправовых ценностей, господствующих в конкретном сообществе.

Налоговое право – едва ли не единственная отрасль в правовой системе России, где подавляющее число правонарушений и злоупотребление правом совершается с *неосторожной формой вины*, т. е. по причине незнания и непонимания налоговых норм, а также – неумения их правильно интерпретировать и применять [2; с. 312-314]. Это актуализирует вопрос о создании в стране эффективного механизма *налогового информирования*, охватывающего не только уровень профессионально мотивированных акторов (государственные служащие, бизнес и обслуживающие его специалисты, научные круги и пр.), но, прежде всего, уровень «массового налогоплательщика». Изучение основ налоговой грамотности нужно внедрять уже с подросткового возраста как обязательный компонент экономико-правового воспитания. На повестке дня – формирование всеобъемлющей системы *налогового всеобуча*, без чего радикально поднять средний уровень индивидуальной и групповой налоговой культуры не представляется возможным.

Переходя к эмоциональной составляющей налоговой культуры, сделаем важное замечание: стремление минимизировать, а в идеале – полностью избежать налоговых изъятий, носит *универсальный характер* по отношению ко всем человеческим сообществам прошлого и настоящего. Дело в том, что чувство собственности – древнейший человеческий инстинкт. Желание формировать, накапливать и защищать свою собственность укоренено в каждом человеке на уровне подсознания. Это стремление является *врожденным*, а не приобретается в процессе социальной адаптации. Многочисленные наблюдения позволяют утверждать, что, наряду с инстинктами самосохранения, доминирования и продолжения рода, собственнические инстинкты определяют сущность человека разумного. Некие внутренние защитные механизмы заставляют человека сопротивляться посягательству на его собственность со стороны любого лица, включая государство. Индивид инстинктивно сопротивляется налогообложению, представляющему собой одностороннее и *индивидуально безвозмездное*, т. е. по сути безэквивалентное, отчуждение собственности.

Итак, никто не любит платить налоги. Но это происходит не в силу *всеобщей испорченности*, а потому, что некие внутренние защитные механизмы заставляют человека сопротивляться от посягательства на его собственность со стороны кого бы то ни было, включая и государство. Поэтому, безвозмездно отдавая часть собственности в виде налога, человек всякий раз переступает через

что-то очень важное в своем существе. Дело не в оправдании налоговых деликтов, а в необходимости понять и осмыслить их глубинные мотивационно-психологические механизмы.

К сожалению, декларируемая на государственном уровне идея создания в российском обществе атмосферы нетерпимости к неуплате налогов остается пока лишь благим пожеланием. Взаимосвязь между *идеями патриотизма* и уплатой налогов не проводится ни масс-медиа, ни официальными лицами. «Исторически так сложилось, что в России во все времена существовало крайне неприязненное отношение к налогам, в отличие от западно-европейских стран, высокая налоговая культура которых проявляется в том, что уплата считается предметом гордости налогоплательщиков, налоговая культура прививается с детства» [3; с. 148]. При этом феномен налогового деликта заключается в том, что большинство людей, которые никогда не украли бы чужого имущества, с легкостью оправдывают стремление не отдавать в публичные фонды свою собственность в виде налога: взять чужое и не отдавать свое – вещи, которые в общественном сознании воспринимаются по-разному; первая ситуация признается воровством, осуждаемым повсеместно, вторая же воспринимается многими как защита «честно заработанного» от посягательств государства. «Для многих граждан осознание налоговых обязанностей гораздо менее сильно, чем моральных. Для многих украсть у казны не значит украсть... Многие налогоплательщики не чувствуют той моральной вины, укрывая от налогов объекты обложения, какую они испытывали бы, завладев чемоданом их соседа или непосредственно забравшись в государственную кассу» [4; с. 397]. Даже законопослушные люди с легкостью уклоняются от уплаты налогов, не считая это серьезным проступком. Такие нарушения, как правило, не влекут рисков серьезных *репутационных потерь*, т. е. мало влияют на деловой и персональный имидж (репутацию) налогообязанных лиц.

Однако укоренившаяся в общественном сознании точка зрения о том, что неуплата налогов нарушает исключительно интересы государства, глубоко ошибочна, подлежит пересмотру и разъяснению населению. Уклонение от уплаты налогов подрывает основополагающую *идею равенства* между налогоплательщиками, неправомерно наделая правонарушителей конкурентными преимуществами и перекладывая на законопослушных налогоплательщиков налоговое бремя финансирования публичных расходов, которыми пользуются все члены сообщества, включая и тех, кто налоги не уплачивает. Тем самым налоговые правонарушения

подрывают не только бюджетную систему страны, но направлены против интересов *каждого налогоплательщика*, который добросовестно исполняет свои налоговые обязательства перед государством.

Этот аспект активно обсуждается нашими зарубежными коллегами. Так, Сигрид Хемелс, проф. Университета им. Эразма Роттердамского (Нидерланды), рассматривает принцип налоговой справедливости в контексте отношений между налогоплательщиками и теми ожиданиями, которые складываются в этих отношениях [5; p. 413-438]. Автор делает вывод о том, что люди в большей степени готовы платить налоги, если они уверены, что все остальные также их уплачивают. Готовность налогоплательщиков нести различные налоговые обременения в значительной степени зависит от того, в какой степени эти обременения несут другие лица. Тем самым, не только страх перед наказанием, но и внутреннее ощущение справедливости распределения и фактического исполнения окружающими налоговых обязательств выступает для налогоплательщика важным фактором для добросовестного соблюдения налогового законодательства [5; p. 419-420]. В то время как большинство принципов налогового права формулируют требования к публичным субъектам (законодателю, налоговой администрации), принцип справедливости, по мнению Хемелс, «прежде всего, налагает на налогоплательщиков обязательства по отношению друг к другу... Находясь или действуя в определенной налоговой юрисдикции, налогоплательщик подчиняет себя налоговой системе этой юрисдикции, но в то же время вправе ожидать подобного подчинения и со стороны других налогоплательщиков» [5; p.422]. В этом контексте налоговые правонарушения и злоупотребления налоговыми правами причиняют вред не столько государству, сколько интересам добросовестных налогоплательщиков, которые вынуждены нести повышенное налоговое бремя по сравнению с нарушителями налоговых норм. Заметим, что такое «горизонтальное» понимание справедливости обладает новизной для российской доктрины налогообложения, которая традиционно концентрирует внимание на вертикальных отношениях государства и частных собственников, не включая в предмет исследований социально-психологические (мотивационные) взаимодействия между налогоплательщиками.

Задача государства – гарантировать соблюдение *принципа справедливости*, защищая налогоплательщиков, которые добросовестно соблюдают налоговые ограничения своих прав и свобод (compliant taxpayers), от «безбилетников» (free riders), которые, получая свою часть публичных услуг, извлекают выгоды от уплаты налогов другими лицами,

но при этом не хотят ограничивать свои права и свободы. Такая защита может осуществляться как совершенствованием налогового законодательства и международных договоров (например, устранением лазеек, снижением различий, использованием *anti-avoidance rules*), так и эффективным наказанием правонарушителей [5; p. 423-424].

Господствующие в западной науке подходы к поведению налогоплательщиков исходят из концепта «*homo economicus*» и экономических моделей *рационального выбора*, согласно которым выбор между правомерным и неправомерным поведением определяется по итогам рационального взвешивания позитивных и негативных последствий соответствующего действия (бездействия). К первым относятся ожидаемые преимущества от неуплаты налогов, ко вторым – связанные с этим издержки (взыскание недоимок, штрафов, репутационные потери и пр.). Такой подход, на наш взгляд, излишне технологизирован и *схематичен*. Внутренняя мотивация к уплате налогов может обуславливаться разнообразными факторами и варьироваться в различных правовых культурах [6].

Национальный менталитет и религиозное воспитание, господствующие нравы, традиции и стереотипы, гражданская зрелость и уровень образованности, индивидуальные и групповые ценностные ориентации и т. п. играют далеко не последнюю роль в формировании моделей налогового поведения. «Ощущение налоговой несправедливости, – верно замечает французский социолог Марк Леруа, – находится в связи с целым рядом промежуточных переменных: агрессивности по отношению к неравенству, экономического беспокойства, возмущения по поводу нахального обогащения некоторых индивидов, оскорбительных методов взимания налогов» [7; с. 61].

Представляется очевидным, что выбор между правомерным и неправомерным поведением в области налогов детерминируется не только экономическими соображениями выгод и издержек от девиантного поведения, но и *субъективно-ценностными факторами*, в частности, присущим большинству людей стремлением к справедливости. Нужно согласиться с Е.Н. Григорьевой, которая утверждает: «Осмысление фискальной политики государства рядовым налогоплательщиком находится в области субъективной оценки ее справедливости либо несправедливости» [8; с. 46].

Справедливость налоговой системы и, прежде всего, системы перераспределения публичных благ и валового дохода посредством налогообложения – ключевой аспект в понимании налоговой культуры общества. Главная и, безусловно, приоритетная функция налоговой системы – сбор доходов для

формирования централизованных денежных фондов. Фискальное назначение налоговой системы не вызывает сомнений. Вместе с тем в правовом государстве важной функцией налогообложения является *перераспределение национального дохода* таким образом, чтобы обеспечить объективную устойчивость социальных взаимодействий и субъективную оценку в общественном сознании этих взаимодействий как справедливых. Выравнивая диспропорции рыночного формирования частных доходов, налоги выступают (должны выступать) средством стабилизации, снижения социальной напряженности, поддержания мира и согласия в обществе на всех уровнях его стратификации (индивиды, группы, сообщество в целом).

В условиях планово-административной системы советского периода средства перераспределения ВВП носили ярко выраженный директивный характер. Рыночная же экономика использует в целях перераспределения доходов, прежде всего, механизмы налогообложения. К сожалению, налоговая система России и, как следствие, финансовая система в целом не справляются с данной задачей. Внимательный анализ налоговой политики последних десятилетий наводит на мысль, что она проводится в интересах богатых и супербогатых слоев населения, обладающих значительными возможностями для лоббирования своих интересов в законодательных и исполнительных органах власти. Отказ от прогрессивной ставки подоходного налогообложения, всеобщая отмена налога на наследуемое имущество, отсутствие необлагаемого минимума налогообложения, волокита с введением дифференцированного налога на недвижимость, уравнительное предоставление налоговых льгот, отсутствие государственного контроля за расходами граждан, а также не учитывающий реальные доходы налогоплательщика транспортный налог – далеко не полный перечень финансово-политических решений, способствующих превращению России в «налоговый рай» для богатых и супербогатых налогоплательщиков. Поэтому налоговая система России в большей степени способствует концентрации богатства, чем его справедливому перераспределению. При этом низкий уровень жизни большинства россиян, медленное формирование среднего класса, недопустимо высокое имущественное расслоение между богатыми и бедными принимают в на-

шем обществе угрожающие размеры.

Итак, модернизация налоговой системы России должна способствовать *справедливому* распределению (перераспределению) доходов в обществе. Реализация этой задачи – непереносимое условие повышения налоговой культуры населения России.

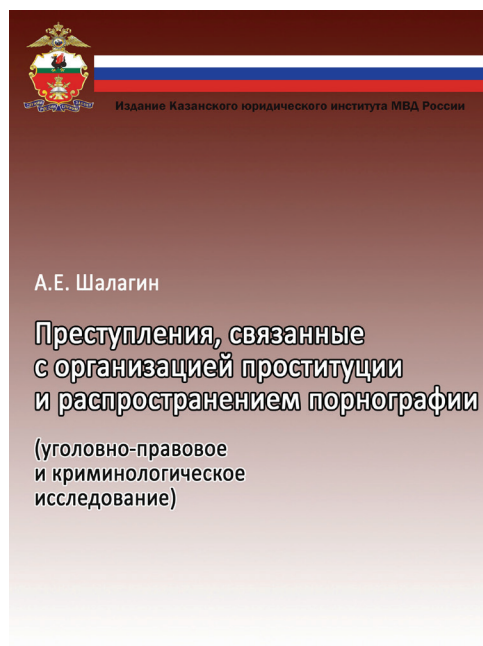
В заключение отметим, что повышение налоговой культуры общества и концептуальное усовершенствование современных моделей налогообложения требуют исследования *побудительных факторов* поведения налогоплательщиков. К сожалению, социологические исследования в российском налоговедении – в отличие от западного – не получили адекватного развития. Говоря о преобладании в российском налоговедении экономических, юридических и исторических подходов, Т. Н. Богославец с сожалением констатирует, что «социальные особенности налогообложения, его влияние на уровень жизни, налоговое поведение и налоговую культуру налогоплательщиков ни экономический, ни правовой, ни исторический подходы не раскрывают» [9; с. 177]. При этом в зарубежных странах активно формируется такое самостоятельное направление социологической мысли, как «фискальная социология» (*fiscal sociology*). Понимание того, что налогоплательщики не являются однородной массой, а также тщательный анализ и учет *многообразных мотиваций* в части соблюдения налоговых норм выступают важнейшей предпосылкой для перехода от административно-командных методов к модели гибкого регулирования.

В целом же, огромное значение имеет *превентивно-воспитательная*, разъяснительная составляющая налоговой политики, направленная на качественное улучшение налоговой культуры общества. Необходимо создание *позитивного образа* налогов и налогообложения в общественном и индивидуальном сознании, а также долгие годы кропотливого воспитания добросовестного налогоплательщика, собственника, гражданина, понимающего свою ответственность перед обществом и тот факт, что общественно полезные функции государства немыслимы без пропорционального соучастия каждого в формировании публичных финансовых ресурсов. Решение указанной задачи – необходимая предпосылка для перехода к новой, «партнерской» модели налогового администрирования в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nerre B. Tax Culture as a Basic Concept for Tax Policy Advice // *Economic Analysis and Policy*. 2008. Vol. 38. № 1.
2. Болотова А. А., Иванченко Л. А. Повышение уровня налоговой культуры как основа предупреждения налоговой преступности // *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. 2013. Т. 2. № 9.
3. Абакарова Р.Ш. Налоговая культура России // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 6.
4. Годме П. М. Финансовое право. М., 1970.
5. Hemels S. Fairness: A Legal Principle in EU Tax Law? // in «Principles of Law: Function, Status and Impact in EU Tax Law» / ed. by Cécile Brokelind. IBFD, 2014. P. 413-438.
6. Alm J., Torgler B. Culture Differences and Tax Morale in the United States and in Europe (July 2003). CREMA Working Paper № 2004-14. <http://ssrn.com/abstract=562861> (дата обращения: 12.06.2015).
7. Леруа М. Социология налога. М.: Дело и Сервис, 2006.
8. Григорьева Е. Н. Взаимосвязь правосознания и правовой культуры налогоплательщика с фискальной функцией современного государства // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2012. № 3.
9. Богославец Т. Н. Социологический подход в исследовании налоговой культуры // *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*. 2012. № 4.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Шалагин А.Е.

Преступления, связанные с организацией проституции и распространением порнографии (уголовно-правовое и криминологическое исследование): монография / А.Е. Шалагин; под ред. М.Р. Гарафутдинова. - Казань: КЮИ МВД России, 2016. - 221 с.

Работа посвящена уголовно-правовому и криминологическому анализу преступлений, связанных с организацией проституции и распространением порнографии. В монографии отражены проблемы, возникающие при квалификации преступных деяний, предусмотренных ст. ст. 240-242.2 УК РФ. Выработаны рекомендации по предупреждению и противодействию преступлениям данной направленности. В исследовании отражен исторический, зарубежный и региональный опыт выявления, предотвращения и пресечения преступлений, посягающих на общественную нравственность в сфере половых отношений.

Монография предназначена для практических работников органов внутренних дел, преподавателей, научных сотрудников, адъюнктов юридических вузов МВД России, а также может быть полезна курсантам, слушателям, студентам и аспирантам.

УДК 37.032

Е.А. Желонкина

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОСТИЖЕНИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ПОСРЕДСТВОМ ФОРМИРОВАНИЯ ПОРТФОЛИО

В статье исследуются педагогические проблемы проектирования электронного портфолио в системе высшего образования, его содержание, задачи и функции. Проведен анализ зарубежных и отечественных педагогических исследований практики применения электронного портфолио. Выделяются основные виды портфолио. Особое внимание уделено методике агрегирования на базе портфолио результатов деятельности обучающихся. Особое внимание уделено методике агрегирования на базе портфолио результатов деятельности обучающихся.

Ключевые слова: портфолио, профессиональные компетенции, электронная информационно-образовательная среда, образовательные траектории.

Реализация компетентностного подхода требует от отечественного высшего образования комплексного решения проблем совершенствования качества обучения, обновления педагогических методик и технологий, а также способов контроля эффективности обучения и траекторий образовательной деятельности обучающихся. Одним из новых требований федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, а также лицензионных требований к образовательным организациям является разработка и использование электронных образовательных сред (далее – ЭИОС, Среда).

ЭИОС организации должна обеспечивать доступ к электронным образовательным ресурсам; фиксацию хода и результатов освоения основной образовательной программы; формирование электронного портфолио обучающегося, в том числе сохранение работ обучающегося, рецензий и оценок на эти работы со стороны любых участников образовательного процесса.

Одной из инновационных технологий оценивания качества обучения и уровня сформированности компетенций обучающихся в современной образовательной организации является портфолио – собрание личных достижений обучающегося, которое отражает реальный уровень его подготовки и активности в различных учебных и внеучебных видах деятельности в вузе и за его пределами.

В зарубежной образовательной практике порт-

фолио, которое в переводе с итальянского языка дословно означает «папка с документами» или «папка специалиста», определяется как технология альтернативного оценивания и активно применяется в практике образования с середины XX века. Анализ зарубежного опыта использования портфолио в оценке профессиональных компетенций обучающихся, представленный в исследованиях В.К. Загвоздкина, И.М. Курдюмовой, позволяет характеризовать его как коллекцию работ и результатов деятельности обучающегося, которая демонстрирует его усилия, прогресс и достижения в различных областях образовательной и профессиональной деятельности [1, с. 5]. При этом авторы выделяют специфику использования портфолио в опыте зарубежных вузов: в США особое внимание уделяется возможностям аутентичного оценивания, которое определяется как вид оценивания, применяющийся, прежде всего, в практико-ориентированной деятельности и предусматривающий оценивание сформированности умений и навыков личности в условиях помещения ее в ситуацию, максимально приближенную к требованиям сферы профессиональной деятельности; в Великобритании портфолио рассматривается как инструмент оценивания, альтернативный тестированию и предоставляющий возможность не только оценить когнитивную составляющую компетенций студентов, но и реализовать личностно-центрированный подход в профессиональной подготовке

Желонкина Екатерина Алексеевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Уральского юридического института МВД России

e-mail: gelonkinaea@yandex.ru

© Желонкина Е.А., 2016

Статья получена: 24.03.2015

будущих специалистов; в Германии приоритетное внимание уделяется накопительному характеру портфолио, который отражается и в широко используемом названии «файлы достижений».

Анализ исследований отечественного опыта использования портфолио в оценивании результатов профессиональной подготовки в вузе позволяет сделать вывод, что в современном процессе профессиональной подготовки портфолио выступает как компетентностно ориентированная технология фиксирования, накопления и оценки индивидуальных достижений студента в определенный период его обучения как своеобразный отчет, позволяющий увидеть картину конкретных образовательных результатов, обеспечить отслеживание индивидуального прогресса студента в широком образовательном контексте, продемонстрировать его способности практически применять приобретенные знания и умения. В частности, И.А. Кныш и И.П. Пастухова определяют портфолио обучающихся как «индивидуальную, персонально подобранную совокупность разноплановых материалов, которые представляют образовательные результаты в «продуктном» виде и содержат информацию об индивидуальной образовательной траектории студента» [2, с. 61-66].

В трудах отечественных педагогов электронное портфолио рассматривается как рефлексивное инновационное оценочное средство, как форма мониторинга образовательной деятельности.

Портфолио позволяет: а) проследить индивидуальный прогресс обучающегося в течение длительного периода обучения в широком образовательном пространстве; б) оценить его результаты и дополнить данные тестирования и других традиционных форм контроля; в) осуществить рефлексию и самооценивание.

Современные исследователи отмечают, что использование портфолио в образовательном процессе вуза позволяет усилить практическую ориентацию и инструментальную направленность образования; достичь оптимального сочетания фундаментальных и практических знаний, направленности образовательного процесса не только на усвоение знаний, но и на развитие способностей мышления, выработку практических навыков; расширить применение интерактивных форм обучения; развить навыки самостоятельной работы; усилить дифференциацию и индивидуализацию образовательного процесса; выявить одаренных студентов и организовать индивидуальный процесс их включения в научно-исследовательскую деятельность; развить у студентов навык саморефлексии.

В качестве наиболее значимых функций портфолио как технологии оценивания профессиональных

компетенций студента отечественные исследователи, наряду с контрольно-оценочной функцией, выделяют учетно-информационную и контрольно-корректирующую функции, которые позволяют организовать длительное накопление, целенаправленный отбор и отражение специальным образом отбираемых материалов, демонстрирующих уровень сформированности профессиональных компетенций обучающихся, а также провести коррекцию его профессионально-образовательной деятельности.

Кроме того, работа над портфолио позволяет в полной мере выявить склонности и способности студента, помочь осуществить правильный выбор в сфере дальнейшей профессионализации, в частности, между практической и научно-исследовательской деятельностью в рамках избранной специальности.

В зависимости от целей создания выделяют несколько видов портфолио. Традиционно в образовательной практике используются три типа портфолио: портфолио документов, портфолио работ и портфолио отзывов.

Портфолио документов – портфель сертифицированных (документированных) индивидуальных образовательных достижений, который позволяет дать не только качественную, но и количественную оценку образовательных достижений студента. Недостатком данного типа портфолио является то, что оно дает представление о результатах, но не описывает процесс профессионального и личностного развития студента, разнообразия его творческой активности, учебного стиля, интересов и т. п.

Большие возможности в этом направлении предоставляет портфолио работ как собрание личных достижений студента, которое показывает реальный уровень его подготовки и активности в различных учебных и внеучебных видах деятельности в вузе и за его пределами. Данный тип портфолио может объединять различные творческие и проектные работы студента, содержать описание основных форм и направлений его учебной, исследовательской и творческой активности (участие в научных конференциях, конкурсах, прохождение различного рода практик, спортивных и художественных достижений и др.). Чаще всего портфолио работ оформляется в виде творческой папки с приложениями работ в виде текстов, электронных версий, фотографий, видеозаписей.

Портфолио отзывов содержит тексты заключений, рецензий, отзывов, резюме, эссе, рекомендательных писем, предоставленных преподавателями, научным руководителем, куратором, возможно, однокурсниками, работниками системы дополнительного образования, и позволяют получить всестороннюю характеристику отношений студента к

различным видам деятельности. Кроме того, данный вид портфолио может содержать рефлексивный компонент, представленный в виде письменного самоанализа студентом своей деятельности и ее результатов. Таким образом, использование данного вида портфолио позволяет включить механизмы самооценки студента, что повышает степень осознанности процессов, связанных с обучением и профессиональной деятельностью.

Одним из недостатков портфолио отзывов является сложность формализации и учета собранной информации. Кроме того, в практике вузовского обучения могут быть использованы такие типы портфолио, как «папка достижений», отражающая учебные, исследовательские и творческие успехи обучающегося. Такое портфолио может предъявляться как результат освоения отдельной учебной дисциплины или как квалификационный результат творческого и научного развития на итоговой аттестации по специальности.

Второй тип – рефлексивное портфолио, раскрывающее динамику личностного развития студента, помогающее отследить результативность его деятельности как в количественном, так и качественном плане. В эту папку собираются все контрольные и творческие работы: публикации, эссе, рефераты, зачетные и курсовые работы в течение определенного срока.

Третий тип портфолио – проблемно-исследовательский, связанный с написанием реферата, научно-исследовательской или курсовой работой, подготовкой к выступлению на конференции.

Четвертый тип портфолио – тематический, создаваемый в процессе изучения какой-либо большой темы, раздела, учебного курса, дисциплины, прохождения практики.

Суть использования портфолио как технологии и как пакета документов – обеспечить эффективное взаимодействие студентов с научными руководителями, преподавателями и кураторами в вузе в период обучения, а также с потенциальными работодателями до и после окончания образовательной организации.

Несмотря на многообразие подходов к классификации портфолио студентов, в алгоритме реализации данной технологии можно выделить следующие этапы:

1. Ориентировочно-мотивационный этап, который включает действия педагогических работников, направленные на формирование мотивации и целеполагания студента по созданию портфолио.

2. Исполнительно-операционный этап, который включает разработку совместной деятельности преподавателей, работодателей и студентов по определению и разработке структуры мате-

риалов портфолио, планирование деятельности по сбору, оформлению и подготовке материалов к презентации; выработку критериев оценивания материалов портфолио.

3. Рефлексивно-оценочный этап, который предполагает сбор и оформление материалов портфолио, пробы в его презентации, собственно презентацию и оценку портфолио.

Следует отметить, что при отборе материалов и структуризации портфолио важную роль играет рефлексия обучающихся, суть которой состоит в фиксации успехов и трудностей, возникающих при организации работы над портфолио. Рефлексия направлена на выявление так называемых точек опоры – уже имеющихся знаний, умений, навыков, которые позволяют добиваться успехов в выполняемой деятельности, и точек роста – дефицитов и трудностей, которые тормозят достижение запланированных результатов. Рефлексивное осмысление точек опоры и точек роста позволяет зафиксировать достижения в деятельности относительно ожидаемых результатов, а также значимые изменения, происходящие в самом субъекте деятельности, в частности, в формировании его компетенций. Для организации рефлексии деятельности можно использовать такие формы и методы работы, как групповая и индивидуальная работа студентов над портфолио; обсуждение материалов портфолио на семинарских занятиях; тренинги и консультации по формированию необходимых знаний и навыков создания и презентации портфолио. Пробы в презентации портфолио включают рефлексию и самооценку деятельности на заключительном этапе работы над портфолио и могут быть осуществлены в рамках семинарских занятий, заседаний научных обществ, тренингов и консультаций по формированию необходимых знаний и навыков студентов по созданию и презентации портфолио. Собственно презентация портфолио включает представление материалов портфолио-продукта лицам, заинтересованным в информации о достижениях его владельца, планах по его дальнейшему саморазвитию. При этом исследователи отмечают, что презентация является итоговым, технологическим, так как, кроме готового портфолио – продукта в виде папки с материалами – могут быть получены и другие результаты работы, не менее значимые для его владельца и других участников [3].

Рефлексия деятельности позволяет перевести результаты практической деятельности в опыт для его дальнейшего использования.

В каждом конкретном случае создания и использования портфолио необходимо разрабатывать систему показателей для его оценки. Она будет напрямую зависеть от типа портфолио и целей его использования. При выработке критериев

для оценивания материалов портфолио необходимо придерживаться следующих принципов:

– принцип обеспечения полноты оценивания, с позиций которого параметры и критерии оценивания вырабатываются на основе уже имеющихся в образовательной практике представлений о необходимых качествах портфолио как продукта деятельности студента и с учетом собственного творческого вклада участников создания портфолио, необходимого для полноты оценивания;

– принцип совместной деятельности, который предполагает выработку системы оценивания (процедуры и критерии оценки) в процессе совместного обсуждения всех сторон и участников, заинтересованных в успешных результатах использования портфолио-технологии;

– принцип цикличности деятельности, сущность которого заключается в том, что совместная деятельность по выработке критериев оценивания встраивается в два такта портфолио-технологии: проба по созданию и использованию портфолио и оценка работы обучающегося.

Следует отметить, что в настоящее время в практике оценивания портфолио наметился переход от ориентации на оценку собственно презентационных умений студентов к оценке конкретных компетенций (общекультурных, профессиональных, профессионально-специализированных). Например, для оценки уровня сформированности исследовательских компетенций могут быть использованы такие результаты исследовательской деятельности обучающихся, как рефераты, курсовые и научные работы, доклады, тезисы выступлений, фото- и видеоматериалы с конференций и т. д.

Для оценки рефлексивных компетенций студентов используются эссе, резюме, различные виды планов и самоанализов, выполненные обучающимися.

Оценка профессиональных компетенций может быть осуществлена через оценивание образовательных результатов, полученных в ходе изучения различных инвариантных и вариативных дисциплин профессиональной подготовки, диагностических материалов, отражающих формирование профессиональных компетенций, отчетов по различным видам практик и т. д.

В связи с этим широкое распространение в практике профессиональной подготовки приобрело электронное портфолио. Специфика структурирования данного типа портфолио и требования к его оформлению представлены в работах С.В. Панюковой, В.Ю. Переверзева, С.А. Синельникова. Так, С.В. Панюкова определяет электронное портфолио как «организованную обучающимся на базе средств ИКТ совокупность документов, включающую результаты квалификационных ра-

бот и их примеры, подтверждения сертификатов и дипломов в системе академического образования, а также результаты непрерывного оценивания и прогнозирования личных достижений вне образовательной системы» [4, с. 85].

К преимуществам электронного портфолио могут быть отнесены высокая степень мобильности его дополнения и коррекции, широкие возможности для художественного оформления, многовариантность выбора средств оформления и структурирования, доступность для внешнего и дистанционного оценивания. Здесь важная роль должна отводиться программному обеспечению для формирования качественного и объективного портфолио обучающегося. Такую роль может сыграть электронная информационно-образовательная среда. ЭИОС обычно определяется как информационная система, объединяющая посредством сетевых технологий технические и программные средства, организационное и методическое обеспечение, предназначенное для повышения эффективности и доступности образовательного процесса подготовки специалистов.

Среда обеспечивает альтернативные инновационные формы обучения и целенаправленную реализацию дистанционных образовательных технологий в учебном процессе.

ЭИОС предназначена для разработки, управления и распространения учебных материалов по дисциплинам и курсам с обеспечением к ним совместного доступа и представляет собой систему инструментов для организации образовательного процесса.

Она направлена на обеспечение следующих функций: создание и развитие фонда информационных ресурсов вуза; информационное обслуживание всех участников образовательного процесса; реализация дистанционных образовательных технологий, направленных на самостоятельное и углубленное изучение обучающимися учебного материала с возможностью проведения автоматизированного тестирования; обеспечение высокой степени индивидуализации обучения и, одновременно, организация обучения как коллективного процесса; формирование средств коммуникации между всеми субъектами образовательного процесса; реализация всестороннего и оперативного контроля состояния учебного процесса в целом и всех его компонентов в отдельности [5, с.87-89].

Учебно-методические материалы в Среде представлены текстами или тезисами лекций, сопровождаемыми презентациями, тестовыми заданиями, анкетами, опросами, заданиями для практического выполнения, требующими от обучающегося обязательного ответа в виде прикрепляемых файлов (файла), содержащих результат деятельности.

В Среде формируется электронный журнал,

в котором отражаются результаты обучающихся по тестированию и выставляются оценки преподавателем за выполнение практических заданий. Для каждого обучаемого автоматически формируется личный электронный дневник.

Система обмена сообщениями предоставляет участникам ЭИОС возможность обмениваться личными сообщениями. Каждый пользователь Среды может вести свой блог, обмениваться файлами, мнениями на форуме и в чате, которые, в свою очередь, сохраняясь, создают структурные элементы портфолио.

Кроме того, система обладает достаточно разнообразным спектром средств для организации их асинхронного взаимодействия, что дает возможность участникам образовательного процесса работать и учиться в удобное для них время. Полноценное использование Среды позволяет обеспечить многовариантность представления учебной ин-

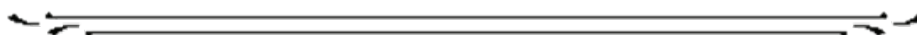
формации, интерактивность обучения, многократное повторение изучаемого материала, структурирование образовательных ресурсов, выстраивание индивидуальных образовательных траекторий, получающих воплощение в электронном портфолио.

Все это делает использование ЭИОС соответствующим принципам успешного обучения и позволяет значительно повысить эффективность и качество образовательного процесса.

А электронное портфолио современного обучающегося является индивидуальным, персонально подобранным пакетом материалов, которые в виде конкретного продукта представляют образовательные и профессиональные результаты и достижения обучающегося, характеризуют способности анализа и планирования его образовательной деятельности и профессиональной карьеры, позволяют оценить уровень сформированности его профессиональных компетенций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Егорова Г.И. Интеллектуализация профессиональной подготовки специалиста технического вуза: дис. ... докт. пед. наук. СПб., 2009, 402 с.
2. Кныш И.А., Пастухова И. П. Электронное портфолио студента: особенности формирования и внедрения в практику образовательного процесса // Приложение к журналу «Среднее профессиональное образование». 2007. № 11. С. 61–66.
3. Григоренко Е.В. Портфолио в вузе: методические рекомендации по созданию и использованию. Томск: ТГУ, 2007. 134 с.
4. Панюкова С. В. Электронный портфолио ученика // Информатика и образование. 2007. № 2. С. 85–86.
5. Гуде С.В. Информационная образовательная среда ФГКОУ ВПО «РЮИ МВД России» как фактор повышения качества учебного процесса // Информационные технологии, связь и защита информации МВД России. 2012. № 2. С. 87-89.

УДК 343.7, 347.1

А.Ф. Ахмадуллина

НЕПРАВОМЕРНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСАЙДЕРСКОЙ ИНФОРМАЦИИ: МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ СВЯЗИ ГРАЖДАНСКОГО И УГОЛОВНОГО ПРАВА

Статья посвящена анализу преступления в виде неправомерного использования инсайдерской информации с позиции межотраслевых связей гражданского и уголовного права. Определено взаимодействие и взаимообусловленность гражданско-правового и уголовно-правового регулирования в элементах состава преступления. Предложены комплексные правовые средства обеспечения частных и публичных интересов субъектов отношений, связанных с противодействием инсайдерской деятельности.

Ключевые слова: инсайдерская информация, неправомерное использование, инсайдерская деятельность, инсайдер, межотраслевые связи.

Относительно недавно в России был сформирован правовой режим инсайдерской информации – достоверных нераспространенных сведений, раскрытие которых может вызвать существенное изменение цен на финансовые инструменты, иностранную валюту, товары, обращаемые на организованном рынке. Целями принятия Федерального закона от 27 июля 2010 года № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком» (далее – Закон об инсайдерской информации) [1] и целого ряда нормативных актов является закрепление правовых основ для своевременного раскрытия инсайдерской информации и противодействия ее неправомерному использованию инсайдерами – лицами, имеющими к ней доступ ввиду служебного либо иного «привилегированного» положения. Проблема инсайдерской деятельности особенно актуализируется и обостряется в период экономических и политических кризисов, когда раскрытие информации может незамедлительно сказаться на динамике котировок акций. Так, 16 декабря 2014 года Центробанк РФ (далее – ЦБ) принял решение о повышении ключевой ставки до 17 % годовых. За день до объявления этого решения наблюдалось существенное увеличение объема продажи национальной валюты на торгах, в результате чего рубль подешевел за один день на 8% [2]. Небывалую активность крупных участников торгов можно объяснить не иначе как наличием доступа к инсайдерской информации ЦБ и ее использованием.

На сегодняшний день приходится констати-

вать, что правовое регулирование в области противодействия инсайдерской деятельности находится на крайне низком уровне. С 2013 по 2016 годы в России было выявлено всего лишь два факта инсайдерской деятельности в отношении акций ОАО Концерн «Калина» и ОАО «Открытые инвестиции» (ОАО «ОПИИ») [3], однако при этом никакой ответственности нарушители не понесли. Низкий процент выявления преступлений, отсутствие случаев привлечения к ответственности не говорит о том, что в России не совершаются подобные правонарушения. Данные факты, скорее, свидетельствуют о недостаточном уровне развития правоприменительной практики, а также методологической базы для исследования соответствующих преступлений.

Законодательство об инсайдерской информации носит ярко-выраженный межотраслевой характер, поскольку выстроено нормами как частного, так и публичного права. От степени согласованности разнотраслевых элементов напрямую зависит эффективность правового регулирования соответствующих отношений. Выявление межотраслевых связей между разнотраслевыми образованиями позволяет, во-первых, комплексно оценить правовой инструментарий, используемый для решения правовых задач; во-вторых, оценить баланс частного-публичного регулирования; в-третьих, предложить правовые средства для придания согласованности разнотраслевому регулированию и обеспечения как частных, так и публичных интересов.

Учение о межотраслевых связях связывается с именем выдающегося отечественного цивили-

Ахмадуллина Азалия Фаридовна, аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского (Приволжского) федерального университета

e-mail: azochka00@mail.ru.

© Ахмадуллина А.Ф., 2016

Статья получена: 29.02.2016

ста, профессора Казанского университета – М.Ю. Чельшева [4]. Согласно теории М.Ю.Чельшева, межотраслевые связи - это отношения взаимной зависимости, обусловленности и общности между различными правовыми отраслями и их отдельными частями [4, с. 74]. Одной из тенденций развития научной мысли при изучении любой сферы правового регулирования является применение методологии межотраслевых исследований. Так, в частности, одним из первых в науке уголовного права профессор А.Г.Безверхов при характеристике имущественных преступлений дал развернутое представление о взаимосвязи гражданского и уголовного права [5, с.319-333]. М.Ю.Чельшев, М.В.Талан, А.В.Михайлов при исследовании сферы антимонопольного регулирования выявили проявление межотраслевых связей уголовного, гражданского и предпринимательского права [6, с. 256–266.].

В Законе об инсайдерской информации впервые осуществлена криминализация деяний, связанных с неправомерным использованием инсайдерской информации. Этим же актом предусмотрена возможность возмещения гражданско-правового ущерба от инсайдерской деятельности. Выявление отношений общности, взаимодействия и взаимобусловленности гражданско-правового и уголовно-правового регулирования позволяет определить особенности, характеризующие сущность соответствующего правового регулирования и влияющие на его эффективность с точки зрения обеспечения как частных, так и публичных интересов.

Для целей межотраслевого исследования преступлений, связанных с инсайдерской деятельностью, следует более подробно остановиться на особенностях состава преступления, предусмотренного ст. 185.6 УК РФ [7]. Так, непосредственным объектом преступления являются общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок осуществления предпринимательской деятельности, поддержание конкуренции и справедливого ценообразования на организованных торгах. В качестве дополнительного объекта могут выступать имущественные интересы граждан, юридических лиц, государства, отношения собственности. В целом же наличие в правовом регулировании правовых ограничений уголовно-правового характера (запретов, наказаний) с позиции информационно-психологического воздействия права (теория стимулов и ограничений в праве, концептуально разработанная в трудах А.В. Малько[8]), высвечивает особую общественную опасность правонарушений, совершаемых на организованных торгах. Опасность же инсайдерской деятельности в том, что она нарушает взаимосвязанные частные и публичные интересы. Частные интересы дифферен-

цируются. Во-первых, следует выделить интересы инвесторов, которые выражены в получении имущественных выгод от осуществления биржевой торговли в условиях информационного равенства и прозрачности. Во-вторых, интересы первичных обладателей инсайдерской информации заключаются в легитимном использовании сведений для обеспечения предпринимательской деятельности, своевременном доведении информации до инвесторов, недопущении использования информации третьими лицами до раскрытия. Публичные интересы предопределяются необходимостью охраны частных интересов и выражены в поддержании экономического развития, справедливой конкуренции, повышении инвестиционной привлекательности государства. На поддержание данных интересов направлено соответствующее правовое регулирование, которое, с одной стороны, носит запретительный характер, а с другой, создает стимулирование для гражданско-правовой активности инвесторов как субъектов частных отношений [9, с.37-38].

Объективная сторона преступления, о котором идет речь, выражается в самом деянии (неправомерном использовании инсайдерской информации); наступлении последствий в виде крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо извлечением дохода или избеганием убытков в крупном размере (превышающем 2,5 млн руб.); причинной связи между ними. Формами неправомерного использования инсайдерской информации являются: заключение сделки на основе инсайдерской информации; передача инсайдерской информации третьим лицам (за исключением случаев легитимной передачи); дача рекомендаций третьим лицам на основе инсайдерской информации к приобретению, продаже объектов биржевой торговли, с которыми связана инсайдерская информация. Каждое из деяний, указанных в ст. 6 Закона об инсайдерской информации и ст. 185.6 УК РФ, имеет гражданско-правовые последствия. Так, совершая сделку на основе инсайдерской информации, инсайдер руководствуется ценными сведениями о грядущем повышении/понижении цен на соответствующие объекты гражданских прав. Воля инсайдера как элемент сделки формируется под влиянием информации. Иные участники рынка такой информацией не обладают и совершают сделки в условиях неопределенности. Становясь раскрытой, инсайдерская информация способна определять поведение субъектов гражданско-правовых отношений на организованном рынке. Следствием совершения множества сделок является существенное увеличение или снижение цен на объекты гражданских прав, обращаемые на организованном рынке. Основываясь на информации, полученной

в силу различных правовых оснований (трудовой договор, гражданско-правовой договор, корпоративный договор и т.д.), совершающий финансовые операции инсайдер имеет необоснованные конкурентные преимущества и получает значительный доход или избегает убытков.

Передача инсайдерской информации, равно как и предоставление аргументированного совета другому участнику рынка ценных бумаг относительно совершения им каких-либо операций с указанными инструментами (на основании инсайдерской информации) [10], также создают необоснованные конкурентные преимущества, с одной стороны; а с другой, нарушают фидуциарные отношения между первичными обладателями инсайдерской информации (например, эмитентом) и вторичными, которым она была передана для исполнения договорных, служебных и иных обязанностей (например, аудитором, который получил от эмитента сведения с целью осуществления аудиторской проверки).

Признак наличия ущерба или дохода от инсайдерской деятельности характеризует состав преступления как материальный. Как указывает Я.И. Миркин, в отношениях с инсайдерской информацией гражданско-правовой ущерб выражается в частичной утрате средств, израсходованных на оплату объектов биржевой торговли при приобретении/продаже их по ценам, завышенным/заниженным по сравнению с ценами, сложившимися после раскрытия инсайдерской информации [11, с.342]. Сложность, однако, в том, что в силу обезличенности биржевой торговли, особенностей биржевых сделок, порядка и скорости их совершения, установить потерпевшего субъекта, с которым совершает сделку инсайдер, и доказать размер ущерба представляется почти невозможным. Е.А.Емельянова в связи с этим справедливо предлагает определить правила деликтной ответственности инсайдеров и наделить правом на возмещение убытков всех инвесторов, осуществлявших сделки противоположной направленности с конкретным предметом торгов в период присутствия на рынке инсайдера [12, с.116]. При этом важным процессуальным средством должно стать освобождение инвесторов от бремени доказывания причинной связи между инсайдерской деятельностью и убытками.

Для целей уголовно-правовой квалификации предпочтительнее применять критерий дохода, полученного инсайдером, поскольку он позволяет значительно снизить стандарты доказывания, не определяя при этом ущерб.

При характеристике объективной стороны рассматриваемого преступления нельзя не отметить проблему, связанную с отождествлением в легальной дефиниции Закона об инсайдерской

информации сведений, составляющих инсайдерскую информацию, и сведений, охраняемых в режиме тайн. Несогласованность правового регулирования между различными по своей природе правовыми режимами информации (частноправового характера: коммерческой, банковской тайны, частно-публичного: служебной тайны, публично-го: налоговой, государственной тайны) вызывает серьезные проблемы на уровне правоприменения и правореализации. Так, возникают сложности в правильной квалификации действий лица, использовавшего инсайдерскую информацию, в то же время охраняемую в режиме коммерческой тайны, ведь, как известно, нарушение режима коммерческой тайны образует самостоятельный состав преступления (ст.183 УК РФ) и более того, пресекается в рамках антимонопольного регулирования. В связи с этим неизбежно встает проблема возможных злоупотреблений правоприменительных органов в пользу выбора более жесткой или более мягкой санкции.

Субъект преступления. При определении субъекта преступления, предусмотренного ст. 185.6 УК РФ, межотраслевые связи гражданского и уголовного права проявляются в том, что статус субъекта преступления тесно взаимосвязан с его гражданско-правовым статусом.

На первый взгляд, субъект преступления является специальным и им является инсайдер. Исчерпывающий перечень инсайдеров – лиц, обладающих инсайдерской информацией, обозначен в статье 4 Закона об инсайдерской информации. С точки зрения гражданской правосубъектности, инсайдерами могут выступать физические лица, юридические лица и публично-правовые образования. От иных субъектов гражданского оборота инсайдеров отличает лишь то, что в их ведении находится ценное благо – инсайдерская информация. В отличие от гражданского права, с точки зрения уголовного права, привлечение к ответственности за инсайдерскую деятельность допустимо лишь в отношении физических лиц. Таким образом, круг субъектов, указанных в ст. 4 Закона об инсайдерской информации, в рамках уголовно-правового преследования значительно сужается. Правовой статус инсайдера физическое лицо в большинстве случаев приобретает ввиду гражданско-правовых оснований (заключение гражданско-правового, корпоративного договора, в котором предусматривается доступ к информации, принятие решения собраниями хозяйственных обществ об избрании в исполнительные органы лиц, в ведении которых будет находиться инсайдерская информация компании и др.). Поэтому при оценке субъекта преступления необходимо будет обращаться к гражданско-правовым основа-

ниям получения доступа к информации, субъективным гражданским правам и обязанностям, ответственности инсайдера.

Немаловажно отметить и то, что зачастую бывает сложно определить конечных бенефициаров, использовавших инсайдерскую информацию, поскольку опытные инсайдеры совершают сделки не лично, а через иных лиц (в том числе, оффшорные компании). Кроме того, в силу свойства неисчерпаемости информации сведения можно передавать бесчисленное количество раз. Учитывая это, законодатель предусмотрел норму п.1 ст. 7 Закона об инсайдерской информации, согласно которой ответственность будет нести любое лицо, неправомерно использовавшее инсайдерскую информацию. Таким образом, субъект преступления – общий, и таковым может быть любое лицо, достигшее 16 лет, которое знает или должно знать, что обладает инсайдерской информацией и использует ее соответствующим образом. Правовой статус инсайдера, выражая «презумпцию осведомленности», приобретает скорее процессуальное значение, определяя легитимную связь конкретного лица и источника информации.

Субъективная сторона в составе исследуемого преступления характеризуется виной в виде прямого или косвенного умысла. Лицо осознает совершение действия по использованию инсайдерской информации, предвидит возможность или неизбежность причинения крупного ущерба либо извлечения дохода в крупном размере и желает этого либо сознательно допускает подобные последствия или относится к ним безразлично.

Презумпция невиновности как основополагающий принцип уголовного права предполагает необходимость доказывания правоприменительным органом вины субъекта. Для привлечения лица к гражданско-правовой ответственности бремя доказывания распределяется иначе: субъект, которому предъявлен иск в возмещении ущерба от инсайдерской деятельности, должен доказать, что он не обладал инсайдерской информацией; не использовал информацию в нарушение установленных запретов; между его действиями и наступившим ущербом нет причинной связи. Наличие статуса инсайдера и в гражданском, и уголовном процессе означает важную доказательственную презумпцию, поскольку предполагает наличие в ведении лица инсайдерской информации, а значит, должно автоматически распространяться на характеристику совершаемой сделки как инсайдерской.

Дифференциация инсайдеров относительно применения к ним виновной ответственности в рамках гражданского процесса основывается на том, что большинство инсайдеров являются субъектами

предпринимательской деятельности (а значит, отвечают без вины), но среди них есть и субъекты, статусом предпринимателей не обладающие (например, работники). С точки зрения же обеспечения гарантий для инвесторов, равно как и первичных обладателей инсайдерской информации, унификация правил об ответственности всех инсайдеров без вины представляется более целесообразной.

Как отмечает А.М. Ерасов, мотив и цель обоснованно не включены законодателем в число обязательных признаков данного преступления [10], хотя в большинстве случаев инсайдерской деятельности присущ корыстный мотив. Вовремя совершая сделки до раскрытия информации, инсайдеры всегда рассчитывают получить значительную имущественную выгоду (если информация «позитивная» и ожидается рост котировок) и избежать убытков (если раскрытие информации способствует резкому снижению цен).

Основные проблемы пресечения инсайдерской деятельности связаны, прежде всего, с определенной несбалансированностью межотраслевых связей гражданского, предпринимательского и уголовного права. Это отражается, в частности, на процедурах определения ущерба, решении вопроса о субъектах ответственности, их вине и т.д. Отсутствие единства в судебной практике в части сбора доказательств отечественным мегарегулятором - Банком России вызывает проблему сложности своевременного выявления инсайдерской деятельности и определения связи между субъектом сделки и источником инсайдерской информации [13]. Аналог российского мегарегулятора - Комиссия по ценным бумагам и биржам в США (SEC) имеет чрезвычайно широкие полномочия по делам о расследовании инсайдерской деятельности, включая возможность применения оперативно-розыскных мероприятий, в частности, прослушивания телефонных переговоров. Ввиду этого стоит подумать либо о расширении полномочий ЦБ, либо о четком определении юридических процедур расследования, применяемых совместно с правоприменительными органами. Более того, следует комплексно решить вопрос о формировании в России системы эффективного расследования биржевых преступлений с обучением соответствующих профильных специалистов.

Комплексный характер ответственности за инсайдерские правонарушения выражен в том, что она определяется нормами гражданского, трудового, административного и уголовного права. Межотраслевой характер преюдиции [14, с.121] выражен в том, что привлечение к гражданско-правовой ответственности обусловлено наличием решения суда в рамках административного или уголовного процесса. Инсайдерские правонарушения характе-

ризуются высокой степенью латентности и выявляются только при помощи взаимодействия организаторов торговли, предоставляющих информацию о совершаемых сделках, и публично-правового субъекта – Банка России, оценивающего подозрительные сделки и выявляющего факты инсайдерской деятельности. В частном порядке инвесторам крайне сложно осуществить процесс выявления и доказывания инсайдерской торговли, ввиду чего представляется необходимым дифференцировать гражданско-процессуальные правовые средства. Во-первых, следует внедрить институт групповых исков и обязательное содействие мегарегулято-

ра и организаторов торговли в подготовке и сборе доказательственной базы. Во-вторых, представляется целесообразным усиление имущественного воздействия ограничительного характера на нарушителей. Это может выразиться в увеличении штрафов в рамках уголовных санкций, в кратном размере от полученного инсайдерами дохода. Однако с позиции необходимости восстановления имущественных прав потерпевших предпочтительнее применение гражданско-правового института компенсации, поскольку он создаст дополнительные гарантии для инвесторов, которым не придется доказывать точный размер убытков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 224-ФЗ «О противодействии не-правомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4193.
2. См.: URL: <http://voprosik.net/insajdery-i-padenie-rublia/>, свободный.
3. См.: Официальный сайт Банка России. URL: http://www.cbr.ru/finmarkets/?PrtId=inside_detect, свободный.
4. Чельшев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дисс. ...д-ра юрид. наук: 12.00.03. Казань, 2009. 501 с.
5. Безверхов Артур Геннадьевич. Имущественные преступления: монография. Самара: Издательство «Самарский университет», 2002. 359 с.
6. Чельшев М.Ю., Талан М.В., Михайлов А.В. Ограничение конкуренции: межотраслевые связи уголовного права и иных правовых образований // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. 2015. Т. 157, кн. 6.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
8. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М.: Юрист, 2003. 256 с.
9. Ахмадуллина А.Ф. Правовые стимулы и правовые ограничения в правовом регулировании противодействия неправомерному использованию инсайдерской информации // Юрист. 2015. № 12.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / Н.И. Ветров, М.М. Дайшутев, Г.В. Дашков и др.; под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юриспруденция, 2013. 912 с.
11. Правонарушения на финансовом рынке: выявление, анализ и оценка ущерба. Справочник для сотрудников правоохранительных органов / под общ. ред. Г.С.Полтавченко. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 876 с.
12. Емельянова Е.А. Манипулирование информацией на рынках. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 192 с.
13. См.: Постановление ФАС Московского округа от 12.03.2014 № Ф05-1622/2014 по делу № А40-56142/13-130-551; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.05.2014 № 09АП-8322/2014 по делу № А40-153867/13 // Справочно-правовая система «Консультант плюс».
14. Бурганов Б.Р. Институт преюдиции: вопросы теории и практики применения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 4(22).

УДК 342.951

В.Ф. Саетгараев

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

В статье проводится анализ противодействия коррупции на современном этапе, рассматривается актуальность объединения усилий органов власти и общества в решении актуальных проблем, обоснованность взаимодействия органов внутренних дел и общественных объединений в сфере противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупция, взаимодействие, органы внутренних дел, общественные объединения.

Стремительные изменения политической ситуации на международной арене, наблюдаемые на современном этапе, негативно отражаются на внутренней социально-экономической обстановке Российской Федерации и требуют своевременной и адекватной реакции государства и общества по нейтрализации дестабилизирующих угроз нормальной жизнедеятельности людей. На фоне множества актуальных проблем, с которыми должна справиться наша страна, коррупция выступает проблемой, подлежащей немедленному решению. Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию от 03.12.2015г. четко указал, что коррупция является препятствием для развития России.

В связи с этим противодействие коррупции выступает стратегическим фактором развития страны, прежде всего, экономическим, имеющим влияние на разные сферы жизнедеятельности: социальные, культурные, духовные, политические и др. На сегодняшний день коррупция представляет собой уже не опасность, а реальную угрозу, влияющую на функционирование государственного управления, проявляясь в вертикальных и горизонтальных общественных связях, препятствуя развитию государственных и общественных отношений, она действительно волнует общество [1], затрагивая повседневную жизнь обычных граждан, препятствуя нормальной жизнедеятельности.

Коррупционность в системе публичных общественных отношений – активно обсуждаемая в обществе проблема. В современном российском обществе масштабы коррупции в системе государ-

ственного управления достигли размеров, угрожающих национальной безопасности. Коррупция самым непосредственным образом содействует криминализации общества, усиливает организованную преступность, которая не только расширяет возможности «отмывания денег», но и получает доступ к политической власти. Наносит ущерб устойчивому развитию и правопорядку, повышает социальную напряженность, способствует падению престижа страны в мировом сообществе. В связи с этим совершенно очевидно, что если коррупции сегодня не поставить действенные меры по противодействию, то она будет стремительно разрастаться, поражая все новые и новые сферы деятельности государства [2, с.3].

В Указе Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», среди главных стратегических угроз национальной безопасности в области экономики указывается сохранение условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений. На уровень стратегических задач по обеспечению экономической безопасности страны выведена необходимость осуществления активных мер по борьбе с коррупцией. Следует отметить, что достижение этой цели при реализации государственной социально-экономической политики видится во взаимодействии органов государственной власти и местного самоуправления с институтами гражданского общества.

В современном понимании государство является частью социума, контролируемой посредством разнообразных механизмов общественного кон-

Саетгараев Вильсур Фирдавиевич, слушатель 2 факультета Академии управления МВД России

e-mail: vilson78@list.ru

© Саетгараев В.Ф., 2016

Статья получена: 08.04.2016

Год	СК РФ	ОВД	ТК	ФСИН	ФСБ	ФССП	МЧС	ФСКН
2013	2 054	130 000	553	190	2 056	464	0	424
2014	1 336	96 583	808	172	2 021	330	1	514
2015	1 901	97 929	1 094	183	2 926	239	0	489

Таблица 1. Количество преступлений экономической направленности, выявленных субъектами учета [4]

троля и участия. То есть государственные институты представляют собой прямое продолжение воли гражданского общества, а социальные технологии становятся инструментом согласования, координации, гармонизации интересов отдельных его социальных групп и общностей [3, с.108]. Нарушение диалога государства и общества проявляется в повседневной жизни людей при медицинском обслуживании, получении образования, социальном обеспечении, жилищно-коммунальном обслуживании, обеспечении безопасности, правосудии и др. Системообразующей основой негативных проявлений выступает коррупция, которая проявляется в виде нарушения нормального функционирования органов государственной власти, а также в виде искажения менталитета населения в отношениях государства и общества.

Основу коррупции составляют экономические преступления, наносящие огромный ущерб государству, организациям и гражданам. Выявление преступлений экономической направленности входит в полномочия многих правоохранительных органов, основную нагрузку среди которых несут на себе органы внутренних дел. Согласно статистическим данным ФКУ «ГИАЦ МВД России»: за 2013, 2014 и 2015 года органами внутренних дел было выявлено значительное количество преступлений экономической направленности, к которым относятся и коррупционные преступления (см. таблицу 1).

Несмотря на значительную работу в борьбе с коррупционной преступностью, мы сталкиваемся с проблемой недоверия граждан к органам внутренних дел, которые ассоциируются с аппаратом чиновничьей власти и стражей ее интересов, а не населения. Как следствие, органы внутренних дел воспринимаются не как главные борцы с коррупцией, а как часть коррупционного механизма. Объективно необходимо преодолеть это негативное общественное мнение, наладив диалог с обществом.

В обществе давно назрела потребность в действенном контроле противодействия данной проблеме со стороны общественности. Необходимость противодействия коррупции с использованием сил общественности постоянно упоминается Президентом Российской Федерации (на встречах, форумах, в выступлениях, посланиях), при этом им подчеркивается, что общественные объединения

не должны превращаться в еще какую-то новую контрольную инстанцию: они необходимы в качестве инструмента народного управления [5].

Среди общественных объединений Российской Федерации немало организаций, позиционирующих себя не просто правозащитными, а прописанными в уставах как антикоррупционные (Например: горячая линия «Стоп коррупция» Общественной палаты РФ; Межрегиональная общественная организация «Общественный антикоррупционный комитет»; Общественная организация «Национальный антикоррупционный комитет»; Межрегиональная общественная организация «Центр противодействия коррупции в органах государственной власти»; «Торгово-промышленная палата Российской Федерации»; «Ассоциация адвокатов России за права человека»; Общероссийская общественная организация «Общественная комиссия по борьбе с коррупцией»; «Московское бюро по правам человека»; Российское антикоррупционное партнерство; Межрегиональное общественное движение «Против коррупции»; Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл-Р», Фонд борьбы с коррупцией и др.). При таком значительном количестве неравнодушных решение проблемы коррупции остается достаточно сложной. Мониторинг интернет-ресурсов показал, что антикоррупционная деятельность указанных общественных объединений в основном сводится к ведению новостных сайтов. О формах проявления борьбы с коррупцией общественность часто узнает из публикаций и репортажей в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети Интернет, их анализ показывает, что они носят спонтанный характер. В действиях общественных объединений по противодействию коррупции отсутствует системность, определенный механизм взаимодействия сил, осуществляющих самостоятельную борьбу. Наш анализ показывает, что участие общественности в механизме объединения усилий органами внутренних дел, следовательно, взаимодействие с общественными объединениями, либо налажено слабо, либо вообще отсутствует.

В качестве положительного опыта противодействию коррупции общественными движениями можно привести деятельность Общероссийского общественного движения «Общероссийский на-

родный фронт». Президент Российской Федерации В.В. Путин 25 января 2016 года, приняв участие в пленарном заседании межрегионального форума в г. Ставрополе, отметил, что общественники, проанализировав закупки ста заказчиков из 40 регионов страны, представили индекс расточительности органов государственной власти и компаний за 2015 год, в связи с чем соответствующие органы, в том числе и отвечающие за борьбу с коррупцией, должны самым внимательным образом посмотреть, прислушаться к этой информации, особое внимание уделив вопросам расточительства и коррупции. «Визитной карточкой» региона (Юг России) являются коррупция и взяточничество, сопровождаемые чёрствым отношением чиновников к людям при решении их проблем, уровень взаимодействия власти и общества очень низкий, отмечается присутствие административных барьеров, отсутствие открытости и прозрачности власти. Коррупция порождает совершенно новые и новые схемы хищения из бюджета, неэффективное расходование государственных средств.

Существует проблема информационной открытости власти, отсутствуют открытые данные на сайтах региональных и муниципальных средств массовой информации, органов власти. Инструмент оценки деятельности органа власти не работает, и главная причина – неинформированность населения: жители в большинстве своём даже не знают о существовании портала государственных услуг. Широко распространена бытовая коррупция, низкий уровень профессионализма чиновников, и плюс к этому практически отсутствует обратная связь.

Проблема коррупции актуальна для всей страны, однако в Северо-Кавказском регионе России коррупция проявляет себя наиболее остро, создает наибольшие проблемы. Однако в данный регион коррупция не импортирована, существуют внутренние причины, среди которых обозначаются клановость и кумовство. Среди важных направлений предстоящей работы выделяется развитие гражданского общества. Президент РФ обозначил деятельность избавления экономики от коррупции как расчистку авгиевых конюшен совместными усилиями [6].

На сегодняшний день мы имеем эффективную практику взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями в охране общественного порядка с такими организациями, как народные дружины, волонтерские движения, казачьи и ветеранские объединения. Представляется возможным достижение успехов при объединении усилий и в противодействии коррупции со специализированными общественными объединениями (общественными советами, правозащитными организациями, средствами массовой информации).

На государственном уровне осуществляется проведение значительного количества антикоррупционных мероприятий и создание антикоррупционных структур в органах государственной и муниципальной власти по всей стране: формирование общественных советов, организация антикоррупционного просвещения, сбор деклараций о доходах и расходах, публичные обсуждения и т.д. Однако низкую эффективность государственной политики в противодействии коррупции показывает сравнительный анализ объема проведенных антикоррупционных мероприятий (увеличение заработной платы государственным служащим, социальная защищенность, повышение престижа службы и т.д.) и среднего размера взяток, выявленных по расследованным коррупционным уголовным делам. По данным ГУ МВД России по г. Москве, в 2015 году на 37,5% выявлено больше фактов получения взяток сотрудниками и руководителями органов власти различного уровня по сравнению с предыдущим годом, также почти вдвое (на 99,7%) увеличился средний размер взятки, с 327,5 тыс. рублей до 654 тыс. рублей [7]. К сожалению, мы располагаем только лишь картиной «низовой коррупции» (средний уровень чиновников, врачей, преподавателей, сотрудников ГИБДД, МЧС и т.д.), которая не поддается сравнению с так называемой «верховой (чиновничьей) коррупцией». Вместе с тем стоит отметить и положительные достижения антикоррупционной политики: запрет на открытие банковских счетов за границей государственным служащим всех уровней, по нашему мнению, целесообразно было бы запретить им владеть и недвижимостью за границей, активно обсуждается инициатива о запрете участия в бизнесе родственникам чиновников.

Одной из обозначенных проблем, порождающих возникновение коррупционных проявлений и препятствующих диалогу с общественными объединениями, является наличие административных барьеров. Процесс преодоления административных барьеров должен представлять собой хорошо организованную деятельность, основанную на нормативных правовых актах. Так как отсутствие правовой регламентации негативно сказывается на любом направлении деятельности государственных органов, в том числе и на преодолении административных барьеров в процессе осуществления правоохранительной деятельности [8, с.29]. В целях преодоления административных барьеров 30 января 2014 г. распоряжением Правительства Российской Федерации № 93-р была утверждена Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти, предусматривающая развитие механизмов взаимодействия государства

и гражданского общества. Преодоление административных барьеров видится в исключении решения многих государственных вопросов, зависящих от усмотрения чиновников, их решения должны быть строго увязаны законом. Организационные меры и правовая регламентация тесно взаимосвязаны между собой. Организационная деятельность органов внутренних дел определяется нормативно-правовым обеспечением, которая является одной из причин возникновения административных барьеров, что, в свою очередь, отражается на организации деятельности. Соответственно, при надлежащем правовом обеспечении деятельности, без совершенной организации добиться эффективного достижения поставленных целей сложно.

С позиции системного подхода мы предлагаем сформировать новую модель объединения усилий органов внутренних дел с общественными объединениями в сфере противодействия коррупции, которая предполагает универсальный организационно-правовой механизм взаимодействия, действующий объективно, автономно (без субъективного вмешательства чиновника) и эффективно в любой сфере отношений (в том числе противодействия коррупции). Данный механизм представляется как социальное партнерство в правоохранительной сфере, которое определяется как вид общественных отношений и специфический по формам реализации способ совместной деятельности правоохранительных и иных социальных субъектов в лице структур гражданского общества, бизнес-сообщества и муниципальных образований в целях выявления и разрешения проблем противодействия преступности и обеспечения желаемого уровня безопасности общества от криминальных угроз [9, с.29]. Ярким примером эффективного противодействия корруп-

ции общественными объединениями на сегодняшний день является деятельность «Общероссийского народного фронта», «Общественной палаты РФ» и ряда других, предающих гласности факты, требующие вмешательства правоохранительных органов, а в особых случаях, организуя обращение напрямую к Президенту РФ. Однако указанным ресурсом обладают далеко не все общественные объединения. Деятельность отдельных общественных объединений, имеющих успехи в противодействии коррупции, нельзя назвать сложившимся эффективным механизмом взаимодействия. Сегодня возможности общественных объединений недооценены, огромным потенциалом обладают общественные советы федеральных органов исполнительной власти, в том числе органов внутренних дел. Имея в своем арсенале инструменты использования общественных связей, общественные советы обладают возможностями построения коммуникаций с разнообразными общественными организациями в целях организации взаимодействия по противодействию коррупции. Выступив, таким образом, в роли медиатора между органами внутренних дел и общественными объединениями, при наличии психологических или иных барьеров в построении коммуникации, выстраивается гибкая организационная структура как основа формирующегося механизма взаимодействия органов внутренних дел и общественных объединений. На современном этапе формирования отношений государства и общества в сфере противодействия коррупции необходимо активнее направлять усилия на организацию взаимодействия органов внутренних дел и общественных объединений в форме партнерства и кооперации как стратегического фактора обеспечения национальной безопасности в области экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мир беспокоит коррупция, а Россию – бедность и вооруженные конфликты. 03.04.2014 [Электронный ресурс] // Официальный сайт исследовательского центра Ромир. URL: http://romir.ru/studies/554_1396468800/ (дата обращения 31.03.2016).
2. Ланцевич Ю.М. Правовые основы деятельности правоохранительных органов по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов: дис. ... на соиск. уч. степ. к.ю.н. М.: Академия управления МВД России, 2012.
3. Коробов В.Б. Социальные технологии в современном государственном управлении (вопросы теории, методологии, практики): дис. ... на соиск. уч. степ. д.с.н. М.: Академия управления МВД России, 2002.
4. Раздел «Сведения о преступлениях, выявленных субъектами учета». Статистические сборники ФКУ «ГИАЦ» МВД России «О состоянии преступности России» за январь-декабрь 2013, 2014, 2015 гг. [Электронный ресурс] // Сайт ЦСИ ФКУ «ГИАЦ» МВД России. URL: <http://10.5.0.16/> (дата обращения 08 апреля 2016).
5. Встреча Владимира Путина с активом ОНФ 27.11.2015. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Общероссийского народного фронта. URL: <http://onf.ru/2015/11/27/stenogramma-vstrechi-vladimira-putina-s-aktivom-obshcherossiyskogo-narodnogo-fronta/> (дата обращения 30 ноября 2015).
6. Заседание межрегионального форума ОНФ. 25.01.2016 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51206> (дата обращения 28.01.2016).

7. Расширенное заседание коллегии ГУ МВД России по г. Москве 28 января 2016 года, посвященное подведению итогов оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел столицы в 2015 году и определению приоритетных направлений в работе московской полиции на 2016 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГУ МВД России по г. Москве. URL: <http://petrovka38.ru/news/item/7139762> (дата обращения 18 февраля 2016).
8. Тырышкин В.В. Преодоление административных барьеров в правоохранительной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: дис. ... на соиск. уч. степ. к.ю.н. М., 2014.
9. Коробов В.Б., Андреев Н.А., Филимонов О.В. Социальное партнерство в правоохранительной сфере: монография. М.: Академия управления МВД России, 2016.

Поздравляем начальника кафедры государственно-правовых дисциплин кандидата философских наук, доцента Фаткуллина Феликса Фидаиевича!

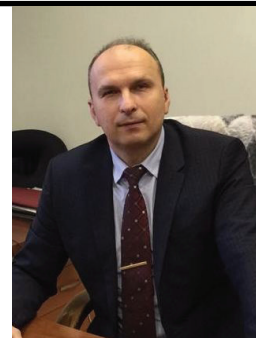
В Уральском федеральном университете им. первого Президента России прошел III Уральский межрегиональный конкурс изданий для высших учебных заведений «Университетская книга», в котором приняли участие 64 издательства (54 вузовских, 10 коммерческих), прислано 706 изданий из 30 городов страны.

В номинации «Лучшее научно-методическое издание по юридическим наукам» диплома конкурса удостоено издание Казанского юридического института МВД России – учебно-методическое пособие Фаткуллина Ф.Ф. «Теория государства и права».

УДК 343.1

Р.В. Беляев

К ВОПРОСУ О ДЕТЕРМИНАЦИИ СУЩНОСТИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся понятийного аппарата, используемого законодателем при регламентации упрощенной формы судопроизводства, предусмотренной гл. 40.1 УПК РФ. Анализируется соотношение уголовно-правового института деятельного раскаяния и досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: соглашение о сотрудничестве, обвиняемый, содействие расследованию, наказание.

Осмысление сущности и назначения института досудебного соглашения о сотрудничестве, а также его места в системе уголовного процесса требует уточнения и конкретизации понятийного аппарата. Мы полагаем, что законодательная конструкция, определенная в п. 61 ст. 5 УПК РФ, нуждается в критическом анализе. Так, в частности, согласно приведенной норме, досудебное соглашение о сотрудничестве понимается как соглашение между сторонами, в котором согласовываются условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. Легальная дефиниция не дает ответа на вопросы о том, каковы действия обвиняемого, обозначаемые термином «сотрудничество», пределы реализации им своего диспозитивного права на упрощение процессуальной формы рассматриваемым способом и т.д.

Отсутствие четкого легального толкования понятия «соглашение о сотрудничестве» влечет за собой различные доктринальные подходы к детерминации его сущности и назначения. Специалисты в области уголовного права полагают, что необходим категорический отказ от «эксперимента по созданию гибридного правового института» [1, с. 23], относя его исключительно к материальному праву. В обоснование этой позиции приводится аксиоматичный аргумент о первичности материального права по отношению к процессуальному и, как следствие, предлагается закрепить понятие «досудебное соглашение о сотрудничестве» в Общей части УК РФ [2, с. 14].

Среди ученых-процессуалистов также нет единства мнений относительно обозначенной проблемы. Часть из них отождествляют соглашение о

сотрудничестве со сделкой о признании вины, полагая, что оно имеет исключительно процессуальную природу и является имплементацией в российский уголовный процесс норм континентального европейского права, а также американской модели соответствующих процедур [3, с. 257-259; 4, с. 307]. Мы полагаем, что приведенная позиция является не вполне корректной, поскольку российская модель рассматриваемой дифференцированной процедуры не предполагает ни наличия у прокурора дискреционных полномочий по определению объема обвинения, ни признания обвиняемым только своей вины в совершении преступления. Кроме того, независимо от места понятийного аппарата в системе уголовного и уголовно-процессуального права, на сегодняшний день рассматриваемый институт имеет комплексный характер. В связи с этим позволим себе солидаризироваться с более взвешенной позицией тех процессуалистов, которые выделяют две равнозначные составляющие, определяющие сущность соглашения – материально-правовую и процессуальную [5, с. 42].

С точки зрения материального права исполнение обвиняемым оговоренных в соглашении обязательств, влекущее за собой льготу при назначении наказания, предусмотренную ч. 2 ст. 62 УК РФ, рассматривается как мера поощрения государством лица за оказанное содействие правоохранительным органам при производстве по уголовному делу. Однако же поощрительные меры имеют не только и не столько уголовно-правовую природу. Так, процессуальная их составляющая включает в себя, помимо очевидных преимуществ, связанных с сокращением стадии судебного разбирательства и назначением наказания в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 317.6

Беляев Роман Валерьевич, судья Московского областного суда

e-mail: brv201167@rambler.ru

© Беляев Р.В., 2016

Статья получена: 22.04.2016

УПК РФ, еще и иные процессуальные преференции: выделение в отдельное производство уголовного дела в отношении подозреваемого или обвиняемого, заключившего соглашение о сотрудничестве (п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ); возможность применения в отношении этого лица и его близких родственников, родственников и близких лиц мер безопасности, предусмотренных ст. 11 УПК РФ и п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ; освобождение от уплаты судебных издержек (п. 10 ст. 316 УПК РФ). Кроме того, правоприменительной практикой выработана и еще одна немаловажная для обвиняемого льгота – изменение меры пресечения с заключения под стражу на более мягкую, не связанную с ограничением свободы, что среди ученых-процессуалистов оценивается как разумный и взвешенный подход [6, с. 32].

Взяв за основу комплексный характер института досудебного соглашения о сотрудничестве, мы считаем целесообразным более подробно проанализировать именно процессуальную его составляющую, уделив особое внимание законодательной дефиниции, содержащейся, как уже было отмечено в п. 61 ст. 5 УПК РФ. Именно через легальное определение, на наш взгляд, можно детерминировать сущность согласительной процедуры, определив ее предмет и субъектный состав. Семантическое толкование терминов «соглашение» и «сотрудничество», используемых законодателем при определении соответствующей процедуры, вступает в явное противоречие с ее предметом, в качестве которого, согласно анализируемой норме, выступают «условия ответственности». Толковый словарь С.И. Ожегова определяет соглашение как «взаимное согласие, договоренность, устанавливающую какие-нибудь условия, взаимоотношения, права и обязанности сторон», а под сотрудничеством понимается «совместная работа, участие в общем деле», в то время как условие – это «обстоятельство, от которого что-нибудь зависит» [7, с. 700, 972, 984.]. Логично было бы предположить, что, согласно п. 61 ст. 5 УПК РФ, стороны вступают в договорные отношения относительно условий уголовной ответственности, что прямо следует из текста закона. Однако последние четко и однозначно определены в ст. 19 УК РФ, согласно которой уголовной ответственности подлежит вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом возраста. Таким образом, вопрос о предмете соглашения остается открытым. В специальной литературе однозначного ответа на него также нет. Например, следуя логике материального и процессуального компромисса, А.С. Александров указывает, что предметом досудебного соглашения о сотрудничестве может быть «только установление обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность, к которой будет

привлечен обвиняемый по итогам проведенного в отношении него предварительного следствия» [8, с. 4]. И. Звечаровский выделяет несколько элементов, составляющих содержание договора сторон: условия ответственности обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения; действия, которые обвиняемый обязуется совершить с целью раскрытия и расследования преступления; льготы материально-правового характера, связанные с назначением наказания [2, с. 15]. Аналогичной позиции придерживается и Л.Г. Валуева, которая уточняет, что стороны не могут согласовать условия ответственности, они могут лишь избрать соответствующую упрощенную процедуру рассмотрения дела и согласовать границы наказания, на назначении которого будет настаивать обвинение [9, с. 95]. Мы полагаем, что, поскольку согласительная процедура имеет двусторонний характер, то предмет соглашения включает в себя и два вида обязательств – обязательства стороны обвинения (гарантированное законом смягчение уголовной ответственности, выражающееся в назначении судом наказания в порядке, предусмотренном ч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ, а также ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ); обязательства стороны защиты (конкретные действия, которые должен совершить обвиняемый (подозреваемый), направленные на содействие следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличение других соучастников преступления, розыск имущества, добытого в результате преступления).

Регламентируя круг участников согласительной процедуры, законодатель в анализируемой дефиниции использует словосочетание «стороны обвинения и защиты». Анализ процедуры заключения соглашения показывает, что такая формулировка также является не вполне корректной, поскольку включает в круг лиц всех участников уголовного судопроизводства, отнесенных, в соответствии с главами 6 и 7 раздела II УПК РФ, к соответствующей стороне. В то же время заявление обвиняемым ходатайства о заключении соглашения о сотрудничестве является юридическим фактом, который влечет за собой возникновение правоотношений между прокурором, следователем и руководителем следственного органа с одной стороны и подозреваемым (обвиняемым) и его защитником – с другой. С учетом императивного предписания относительно невозможности заключения подобного соглашения при производстве дознания, которое следует из совокупности положений ст. 317.1, 317.2, 317.3, 317.4 УПК РФ, а также разъяснений Пленума Верховного Суда [10], участие дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания вообще не предполагается. Не упоминает зако-

ходатель и частных лиц, находящихся на стороне обвинения (потерпевшего, гражданского истца и их представителей), а также гражданского ответчика и его представителя, находящихся на стороне защиты. Более того, участие следователя и руководителя следственного органа ограничивается начальным этапом согласования условий соглашения. В соответствии с ч. 1 ст. 317.3 УПК РФ следователь принимает решение относительно обращения подозреваемого (обвиняемого) с соответствующим ходатайством, которое он согласует с руководителем следственного органа. После вынесения постановления о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве роль указанных должностных лиц в дальнейшей процедуре становится пассивной. Непосредственными участниками правоотношений, юридически опосредованных подписанием документа – соглашения, являются прокурор, подозреваемый или обвиняемый и его защитник. Именно для обозначенных лиц достаточно четко определены границы целеполагания, определяющие назначение института соглашения о сотрудничестве. Так, цель подозреваемого (обвиняемого) заключается в получении минимально возможного наказания в обмен на предоставление правоохранительным органам значимой для расследования информации. Целью же прокурора как представителя государства будет раскрытие и расследование преступления, розыск имущества, добытого преступным путем.

С учетом изложенного нам представляется, что основным назначением института досудебного соглашения о сотрудничестве, в отличие от его зарубежных аналогов, является стимулирование положительных посткриминальных поступков. Именно оно лежит в основе поощрительного характера согласительной процедуры, как с точки зрения материального, так и с точки зрения процессуального права. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением Л.Г. Татьяниной, которая полагает, что «сделки с правосудием» в уголовном судопроизводстве направлены на обеспечение эффективной реализации назначения уголовного процесса, разумной экономии материальных и человеческих ресурсов,

предоставление возможности обвиняемым оказать помощь органам расследования и суда в раскрытии и расследовании преступлений [11].

Полагаем, что с учетом правовой природы и сущности досудебного соглашения о сотрудничестве, опираясь на сделанные выводы относительно его предмета и субъектного состава, следует определить его как соглашение между прокурором и подозреваемым (обвиняемым), его защитником о применении уголовного наказания в соответствии с положениями ч. 2 ст. 62 УК РФ, в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ в случае выполнения подозреваемым (обвиняемым) взятых на себя обязательств по совершению действий, способствующих раскрытию и расследованию преступлений, изобличению лиц, их совершивших, розыску имущества, добытого преступным путем.

В качестве обобщающего вывода позволим себе отметить, что правоприменительная практика выявила целый ряд проблем, затрудняющих реализацию положений гл. 40.1 УПК РФ и тем самым снижающих эффективность функционирования рассматриваемой дифференцированной процедуры. К числу наиболее острых можно отнести несовершенство законодательной регламентации понятийного аппарата, которое влечет за собой разбалансированность материально-правовой и процессуальной составляющих рассматриваемого правового института. Полагаем, что четкое определение предмета и субъектного состава соглашения следует закрепить на законодательном уровне, изложив пункт 61 статьи 5 УПК РФ следующим образом: «Досудебное соглашение о сотрудничестве – это соглашение между прокурором и подозреваемым (обвиняемым), его защитником о применении уголовного наказания в соответствии с положениями ч. 2 ст. 62 УК РФ, в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 317.7 настоящего Кодекса в случае выполнения подозреваемым (обвиняемым) взятых на себя обязательств по совершению действий, способствующих раскрытию и расследованию преступлений, изобличению лиц, их совершивших, розыску имущества, добытого преступным путем».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ключников С.С. Правовая природа досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский следователь. 2012. № 23. С. 23-24.
2. Звечаровский И. Юридическая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве // Законность. 2009. № 9. С. 14-16.
3. Агаев Р.З. Досудебное соглашение о сотрудничестве в России и других странах // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4 (21). С. 257-259
4. Маслов О.В., Карпов И.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правового регулирования и вопросы порядка применения // Уголовный процесс. 2009. № 9. С. 3-7.

5. Ульянова Л.Т. Субъекты досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский следователь. 2010. № 15. С. 42-45.
6. Головизнин М.В. Природа особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский судья. 2012. № 7. С. 32-25.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 53000 слов / под общ. ред. Л.И. Скворцова. М., 2007. 1200с.
8. Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 3-11.
9. Валуева Л.Г. Уголовно-процессуальные аспекты досудебного соглашения о сотрудничестве // Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы). Воронеж: ВГУ, 2010. С. 92-101.
10. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 // URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 17.04.2016).
11. Татьяна Л.Г. «Сделки с правосудием» в России и США: позитивные и негативные аспекты// base.consultant.ru (дата обращения: 18.04.2016).

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Современные аспекты обеспечения правоохранительной деятельности в России. Четвертые юридические чтения: материалы всероссийской научно-практической конференции Казанского юридического института МВД России 3 июня 2016 года. – Казань: КЮИ МВД России, 2016. – 253 с.

Для научно-педагогических работников, аспирантов и соискателей, студентов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России, практических работников ОВД, всех, кто изучает современные проблемы борьбы с преступностью.

УДК 343.263.2

Н.В. Помошкова**ДОМАШНИЙ АРЕСТ В РОССИИ: ОТ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ
ДО МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ**

В статье рассматривается история возникновения домашнего ареста в России, формы его существования в различные эпохи. Отражены подходы к процедуре исполнения домашнего ареста на всех этапах его существования.

Ключевые слова: домашний арест, наказание, мера принуждения, надзор, мера пресечения.

Домашний арест – возрожденная мера пресечения для российского уголовного процесса.

Как писал Ю.Г. Овчинников, первые признаки домашнего ареста можно было наблюдать в уголовном судопроизводстве Рима периода республики. Обвиняемый подвергался самым необходимым ограничениям, сохраняя право принимать друзей, иметь свою пищу. Фактически уже в это время уголовное судопроизводство познало и решило использовать домашний арест в качестве меры пресечения, еще не называя его в качестве таковой [1, с. 34].

В период с IX в. по первую половину XVIII в. в России домашний арест как самостоятельный институт отсутствовал. Судебники 1497, 1550 гг. вводят такой институт, как «отдача за пристава»: обвиняемые во время следствия и суда находятся под надзором и на ответственности того пристава, за которым они числятся, сидели они либо во дворе или доме пристава либо в помещении суда. К эпохе действия Уложения 1649 г. данная мера почти исчезает, остается заключение в тюрьме [2, с. 319].

Таким образом, в истории России впервые появился значимый признак домашнего ареста: наличие надзора со стороны должностных лиц органов государственной власти за обвиняемым.

Домашний арест как вид наказания был известен по Воинскому артикулу 1716 г. и применялся к старшим офицерам. Надзор за арестантами в соответствии с воинским уставом осуществлял профос (воинская должность в управлении вооруженными силами - армия и флот, существовавшая для нижних чинов до XIX века) [3].

Домашний арест был довольно распространен в XVIII веке. Например, указ о домашнем аресте был

объявлен А.Д. Меншикову 8 сентября 1727 г. генералом С.А. Салтыковым, который именем императора запретил покидать дворец, указ о домашнем аресте графа Михаила Бестужева в 1743 г. Подобные указы означали, что к дому опального наряжался караул, который не разрешал хозяину ни выходить из дома, ни принимать в нем гостей [4, с. 164].

Как содержали людей под домашним арестом, видно из инструкции подпоручику гвардии Каковинскому, приставленному 16 апреля 1740 г. к дому А.П. Волынского. Ему предстояло заколотить все окна в доме, запереть и опечатать все комнаты, кроме одной. В ней и следовало содержать опального кабинет-министра как в камере. Это делалось для того, чтобы «арестант» ни с кем не мог общаться. Дети Волынского содержались отдельно от отца.

Как писал В.С. Измозик: «Посаженного под домашний арест человека содержали в собственном доме как в тюрьме, - под постоянным контролем» [4, с. 165].

Француз Мессельер писал в 1758 г., что посаженного под домашний арест А.П. Бестужева-Рюмина «раздели донага и отняли у него бритвы, ножички, ножи, ножницы, иголки и булавки... Четыре гренадера с примкнутыми штыками стояли безотходно у его кровати» [4, с. 165].

Срок нахождения под домашним арестом не был конкретизирован. В одних случаях он оказывался недолгим – И.Г. Лесток был переведен в Петропавловскую крепость через два дня после того, как ему объявили домашний арест, а А.П. Бестужев-Рюмин находился под домашним арестом 14 месяцев. На стадии домашнего ареста следователи могли приезжать в дом арестованного и допраши-

Помошкова Надежда Владимировна, преподаватель кафедры теории государства и права, международного и частного права Академии ФСИН России

e-mail: nadia.pomoshchikova@mail.ru

© Помошкова Н.В., 2016

Статья получена: 17.02.2016

вать его. После домашнего ареста чаще всего следовала ссылка или перевод в крепость, в тюрьму.

Как писал Н.Н. Розин, одна из задач уголовного процесса России XIX века состояла в ограждении личности, т.е. лицо, привлеченное к суду, пока вина его не доказана в судебном порядке, предполагалось таким же невиновным, как всякий другой, совершенно не соприкасающийся с данным преступным деянием граждан, его личность не переставала быть огражденной правом. Государство, стремясь к обеспечению целей правосудия, допускало в этих целях принудительные меры по отношению к обвиняемому [5, с. 315].

При выборе той или другой меры пресечения органы судебно-следственной власти руководствовались как и строгостью угрожающего обвиняемому наказания, силой улик, так и такими факторами, как состояние здоровья, пол, возраст, положение обвиняемого в обществе [5, с. 326]. Домашний арест на практике почти никогда не применялся в силу трудностей его организации [5, с. 325].

Как писал А.Ф. Бернер, анализируя Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845г., арест есть самый низший вид лишения свободы. Он имеет 4 степени:

Арест на время от 3 недель до 3 месяцев,

Арест на время от 7 дней до 3 недель,

Арест на время от 3-7 дней,

Арест на время от 1-3 дней [6, с. 716].

Ст. 57 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных предусматривала, что дворяне и чиновники, призываемые к наказанию кратковременным арестом, могут по усмотрению суда или начальства быть подвергаемы сему аресту или в тюрьме, или на военной гауптвахте, или в собственном месте жительства, или же в одном из домов ведомства, к коему они принадлежат, будут состоять на службе. В случае назначения домашнего ареста указанным лицам, когда они проживают не в городе, а в уезде, они для его исполнения должны быть вызваны в губернский или уездный город, ближайший к их месту жительства, и там подвергнуты аресту или в собственном доме или же, при его неимении, в частном помещении, нанятом за их счет [6, с. 718].

Ст. 428 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. предусматривала, что до представления поручительства или залога, обвиняемый подвергается домашнему аресту или содержанию под стражей [7, с. 127].

Согласно ст. 56 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1885 г.) приговоренным к аресту за проступки никакого исключения по возрасту не делалось. Приговор, которым обвиненный приговорен к аресту, приводится в исполнение в том месте, где приговоренный имеет постоян-

ное жительство или временное пребывание. Если приговор об аресте не может быть приведен в исполнение по недостатку в месте жительства обвиненного, то суд, решивший дело по существу, обязан заменить определенный арест другим [8, с. 76].

По ст. 57 Уложения лица мещанского сословия, торгующие временно по купеческим свидетельствам, приговариваются к наказанию наравне с лицами купеческого сословия, а потому отбывают арест при тюрьме, а не на дому [8, с. 77].

Арест на военной гауптвахте рассматривался как более строгое наказание, нежели домашний арест. Замена домашнего ареста арестом в городском арестантском доме составляет увеличение наказания.

Правила о помещении лиц, приговоренных к аресту, относятся исключительно к дворянам и чиновникам и не могут быть распространены на другие сословия, например, на почетных граждан.

Под чиновниками понимаются лица, достигшие классов чина на государственной службе, хотя бы эти чины давали только права личного почетного гражданства [8, с. 77].

В период действия Устава Уголовного Судопроизводства 1864 г. профессор В.Д. Кузьмин-Караваев в 1902 г. в своем докладе приводит статистические сведения по уголовным делам относительно числа случаев применения каждой из мер пресечения к осужденным в 1898 г. в общих судебных установлениях и в мировых судах и учреждениях, образованных по закону 12 июля 1889 г. В 1898 г. домашний арест применен к 2 осужденным, в 1889 г. - ни к одному [9].

С принятием «Положения о военных следователях» от 30 сентября 1919 г. домашний арест был упразднен, хотя не на длительный период.

Как мы видим, вплоть до XX века не было четкого определения правовой природы домашнего ареста, он выступал и в качестве наказания, и мерой принуждения.

В 1922 г. был принят первый советский Уголовно-процессуальный кодекс, которым домашний арест вновь был введен в качестве меры пресечения (ст. 147) [10, с. 45].

Без существенных изменений он был воспроизведен и в УПК РСФСР 1923 г.

П.И. Люблинский в практических комментариях к ст. 144 УПК РСФСР 1923 г. отнес домашний арест к мерам лишения свободы, стесняющим личную свободу обвиняемого путем создания препятствий к его выходу из определенного помещения [10, с. 11].

Профессор так прокомментировал нормы, регламентирующие применение домашнего ареста:

1. Домашний арест не должен быть понимаем в смысле абсолютного запрещения выхода лица из занимаемого им помещения. Если такой арест со-

пряжен с назначением стражи, то отлучки из дому возможны с разрешения следователя и в сопровождении стражи. Если стражи не установлено, то домашний арест может быть ограничен обязанностью нахождения в доме в течение вечерних и ночных часов.

2. Эта мера не есть наказание, и пребывание дома должно обеспечивать лишь возможность постоянного надзора нахождения лица на месте, а не лишать его средств посещать место работы, или снискивать себе заработок в течение дня, или вести свои хозяйственные дела вне дома.

3. В отличие от подписки о невыезде, домашний арест прикрепляет лицо не только к определенному району или городу, но и к определенному помещению.

4. Оплата расходов по содержанию стражи при домашнем аресте производится за счет казны, если сам обвиняемый не изъявит готовности принять их на себя.

5. Домашний арест является мерой, пригодной в отношении несовершеннолетних обвиняемых, поскольку надзор родителей является достаточной гарантией реального соблюдения этой меры [10, с. 45].

Случаи применения домашнего ареста не указаны, но можно предположить, что он допустим лишь тогда, когда у следователя или суда нет серьезных оснований опасаться побега, или ввиду тяжелой болезни обвиняемого, лишаящей его и без того возможности отлучиться из дома, или вследствие обязанностей материнства, или ввиду высокого морального доверия к общественному положению или личным качествам обвиняемого [10, с. 48].

Как писал М.С. Строгович: «Мерами пресече-

ния называются те принудительные меры, которые следователь применяет к обвиняемому для предупреждения уклонения обвиняемого от явки к следователю и суду. При применении меры пресечения максимальное значение приобретает принцип целесообразности – следователь избирает ту меру, которая по обстоятельствам каждого конкретного случая является действительно необходимой. Мера пресечения имеет некоторые общие элементы с мерой наказания. Мера пресечения применяется только к обвиняемым, т.е. к лицам, в отношении которых состоялось постановление об их привлечении в качестве обвиняемых. К подозреваемым мера пресечения применялась в исключительных случаях» [11, с. 74].

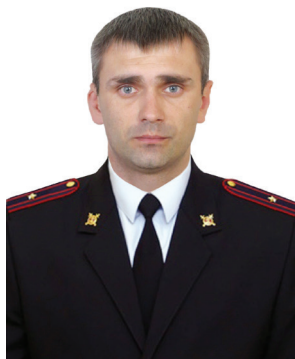
Одним из видов мер пресечения был домашний арест, т.е. изоляция обвиняемого на дому, с назначением стражи или без таковой (ст. 157 УПК), в следственной практике не находила применения. УПК восстанавливает эту меру пресечения, исходя из того, что по ряду дел, по которым нет опасения, что обвиняемый скроется, но необходимо его все же изолировать, чтобы он не помешал ходу следствия, – эта мера пресечения может быть в отдельных случаях целесообразной [11, с. 78].

А.Я. Вышинский отмечал, что домашний арест на протяжении существования до 1960 г. практически не применялся и носил декларативный характер [12].

С принятием Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. мера пресечения в виде домашнего ареста была исключена на 40 лет вплоть до принятия УПК РФ 18.12.2001 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: дис... канд. юрид. наук. М., 2006.
2. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. СПб., 1914. 546 с.
3. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm>
4. Измозик В.С. Жандармы России. СПб., 2002. 336 с.
5. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. СПб., 1914. 546 с.
6. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. СПб., 1865. 916 с.
7. Гессен Я.М. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. СПб., 1914. 452 с.
8. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1885 г.). СПб., 1909. 1111 с.
9. Доклад проф. В.Д. Кузьмина-Караваева «Пресечение способов уклонения от следствия и суда». СПб., 1902. № 22. С. 23.
10. Люблинский П.И. Меры пресечения (Комментарий к ст. ст. 146-164 УПК РСФСР)/ под ред. проф. Н.Н. Полянского и П.Н. Малянтовича. М., 1923.
11. Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1936. С. 74.
12. Вышинский А.Я. Советский уголовный процесс. М., 1938.

УДК 378.095

М.И. Гараев

КЛЮЧЕВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИВАЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ

В статье рассматривается актуальность проблемы формирования различного рода компетенций у будущих выпускников вузов в России и за рубежом в контексте международной образовательной интеграции; обуславливается необходимость исследования факторов, блокирующих их проявление. Представлен опыт оценки ключевых компетенций, а также инструменты и методы оценки сформированности компетенций как результата обучения.

Ключевые слова: инновационное развитие, ключевые компетенции, методы оценки, компетентностный подход, рамки национальной квалификации, международный рынок труда.

Коренные и стремительные изменения, которые происходят в современном мире и часто представляются как этапы становления глобального информационного общества, основанного на компетенциях, одновременно являются и важнейшими факторами, влияющими на трансформацию высшей школы на рубеже веков. Изменяются организационные форматы и роль науки в инновационном развитии государства, обогащаются направления деятельности высшей школы как базового элемента непрерывной системы образования, имеющего социально-профессиональное и культурообразующее значение. От современного вуза сегодня требуется не только реализация образовательно-воспитательных функций, но и подготовка конкурентоспособных специалистов с собственной социокультурной идентичностью, способных адаптироваться к новым экономическим реалиям и обстоятельствам.

Все это актуализирует проблему формирования различного рода компетенций у будущих выпускников вуза независимо от профиля избранной специальности, и любое обращение к данной проблеме с анализом теории и практики их формирования в отечественных гуманитарных науках и за рубежом заслуживает поддержки.

Начнем с определения: компетентность — это степень включенности конкретной личности в ту или иную деятельность [1]. На наш взгляд, здесь можно отметить два важных аспекта для педагогической науки, связанных с пониманием феномена «компетентность». Функция представления о компетенци-

ях и компетентности является оценочно-квалификационной, а не объясняющей. Иными словами, есть некто (преподаватель, эксперт, тьютор), который ведет наблюдение за студентом: как тот проявляет себя в учебных, профессиональных и других ситуациях, и с помощью наблюдения и умозаключений эксперт оценивает и квалифицирует поведение студента.

Однако такого наблюдения достаточно лишь для того, чтобы только весьма приблизительно оценить и ответить на вопрос о том, как глубоко и личностно значимо студент (или группа обучающихся) включен или не вовлечен в социально и личностно значимые процессы и где какие пробелы (проблемы) могут возникнуть.

Второе обстоятельство связано с тем, что познание феноменов «компетентность» и «компетенция» меняют представления о квалификации и оценки уровня ее освоения. Становится важным не наличие у будущего специалиста сформированных знаний и навыков, а возможность и готовность их использовать. В соответствии с вышесказанным представляются устаревшими и принципиально неэффективными большинство традиционных подходов, определяющих, например, «модель» выпускника гуманитарного вуза или колледжа. В контексте современного компетентностного подхода необходимо заранее специально планировать и организовывать ситуации по включению студентов в процессы, имеющие целью формирование компетенций, являющихся результатом процесса обучения.

Современные исследования по формированию

Гараев Марсель Имамудинович, преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности Казанского юридического института МВД России

e-mail: marsel.kalina@gmail.com

© Гараев М.И., 2016

Статья получена: 16.09.2016

компетенций, а не только знаний, умений и навыков (ЗУН), свидетельствуют о том, что обладание только знаниями перестало быть «символическим капиталом», более того, приобретение только знаний не гарантирует успешности на профессиональном и жизненном пути и не указывает перспектив для самосовершенствования и самореализации личности. Исходя из этого, можно сделать два вывода: следует отказаться от знаний как социокультурной формы, и так формировать социокультурное образовательное пространство, чтобы студент, находясь в нем и переходя из одного формата организации общения в другой, приобретал для себя в виде опыта эти переходы, а затем мог доказать, что функционально это лучше, чем просто иметь «что-то в голове» [1, 2].

Теория развивающего обучения, в рамках которой мы ведем свое исследование, исходит из другого вывода: необходимо отказаться не от знаний как формы культуры, а от фиксированной формы знаний - знаний «на всякий случай», то есть просто сведений, и необходимо перейти к иной категоризации того, что представляют собой современные знания. Необходимо, чтобы знания стали средствами преобразований в основных направлениях деятельности современного специалиста. Все действия людей должны носить пробно-поисковый характер, и образовательная организация – это место апробации новых идей, поиска, испытания знаний и способов деятельности.

Анализ специальной литературы [2, 3] показал, что до середины 90-х годов прошлого столетия в российских гуманитарных науках акцент делался на развитие интеллекта. Например, к окончанию обучения в начальной школе это выражалось в выделении трех аспектов мышления как его новообразований: анализа, планирования и рефлексии. Однако затем поменялись социокультурные приоритеты, и сейчас развитие интеллекта важно не как самоцель, а как универсальное и всеобщее «средство выращивания самостоятельности» [2]. Не случайно сегодня большую популярность получили профильные классы и профильные школы, в расписании занятий имеют место часы для индивидуальных консультаций с преподавателями, и лучшие общеобразовательные школы действительно превратились в школы индивидуальных образовательных программ.

Однако еще не все возможности развития самостоятельности обучаемых используются, и прежде всего, в профессиональной школе. Педагогам необходимо научиться создавать внутри образовательного процесса ситуации принятия самими обучаемыми решений по поводу своего образования, то есть необходимо фактическое участие студентов в образовательных процессах.

В ходе нашего исследования было также выяв-

лено, что формирование ключевых компетенций является актуальной проблемой и для европейской профессиональной школы, что связано с так называемым «образовательным бумом», который испытали страны Евросоюза (ЕС) на рубеже веков. Например, если раньше только 15% населения Великобритании получали профессиональную квалификацию, то сейчас число таких людей резко возросло. Это вызвало известные затруднения для педагогической общественности, которые пришлось преодолевать последние 10 лет. Причем проблемы усложняются тем, что в английском языке, а официальный язык Болонского процесса, направленного на создание единой европейской зоны высшего образования и в котором Россия участвует с 2003 года, – английский, используются различные термины в трактовке основных компетенций: сердцевинные (corecompetences), ключевые (keycompetences), основные (basecompetences) компетенции и др. [4, 5].

Одним из значимых результатов европейских педагогов было признание того, что в содержание общего образования должно быть включено также формирование ключевых компетенций, ведь именно они диагностируются и ценятся при поступлении в вузы. Признавая, что у всех абитуриентов есть ключевые компетенции, сформированные пусть и на низшем уровне, высшая школа видит свою миссию в повышении уровня этих компетенций и формировании недостающих.

Большую помощь в отборе необходимых ключевых компетенций могут оказать работодатели. Например, в Великобритании основной причиной утверждения Правительством списка компетенции, необходимых для формирования в образовательном процессе вуза, явились «давление» работодателей и требования повысить конкурентоспособность выпускников на все более глобализирующемся рынке труда на фоне повышения международных стандартов качества профессионального образования. Сегодня требования международного рынка труда таковы, что для выпускников вузов приоритетным является развитие математической грамотности, а также компетенций общей грамотности.

Абстрагируясь от частностей, можно указать, что ключевые (базовые) компетенции реализуют три функции: помогают студентам обучаться, позволяют выпускникам вузов стать более востребованными и соответствовать «социальному заказу» работодателей и помогают студентам быть успешными в дальнейшей жизни и при формировании карьеры [3].

Анализ многочисленной литературы и собственные изыскания авторов позволили сделать вывод, что есть три основных (работа с числом, коммуникации и информационные технологии) и три более широких ключевых компетенции (само-

обеспечение и самопрезентация, работа в команде и решение проблем). Поскольку сформированные компетенции являются результатами обучения, важно, чтобы их формированием были охвачены все студенты, а не только те, кто изучает определенные дисциплины. Следовательно, процесс формирования компетенций должен пронизывать содержание всех предметов на всех уровнях образования, при этом усложняясь от уровня к уровню системы непрерывного образования. Важно, что во многих странах на рубеже веков министерства образования пересмотрели учебные планы и одно из новых явлений – это внедрение ключевых компетенции в образование всех детей в возрастных группах от 2 до 18 лет. При этом отмечена определенная разница в актуальности компетенций для возрастных групп от 11 до 16 лет.

Во многих документах по итогам совещаний стран-участниц Болонского соглашения указывается, что имеющиеся сложности и проблемы в реформировании образования являются общими практически для всех стран, хотя каждое государство по-разному модернизирует свою образовательную систему, придерживаясь при этом общих принципов Болонской Декларации. Часто проблемы сводятся к тому, что уровень сформированности компетенций сегодняшних выпускников недостаточно высок для успешного функционирования в условиях глобализации и интеграции, что стимулирует усиление внимания российской и европейской педагогической общественности к вопросам формирования математической и языковой грамотности (компетенций), начиная с общеобразовательной школы, где эти уроки занимают половину всего учебного времени. Начиная с 2000 года, в ряде стран ЕС были введены общие профессиональные курсы для школьников; в стандартах были сделаны ссылки на ключевые компетенций; в учебные планы были заложены возможности для развития данных компетенции, а также указаны предметы, где ученики могли бы продемонстрировать необходимые компетенции [5, 6]. Это интересный опыт, заслуживающий внимания и изучения для оптимизации реформирования отечественной системы образования.

Необходимо подчеркнуть, что введение формирования компетенций в учебный процесс не является принуждением, однако профессиональные школы и колледжи поощряют сформированность данных ключевых компетенции у студентов, а некоторые университеты могут даже дать дополнительные баллы за проявление таких компетенций на вступительных экзаменах.

В контексте Болонского процесса правительства стран ЕС разработали и ввели в каждой стра-

не рамку национальной квалификации для мониторинга процесса формирования компетенций и диагностики уровня их сформированности. Экзамены, которые европейские школьники сдают в возрасте 16 лет, составляют содержание 1 и 2 уровней. Экзамены продвинутого уровня, которые обучаемые сдают в 18 лет, – это 3-й уровень. Получение бакалаврской степени – это уровень 4. Аспирантура (магистратура и докторантура) и послевузовские курсы – это 5 уровень. Вышеуказанные шесть ключевых компетенций присутствуют на всех пяти уровнях. Однако сегодня в условиях реализации Концепции обучения в течение всей жизни ключевые компетенции следует рассматривать как базовые, основные навыки для дальнейшего развития и обогащения модели компетенций.

Для лучшего понимания механизма введения формирования компетенций в содержание образования хотелось бы остановиться на нескольких примерах. Возьмем, к примеру, компетенцию «коммуникации» на первом уровне. Выделяют 3 этапа в процессе овладения компетенцией: первый – это участие в дискуссиях «один на один» и в групповых дискуссиях в области конкретных предметов. Второй – это чтение и сбор, получение информации. Третий этап – написание двух видов документов, касающихся определенной области знания. Чтобы быть успешным на первом уровне, студент должен продемонстрировать наличие умений, характерных для всех трех этапов.

Еще один пример, касающийся того, как формирование компетенций может стать составной частью обучения конкретным областям знаний. На вопрос: «Что я делаю, когда преподаю точные науки?» – существует очевидный ответ. Когда мы преподаем точные науки, то: а) мы учим студентов оперировать определенным словарем и общаться в определенной ситуации; б) студенты проводят измерения, делают подсчеты, представляют результаты в табличной и графической форме; следовательно, можем давать задания, искать данные, вводить их в компьютер, тем самым мы содействуем развитию информационных технологий. Возможно, мы и не формируем конкретную компетенцию, однако расширяем ее область (например, коммуникативная компетенция в преподавании математики). Иными словами, формирование ключевых компетенций – это не отдельная часть учебного плана, так как процесс формирования компетенций интегрирован в его содержание.

Несомненно, можно обучать студентов в дидактической манере (излагать факты), однако, помогая им развить ключевые компетенции, нужно «отойти в сторону» и дать им возможность работать самостоятельно. Планирование и ведение одного

вида деятельности, освещающего все три уровня компетенции, – это вид работы, который сегодня активно используется как проектный метод.

В заключение остановимся на таком важном вопросе, как оценка ключевых компетенций. Когда используется тот или иной инструмент оценки, то необходимо определить разрыв между достоверностью и надежностью этого инструмента, так как имеются факторы, блокирующие проявление компетенций, например, стресс, часто вызванный ожиданиями окружающих от испытуемого, или предыдущий опыт, не дающий возможность создать такой образ вопроса, который позволил бы дать ответ [6].

Несомненно, оценка – это сложный процесс, который часто педагогом осуществляется интуитивно, однако есть несколько успешных классификаций инструментов оценки, в частности, оценки были проклассифицированы на основании наличия структуры: хорошо структурированные, менее структурированные, неструктурированные. Например, проектный метод, сточки зрения оценки формирования компетенций, – совсем не структурирован. С ростом структурированности вопросов оценка компетенций становится более надежной, простой, объективной и напряженной. Однако при увеличении структурированности вопросов студент менее свободен в выборе ответа, и такой вопрос преподавателю сложнее поставить, сложнее оценить умение выражать что-то, аргументировать, доказывать.

Три основные компетенции (математическая грамотность, коммуникации, информационные тех-

нологии) имеют две формы оценки: первая – тест; вторая – доказательство: работа, которая свидетельствует о конкретных результатах, достижениях учащегося. Для трех более широких компетенций, а также и для оценки других сформированных компетенций студентов нужны более осязаемые и видимые подтверждения того, что студенты могут действовать на их основе, например, портфолио как метод оценки сегодня успешно используется при оценке ключевых компетенций.

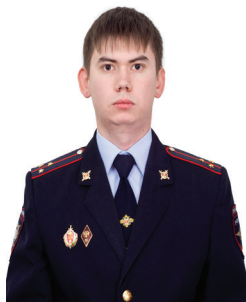
Завершая, укажем, что во всех развитых странах с конца XX столетия происходят радикальные трансформации систем образования, вызванные кардинальными обстоятельствами: отставанием образования от темпов развития других сфер жизни и невозможностью решить проблему массовости образования. Кроме того, культура изменилась по всем параметрам: она перестала быть отраслевой и утилитарной, а стала ассоциативной и «многоголосой» (нет истины на всех одной), отражающей процессы глобализации и интеграции [5, 7].

Несомненно, внедрение идеи компетентностно-ориентированного образования в контексте теории развивающего обучения является одним из перспективных направлений модернизации образования, а понятие «компетенция» как общая способность, основанная на знаниях, ценностях демократического общества и опыте, может успешно использоваться для описания и оценки результатов полученного образования, причем такие результаты могут быть очень разными по содержанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эльконин Б.Д. Педагогика развития: условия целеполагания и результативности // Педагогика развития: становление компетентности и результаты образования. Красноярск, 2004.
2. Зарайченко В.Е. Этнокультурные аспекты формирования дееспособного гражданского общества // Государственное и муниципальное управление: ученые записки СКАГС. 2007. N 2;
3. Трегубова Т.М. Проект «Болонская тетрадь» как инновационный механизм модернизации высшего образования в условиях его глобализации и интернационализации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2011. Вып. № 4.
4. Современный словарь иностранных слов. СПб., 1999.
5. Barrett M., Byram M., Lázár I., Mompoin-Gaillard P. & Philippou S. (edited by J. Huber & C. Reynolds) Developing Intercultural Competence through Education. Strasbourg: Pestalozzi Series No. 3, Council of Europe Publishing, 2014.
6. Byram M. Teaching and assessing intercultural communicative competence. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 2013.
7. Blum L. Multicultural Education as Values Education // Harvard Projects on Schooling and Students. 2010. № 4.

УДК 343

И.Г. Сафаров

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И (ИЛИ) ИНОГО ИМУЩЕСТВА: ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье проведен юридико-технический анализ состава преступления, предусмотренного статьей 172.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Дана общая характеристика объективным, субъективным и квалифицирующим признакам организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества. Акцентируется внимание на проблеме соотношения анализируемого посягательства с мошенничеством как преступлением против собственности.

Ключевые слова: организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, «финансовая пирамида», мошенничество, преступления в сфере экономической деятельности, преступления в сфере экономики.

В обеспечении нормального состояния экономики ключевые роли играют кредитно-банковская, предпринимательская, инвестиционная и финансовые сферы. Обеспечение должного уровня защищенности данных сфер экономики от криминальных проявлений и посягательств имеет важное экономическое и социально-политическое значение.

Одну из наиболее значительных угроз финансовой безопасности государства представляют так называемые «финансовые пирамиды». Деятельность такого рода структур оказывает негативное влияние на российский финансовый рынок и подрывает доверие граждан к финансовым инструментам. Затрагивая интересы значительного количества граждан в различных субъектах Российской Федерации, «финансовые пирамиды» зачастую причиняют многомиллионный ущерб большому числу лиц. Каждый такой случай может стать причиной возникновения социальной напряженности в тех или иных регионах России либо в стране в целом.

Несмотря на существенный ущерб от деятельности «финансовых пирамид», до недавнего времени она признавалась преступной лишь тогда, когда количество вовлеченных граждан исчислялось уже тысячами, а причиненный им материальный ущерб – в миллионах и миллиардах рублей [1, с.84, 2]. В то же время, маскируясь под гражданско-правовые отношения и, как правило, имея латентный характер, деятельность «финансовых пирамид» тяжело выявлялась и раскрывалась на этапе совершения престу-

плений, что усложняло борьбу с ними.

В ходе недавних изменений уголовного законодательства России подготовительная деятельность «финансовых пирамид» криминализована в отдельный состав преступления. Так, Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен нормой, которая предусматривает наступление уголовной ответственности с момента организации деятельности по незаконному привлечению денежных средств и (или) иного имущества в крупном размере. Законодатель пошел по пути одной из современных тенденций правовой действительности – дальнейшему углублению, конкретизации и дифференциации уголовной ответственности. Указанная норма описана в статье 172.2 УК РФ, введенной Федеральным законом от 30 марта 2016 г. № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Юридико-технический анализ состава преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ, позволяет выделить следующие характерные моменты.

1. Позиция законодателя относительно объекта преступного деяния, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ, сформирована таким образом, что основным объектом анализируемого правонарушения признаются общественные отношения, складывающиеся в сфере экономической деятельности. Напомним, что ранее, согласно сложившейся правоприменительной практике, совершение подобного рода об-

Сафаров Ильнур Габделнурович, старший научный сотрудник научно-исследовательского отделения Казанского юридического института МВД России

e-mail: ilnursafarov@yandex.com

© Сафаров И.Г., 2016

Статья получена: 08.11.2016

щественно опасных деяний могло квалифицироваться исключительно по ч. 3 или ч. 4 ст. 159 УК РФ и, соответственно, считаться только посягательством на отношения собственности.

Новый законодательный подход представляется оправданным, поскольку учтено то обстоятельство, что в случае с «финансовыми пирамидами» речь идет о сложных многообъектных криминальных деликтах.

Кроме того, как замечено в современной доктрине, «своего рода прообразом, модифицированным видом мошенничества являются многие правонарушения в сфере экономической деятельности. Они – продукт приспособления криминалитета к усложняющейся экономической организации общества. Хозяйственные преступления, сопряженные с обманом, всегда останутся особой формой подлаживания, приравливания преступности к изменяющимся условиям в экономической сфере. Поэтому и законодатель при сохранении «традиционных» норм о мошенничестве конструирует «новые», которые получают относительную самостоятельность. В силу этого обстоятельства их «родственная» связь с породившими их «пранормами» не всегда очевидна. При этом «нормы-дочки» не охватываются общими положениями «материнской» нормой о мошенничестве в строго юридическом смысле, отражая своеобразные виды экономических преступлений, сходных по своим признакам лишь в части с мошенничеством [3, с. 39-40].

В самом деле, при совершении преступлений против собственности, а именно хищений чужого имущества путем обмана, уголовная ответственность наступает с момента обращения безвозмездно полученного чужого имущества в пользу виновного или иных лиц, причинившего ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. В то время как в конструкциях соответствующих преступлений в сфере экономической деятельности акцент смещен на организацию подобной деятельности, то есть на более ранние этапы преступной активности [4].

Также следует отметить, что усложнение объекта рассматриваемого криминального поведения находится в тесной взаимосвязи с нормами уголовно-процессуального законодательства, а именно со ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Это обстоятельство, в свою очередь, способствует проведению иного порядка предварительного расследования, гуманизации и «частичной декриминализации» уголовного и уголовно-процессуального законодательства России в сфере деятельности «финансовых пирамид», а также возможности возмещения ущерба потерпевшим.

2. Объективная сторона состава преступления,

предусмотренного ст. 172.2 УК РФ, характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, законодателем впервые в положениях главы 22 УК РФ использована категория «организация деятельности». Как известно, данная категория содержится также в статьях 205.5 и 282.2 глав 24 и 29 УК РФ, закрепившись там несколько ранее. Тем самым представляется необходимым раскрыть понятие «организация деятельности», в том числе и применительно к положениям закона о соответствующих преступлениях в сфере экономической деятельности.

В науке под организацией деятельности понимается комплекс целенаправленных действий организатора (или группы организаторов), ориентированных на: создание новой организационной структуры системы; совершенствование существующей организационной структуры системы; реструктуризацию системы (перепланировку частей, упразднение действующих и создание новых технологий и т. д.); техническое перевооружение системы (без изменения существующей структуры и т. д.); расширение действующей системы (на территории действующей организации); эксплуатацию имеющихся систем; реализацию рациональных форм и методов организации разнообразных процессов в пространстве и во времени (информационных, производственных, финансовых и т. п.) [5, с. 55].

В связи с этим заслуживает обсуждения вопрос об уточнении приведенной дефиниции в части «создания юридического лица или без такового». Ведь анализируемое посягательство возможно совершить как под видом юридического лица, так и используя иные организационно-правовые формы коммерческой и некоммерческой деятельности. В том случае, если деятельность будет организована без образования юридического лица, его необходимо дополнительно квалифицировать также по ст. 171 УК РФ.

Во-вторых, на наш взгляд весьма спорным является следующее положение статьи 172.2 УК РФ: «В объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества». Как представляется, данное положение ст. 172.2 имеет весьма оценочный характер, что может позволить избежать уголовной ответственности за данное преступление виновным лицам, равно как и наоборот. Так, при уменьшении сопоставляемого объема субъектом преступления до определённого уровня (например, путем направления некоторой части денежных средств на какую-либо незначительную предпринимательскую деятельность) у виновного лица появляется возможность ссылаться на отсутствие в его действиях состава указанного преступления. В связи с вышеизложенным представляется целесообразной корректировка данного положения ст. 172.2 УК РФ.

Отграничением состава преступления ст. 172.2 УК РФ от административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.62 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, является крупный размер привлечённых денежных средств и (или) иного имущества.

В соответствии с примечанием ст. 169 УК РФ, крупным размером признается стоимость, превышающая два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей.

3. Субъектом преступного деяния по привлечению денежных средств и (или) иного имущества является физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

4. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ, характеризуется умышленной формой вины. Полагаем, что доминирующей мотивацией и целенаправленностью здесь выступает корыстная и иная личная заинтересованность.

5. В ч. 2 ст. 172.2 УК РФ предусмотрен квалифицированный вид вышеуказанного преступного деяния, отличающийся от основного состава предметом совершения преступления, а именно совер-

шением деяния в особо крупном размере.

В соответствии с примечанием ст. 169 УК РФ, особо крупным размером является стоимость, превышающая девять миллионов рублей.

6. Недопустимость безосновательного ослабления уголовно-правовой охраны предпринимательской экономики, – пишет А.Г. Безверхов, – обосновывается тем, что этот тип экономического порядка далек до идеала экономического устройства общества [6, с. 54]. В связи с этим следует поддерживать позицию законодателя, который, наряду со ст. 159, предусматривает в плане усиления уголовной ответственности ст. 172.2 УК РФ.

Подводя итог, необходимо отметить, что новый состав преступления, предусмотренный ст. 172.2 УК РФ, может сыграть весьма положительную роль в эффективном противодействии мошенническим аферам и иным злоупотреблениям в сфере экономической деятельности, что потребует его качественной правоприменительной апробации, с учетом которой необходимо дальнейшее всестороннее исследование и совершенствование соответствующей уголовно-правовой конструкции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савенков А.Н. Уголовная политика и устойчивость кредитно-финансовой системы // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 78-91.
2. Белицкий В.Ю. Анализ определения понятия финансовой пирамиды, предложенного в проекте Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением уголовной ответственности за создание и руководство деятельностью финансовой пирамиды» // Алтайский юридический вестник. 2015. № 1. С. 91-95.
3. Безверхов А.Г. Современные проблемы противодействия мошенничеству: уголовно-политический и правовой аспекты / Материалы VII международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» // Актуальные проблемы юридической науки. Часть II. Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2010. С. 37-44.
4. Кобец П.Н. Совершенствование уголовного законодательства, регулирующего сферу экономики, как одна из задач борьбы с преступлениями и правонарушениями // Алтайский юридический вестник. 2015. № 1. С. 79-81.
5. Гулягин А.Ю. Организация деятельности как комплексное явление // Российская юстиция. 2011. № 5. С. 52-55.
6. Безверхов А.Г. Уголовно-правовая охрана собственности в социальной рыночной экономике // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2014. № 1(15). С. 53-57.

УДК 343.281

В.С. Тасаков**УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО,
СМЯГЧАЮЩЕЕ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ**

В представленной статье показаны основные тенденции развития института условного осуждения в российском уголовном законодательстве как одного из обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность.

Ключевые слова: условное осуждение; уголовный закон; уголовное наказание; уголовная политика.

Действующее уголовное законодательство Российской Федерации содержит различные средства влияния на противодействие преступности. Такие способы обеспечения стабильности охраняемых государственных устоев должны соответствовать имеющемуся уровню развития общественных отношений на определенном этапе развития государства. В противном случае они негативно могут отразиться на общественном развитии и сдерживать прогрессивные, общественно-полезные связи.

Как показывает законодательная практика последних двух десятилетий, российский законодатель обращает особое внимание на выработку новых, современных методов дифференциации уголовной ответственности, включая меры, не связанные с реальным лишением свободы при наличии определенных условий, в том числе и новых форм освобождения от уголовной ответственности [1]. В отдельных исследованиях отмечаются новые направления реализации уголовной политики в сторону ее смягчения [2, с. 140].

Правовое регулирование условного осуждения находит свое проявление не только в национальном праве, но и в отдельных международных документах [3]. Кроме того, в судебной практике Европейского Суда по правам человека на проблемы применения условного осуждения также обращено внимание. Как представляется, важные, с точки зрения правоприменения, обстоятельства заложены в Постановлении ЕСПЧ от 30.06.2015 «Дело «Хорошенко (Khoroshenko) против Российской Федерации», в котором отмечается необходимость при решении вопросов виновности: «9) обеспечивать по возможности скорейшее рассмотрение дел всех заключенных в целях определения возможности ус-

ловного освобождения; 10) предоставлять заключенным условное освобождение с соблюдением предусмотренных законом требований в отношении продолжительности отбытого срока наказания, как только появляется возможность прогноза положительного поведения заключенного; соображения общего предупреждения преступности не должны служить оправданием отказа в условном освобождении; 11) распространять на лиц, осужденных на пожизненное заключение, действие тех же принципов, что и в отношении осужденных на длительные сроки лишения свободы» [4, с. 108].

Среди имеющихся уголовно-правовых мер воздействия на личность преступника в российском уголовном законодательстве условное осуждение занимает особое место. Отметим, что мы рассматриваем институт условного осуждения как одно из обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность. Такой подход обусловлен тем, что среди многих уголовно-правовых институтов действующего УК РФ понятие «уголовная ответственность», включает, кроме уголовного наказания, и иные уголовно-правовые меры, которые, не исключая, могут быть расширены в ближайшей перспективе. Так, например, СКР РФ внес на обсуждение Проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» [5]. В частности, этим законопроектом предлагается раздел VI УК РФ дополнить новой главой 152 следующего содержания: «Глава 152. Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц». Следовательно, смягчающие уголовное наказание обстоятельства включаются в совокупность обсто-

Тасаков Владимир Сергеевич, аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Чувашского государственного университета им. В.И. Ульянова

e-mail: tasakov@mail.ru

© Тасаков В.С., 2016

Статья получена: 16.09.2016

ятельств, смягчающих уголовную ответственность.

На применение норм УК РФ, регулирующих условное осуждение, обращено внимание Верховного Суда Российской Федерации. Так, рекомендации решения вопросов правоприменения условного осуждения указаны в п. 61 – 66 недавно принятого Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [6].

В процессе реализации института условного осуждения применяются не только уголовно-правовые (ст. 73, 74 УК РФ), но и уголовно-процессуальные (п. 6 ч. 2 ст. 229, п. 6 ч. 1 ст. 236, п. 7 ч. 1 ст. 308, ч. 5 ст. 317.7, п. 7 ст. 397, ст. 430 УПК РФ), а также уголовно-исполнительные нормы (глава 24, ст. 187 – 190 УИК РФ). Кроме того, действует перечень ведомственных нормативных актов, детально регламентирующих особенности исполнения наказания в виде условного осуждения [7].

Следовательно, условное осуждение содержит межотраслевую принадлежность. В связи с этим представляется особо актуальным устранение противоречивости разноотраслевых норм, регулирующих условное осуждение. Кроме того, не менее важным является установление тождественности и непротиворечивости сходных норм, которые содержатся в различных кодифицированных актах, вместе с тем регулирующих условное осуждение со своими специфическими признаками.

Коллизия отдельных норм УК РФ, регулирующих условное осуждение, отмечается в юридической литературе. Так, например, по мнению В.А. Авдеева и О.А. Авдеевой, имеются противоречия в определении отмены условного наказания в отношении совершеннолетних и несовершеннолетних осужденных. По их мнению, правовая коллизия может быть решена путем установления единого основания прекращения действия условного осуждения – совершения нового преступления в течение испытательного срока. Предложенный подход позволит исключить противоречия в нормах, предусмотренных ст. 74 и ч. 6.2. ст. 88 УК РФ [8, с. 4].

Уголовно-правовое содержание ст. 73 УК РФ было подвергнуто многочисленным изменениям и дополнениям. Так, например, только за 10-летний период (с 2003 года [1] по 2013 год) было принято семь федеральных законов [9], на основании которых были внесены существенные дополнения в текст ст. 73 УК РФ. Такая динамика свидетельствует об актуальности условного осуждения как эффективного инструмента воздействия на личность преступника.

Действующая диспозиция ч. 1 ст. 73 УК РФ устанавливает определенные ограничения при решении вопроса о назначении уголовного наказания винов-

ному условно. Прежде всего, границы определены видами уголовного наказания: исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы на срок до восьми лет.

Как видно, закон устанавливает еще и пределы размера лишения свободы до 8 лет, то есть кроме особо тяжких преступлений и ограничение тяжких преступлений.

Отметим, что в уголовно-правовой науке содержание института условного осуждения вызывает неоднозначные мнения. Так, например, Н.Е. Крылова отмечает, что «относимые некоторыми учеными [10, с. 56] к иным мерам уголовно-правового характера условное осуждение (ст. 73 УК РФ) и условно-досрочное освобождение (ст. 79 УК РФ) в действительности являются условными видами освобождения от наказания. Например, при условном осуждении уголовная ответственность реализуется в факте порицания виновного лица и его деяния со стороны государства, выраженного в обвинительном приговоре суда, вступившем в законную силу, и судимости в течение испытательного срока» [11, с. 91]. На наш взгляд, условное осуждение, кроме того, следует относить к обстоятельствам, смягчающим уголовную ответственность.

Уголовный закон устанавливает перечень обстоятельств, при наличии которых запрещается применение условного осуждения. В частности, этот перечень условно может быть классифицирован следующим образом:

1. Запрет, относящийся к совершенному преступлению, характера его общественной опасности, вне зависимости от поведения осужденного после приговора (п. «а», «а.1» федерального закона от 05.05.2014 № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

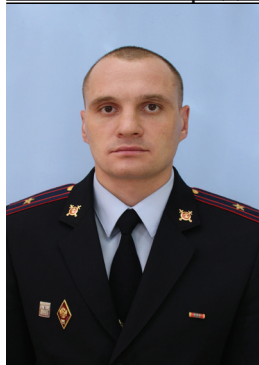
2. Запрет, относящийся к личности преступника и его постпреступному поведению после вступления приговора в законную силу (п. «б», «в» вышеуказанного закона).

Представляется, что такое соотношение оснований запрета применения условного осуждения позволяет разумно осуществлять уголовно-правовое воздействие, учитывая не только личность осужденного, но и опасность совершенного им деяния. Таким образом, современное состояние института условного осуждения направлено на эффективное применение уголовного наказания, достижение его цели и способствует ограничению применения отдельных видов реального наказания, что, в свою очередь, позволяет осуществить новые формы процессов гуманизации и либерализации уголовной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) // Собрание законодательства РФ. 15.12.2003. № 50. Ст. 4848; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Собрание законодательства РФ. 12.12.2011. № 50. Ст. 7362 и др.
2. Епихин А.Ю. Основные направления уголовной политики России на современном этапе // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2012. № 2-3. С. 140 – 145 и др.
3. Статус Европейской конвенции о надзоре за условно осужденными или условно освобожденными правонарушителями (ETS № 51) (Страсбург, 30 ноября 1964 года) > [рус., англ.] // <http://www.coe.int>.
4. Дело «Хорошенко (Khoroshenko) против Российской Федерации» (жалоба № 41418/04): постановление ЕСПЧ от 30.06.2015 [рус., англ.] // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2015. № 9. С. 107 - 141.
5. http://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1133/.
6. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 // Российская газета. 2015. № 295.
7. Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества: приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142 (ред. от 22.08.2014) (зарегистрировано в Минюсте России 25.06.2009 № 14140) // Российская газета. 2009. № 151.
8. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Условное осуждение в контексте современной уголовно-правовой политики РФ // Российская юстиция. 2014. № 5. С. 2 - 6.
9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.
10. Сундуrow Ф.Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве. Казань, 2005. С. 56.
11. Крылова Н.Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. // Закон. 2015. № 8. С. 90 - 107.

УДК 378.14

В.В. Омельянович

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

В настоящей статье рассматриваются вопросы, посвященные порядку выдачи свидетельства о должности служащего обучающимся вузов системы МВД России по очной форме 2011-2014 годов набора (на примере Омской академии МВД России), а также оптимизации критериев оценки деятельности образовательных организаций в рамках мониторинга вузов МВД России по направлению «Образовательная деятельность».

Ключевые слова: мониторинг, свидетельство о должности служащего, образовательная деятельность, МВД России.

Образовательная деятельность вузов системы МВД России напрямую зависит от требований ведомственных нормативных правовых актов. Так, возникают ситуации, когда по отдельным вопросам требуются дополнительное регулирование и разъяснения порядка исполнения заложенных в приказе норм. Кроме того, образовательная деятельность подлежит ведомственной оценке, что также влияет на данный вид работы. Возникающие вопросы требуют обсуждения и выработки оптимальных подходов в решении поставленных задач.

В настоящей статье мы предлагаем рассмотреть варианты оптимизации критериев оценки деятельности образовательных организаций в рамках мониторинга вузов МВД России, а также определить порядок выдачи свидетельства о должности служащего обучающимся по очной форме 2011-2014 годов набора.

О порядке выдачи свидетельства о должности служащего обучающимся по очной форме 2011-2014 годов набора (на примере Омской академии МВД России)

В соответствии с пунктом 57 Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 31 марта 2015 г. № 385, обучающимся за счет федерального бюджета, изучившим дисциплины в объеме программ профессиональной подготовки и успешно сдавшим квалификационный экзамен, выдается свидетельство о должности служащего.

Действующий порядок в полной мере распро-

страняет свое действие на курсантов 2015 года набора. В отношении же курсантов 2011-2014 годов набора механизм разрешения данного вопроса не урегулирован. Вместе с тем данная категория обучающихся в процессе освоения программ высшего образования получила необходимые знания, умения и навыки, формируемые программой профессиональной подготовки.

В письме начальника ДГСК МВД России генерал-лейтенанта внутренней службы Владимира Леонидовича Кубышко, направленном начальникам образовательных организаций системы МВД России 22 декабря 2015 г., вузам предоставлено право самостоятельно определять прохождение обучающимися 2011-2014 годов набора профессионального обучения по программам профессиональной подготовки.

Омской академией МВД России изучен опыт других образовательных организаций системы МВД России. Отдельные вузы придерживаются положений утратившего силу приказа МВД России от 3 июля 2012 г. № 663 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации», согласно которому сотрудники, окончившие образовательные учреждения МВД России по очной форме обучения по программам высшего образования и прошедшие государственную итоговую аттестацию, считаются прошедшими первоначальную подготовку, и заключение о прохождении первоначальной подготовки указанным сотрудникам не выдается.

Омельянович Вадим Васильевич, кандидат юридических наук, врио первого заместителя начальника Омской академии МВД России (по учебной работе)

e-mail: omeljanovichv@rambler.ru

© Омельянович В.В., 2016

Статья получена: 17.09.2016

Большая часть вузов занимает позицию, согласно которой свидетельство о должности служащего обучающимся 2011-2014 годов набора должно выдаваться, при этом проводится переаттестация изученных в процессе освоения программ высшего образования дисциплин, слушатели допускаются к сдаче квалификационного экзамена и по его результатам считаются прошедшими профессиональное обучение.

Омская академия с учетом требований п.п. 3, 4 приказа Минобрнауки России от 18 апреля 2013 г. № 292 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным программам профессионального обучения» считает необходимым разработать для данной категории обучающихся программу профессионального обучения (профессиональной подготовки). При этом следует обратить внимание, что данным приказом допускается сочетание различных форм получения образования.

С учетом изложенного Омская академия МВД отдает предпочтение следующему механизму решения вопроса о порядке выдачи свидетельства о должности служащего:

- разработка и утверждение начальником академии рабочей программы профессионального обучения (профессиональной подготовки) по должности Полицейский для курсантов (слушателей), обучающихся по очной форме по программам высшего образования на основе программы профессионального обучения (профессиональной подготовки) лиц рядового и младшего начальствующего состава, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел (на базе общего среднего и (или) среднего профессионального (неюридического) образования) по профессии Полицейский;

- разработка и утверждение в установленном порядке программы квалификационного экзамена, фондов оценочных средств для сдачи квалификационного экзамена (практические задания, ситуационные задачи, примерный перечень вопросов);

- переаттестация дисциплин, изученных курсантами 2011-2014 года набора в процессе освоения программ высшего образования, допуск обучающихся к сдаче квалификационного экзамена на заседании аттестационной комиссии академии по переводу и восстановлению обучающихся для продолжения обучения по основным профессиональным образовательным программам;

- по результатам сдачи квалификационного экзамена выпускникам 2011-2014 года набора выдаются свидетельства о должности служащего.

С учетом изложенного предлагается использовать указанный вариант порядка выдачи свидетельства о должности служащего обучающимся по

очной форме 2011-2014 годов набора в практической деятельности.

Окритериях оценки деятельности образовательных организаций в рамках мониторинга вузов МВД России

(образовательная деятельность)

Мониторинг федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, находящихся в ведении МВД России, проводится на основании приказа МВД России от 31 декабря 2014 г. № 1153.

В результате проведенного мониторинга деятельности вуза за 2014 и 2015 гг. Омской академией МВД России были сформулированы предложения по оптимизации критериев оценки по направлению «Образовательная деятельность». Так, предлагается учесть следующие позиции:

- рассматривать отдельно по очной и заочной формам обучения показатели среднего балла по результатам сдачи экзаменов государственной итоговой аттестации, по результатам защит выпускных квалификационных работ выпускников, обучавшихся по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры (пп. 4, 5 раздела «I. Образовательная деятельность» приложения № 2);

- показатели среднего балла по результатам единого государственного экзамена по общеобразовательным предметам, среднего балла дополнительных вступительных испытаний кандидатов на обучение рассматривать в качестве информационных, а не в качестве оценочных (пп. 1, 2 раздела «I. Образовательная деятельность» приложения № 2);

- исключить из числа показателей средний балл по результатам защит выпускных квалификационных работ выпускников адъюнктуры (п. 6 раздела «I. Образовательная деятельность» приложения № 2), учитывая, что в соответствии с ФГОС по программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров защита выпускных квалификационных работ для выпускников адъюнктуры (направление подготовки 40.07.01 Юриспруденция) не предусмотрена;

- дополнить перечень показателей мониторинга, включив в раздел «I. Образовательная деятельность» приложения № 2 средний балл по результатам сдачи государственного экзамена, а также средний балл по представлению научного доклада об основных результатах подготовленной научно-квалификационной работы (диссертации) государственной итоговой аттестации выпускниками, проходившими обучение по программам подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре (направление подготовки 40.07.01 Юриспруденция).

- исключить из числа показателей удельный вес численности выпускников адъюнктуры отчетного

и предыдущего года, защитивших диссертации в отчетном году, в общей численности выпускников адъюнктуры в отчетном и предыдущем году (п. 9 раздела «II. Научно-исследовательская деятельность» приложения № 2), так как в соответствии с требованиями ФГОС и Приказа Минобрнауки России от 18.03.2016 № 227 «Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), программам ординатуры, программам ассистен-

туры-стажировки» успешное прохождение государственной итоговой аттестации является основанием для выдачи обучающемуся документа о высшем образовании и о квалификации («Исследователь. Преподаватель-исследователь»). Квалификация «Кандидат наук» по программе подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре (направление подготовки 40.07.01 Юриспруденция) не предусмотрена.

На наш взгляд, корректировка указанных позиций позволит оптимизировать работу по данному направлению деятельности.

**Издания Казанского юридического института МВД России
отмечены дипломами Всероссийского конкурса на лучшее научное издание
в сфере научного обеспечения расследования преступлений**

В Тюменском институте повышения квалификации МВД России прошел Всероссийский конкурс на лучшее научное издание в сфере научного обеспечения расследования преступлений.

На конкурс поступили 32 работы.

1 ноября т.г. были подведены итоги конкурса.

Диплома II степени в номинации «Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» удостоена монография «Механизм реализации права на неприкосновенность жилища в правоохранительной деятельности органов внутренних дел», автор – ст.преподаватель кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД КЮИ МВД России кандидат юридических наук Сайфутдинова Алсу Дамировна.

Дипломом лауреата конкурса отмечена монография доцента кафедры физической подготовки КЮИ МВД России кандидата юридических наук Усманова Ильгиза Миншакировича «Условно-досрочное освобождение осужденных к лишению свободы по законодательству России и практика его применения в Татарстане».

УДК 378.14

И.В. Сидорова**О РЕАЛИЗАЦИИ МЕРОПРИЯТИЙ,
НАПРАВЛЕННЫХ НА ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ
НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИИ**

В статье рассматриваются мероприятия, направленные на повышение эффективности научной деятельности. Раскрыты основные показатели научной деятельности, формируемые при составлении рейтинга вузов МВД России.

Ключевые слова: научная деятельность, эффективность, публикационная активность, научно-представительское мероприятие, рейтинг, мониторинг.

В современных условиях образовательные организации системы МВД России (далее – Министерство) ориентированы на реализацию мероприятий, направленных на повышение эффективности их научной деятельности. Министерством определены целевые показатели для вузов в следующих документах:

в первую очередь – это План мероприятий («дорожная карта») «Изменения в системе подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации, направленные на повышение эффективности образования и науки» на 2014-2016 годы и на период до 2018 года, утвержденный Министром внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцевым 03 сентября 2013 года, разработанный в целях реализации подпунктов «а» и «е» пункта 1 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»;

Мониторинг федеральных государственных образовательных организаций, находящихся в ведении МВД России, утвержденный приказом МВД России от 31 декабря 2014 года № 1153;

Рейтинг образовательных организаций МВД России по направлению «Научная деятельность», разработанный в соответствии с решением расширенного оперативного совещания ДГСК МВД России от 24 января 2013 года.

Основные показатели, предусмотренные всеми указанными документами:

удельный вес численности научно-педагогических сотрудников (работников), выполняющих научные исследования и разработки;

количество завершенных научно-исследова-

тельских работ (далее – НИР);

количество публикаций в научных изданиях, индексируемых в базе данных РИНЦ;

количество организованных и проведенных общероссийских и международных научно-представительских мероприятий;

иные показатели (процент заказных НИР, фундаментальных НИР);

показатели, связанные с деятельностью по подготовке научно-педагогических кадров.

Количество публикаций в научных изданиях, индексируемых в базе данных РИНЦ

В настоящее время анализу публикационной активности научно-педагогического состава вузов МВД России уделяется достаточно большое внимание. Данный критерий является одним из основных при мониторинге деятельности диссертационных советов, аккредитации и лицензировании вуза, составлении рейтинга вузов МВД России по научной деятельности, осуществлении ежегодного самообследования деятельности вуза.

В соответствии с письмом Департамента государственной службы и кадров МВД России от 23 мая 2013 г. № 21/15/4925 вузам МВД России предписано обеспечить регистрацию профессорско-преподавательского состава в библиографической базе данных российских учёных «РИНЦ» («Российский индекс научного цитирования»). Других нормативных актов, разъясняющих порядок работы с библиографической базой данных, нет. Существуют только документы, регламентирующие достижение соответствующих показателей.

Научно-исследовательским отделом Омской академии МВД России ежемесячно проводится мо-

Сидорова Ирина Владимировна, кандидат юридических наук, заместитель начальника научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России

© Сидорова И.В., 2016

Статья получена: 17.09.2016

мониторинг публикационной активности научно-педагогического состава академии. Анализ динамики публикационной активности зарегистрированного научно-педагогического состава показал, что наблюдается рост количества публикаций, а соответственно и других показателей (цитирований и индекса Хирша). Однако положительная динамика основных показателей РИНЦ отстает от роста показателей других вузов МВД России.

Для повышения публикационной активности Омской академией МВД России заключен договор с электронно-библиотечной системой IPRbooks на размещение электронных версий трудов сотрудников академии, что в дальнейшем обеспечит автоматическое индексирование работ в базе РИНЦ. Однако материалы, размещаемые в данной системе, в основном – учебные пособия и монографии.

Достижение соответствующих показателей осложняется тем, что Омская академия МВД России, в соответствии с приказом МВД России от 29 августа 2012 г. № 820 «О профилизации образовательных учреждений МВД России», наделена функцией учебно-научного центра по реализации приоритетного профиля подготовки «Деятельность подразделений уголовного розыска». Тематика планируемых научно-исследовательских работ и научных форумов, ежегодно проводимых в академии, определяется исходя из принципа приоритетного выполнения заданий МВД России, заявок подразделений центрального аппарата МВД России и необходимости обеспечения учебного процесса образовательных организаций МВД России разработками по основным научным направлениям, которые определены в качестве приоритетных для Омской академии МВД России: совершенствование методики раскрытия и расследования отдельных видов преступлений; противодействие насилию; борьба с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ; борьба с имущественными преступлениями; борьба с административными правонарушениями; проблемы профессионального становления сотрудников ОВД. Профильным подразделением МВД России для академии является Главное управление уголовного розыска МВД России. Поэтому часть научно-исследовательских работ, выполняемых в Омской академии МВД России, содержат сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, что объективно не позволяет размещать данные работы в РИНЦ и тем

самым существенно снижает положение академии в соответствующих рейтингах.

Количество организованных и проведенных общероссийских и международных научно-представительских мероприятий

Данный показатель важен для реализации нормативов Мониторинга вузов и Рейтинга научной деятельности. В Рейтинге научной деятельности за каждое мероприятие всероссийского и международного уровня начисляется по 1 баллу. Мониторинг вузов свидетельствует о том, что средняя цифра по вузам МВД России составляет 13,5, то есть в академии ежегодно должно проводиться более 13 научных форумов подобного статуса. Анализ показал, что за последние пять лет в академии проводится 7-8 таких мероприятий. Данный показатель объективно объясняется географическим положением (эта цифра в вузах центрального региона выше), а также сокращением в Министерстве финансирования на командировки. В современных условиях расширение географии участников (в том числе заочное либо в формате видеосвязи) и как следствие повышение статуса научных форумов возможно путем обязательного издания их материалов и размещения в электронной базе для учета в РИНЦ. Однако пока ресурсы академии ограничены количеством редакторов и возможностями типографии.

На 2016 год запланировано проведение 10 научных форумов всероссийского и международного уровней. Достичь среднего показателя 13,5 планируется за счет проведения внеплановых видеоконференций с вузами стран СНГ, а также выступление соучредителями всероссийских конференций, проводимых профильными вузами и факультетами города Омска.

Таким образом, все виды научной деятельности в академии должны осуществляться с учетом требований, предъявляемых МВД России к вузам и к академии в частности, в рамках реализации «дорожной карты», а также Мониторинга вузов и Рейтинга научной деятельности. Всем кафедрам необходимо реализовывать свой научный потенциал с учетом специфики преподаваемых дисциплин; осуществлять научную деятельность, ориентируясь на целевые показатели, определенные для вузов МВД России, наиболее оптимальные для кафедры (проведение фундаментальных и прикладных научных исследований, организация и проведение научных форумов всероссийского и международного уровней).

УДК 378.147

Д.А. Рыбалкин**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОРЕВНОВАНИЙ
ПО БОЕВЫМ ПРИЕМАМ БОРЬБЫ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ
ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ С КУРСАНТАМИ
И СЛУШАТЕЛЯМИ ВУЗОВ МВД РОССИИ**

В статье предложен опыт использования соревнований по боевым приемам борьбы при организации занятий по физической подготовке в ведомственном вузе.

Ключевые слова: боевые приемы борьбы, физическая подготовка, соревнования.

Физическая подготовка является одним из приоритетных направлений деятельности сотрудников полиции. Для решения служебно-оперативных задач сотрудники ОВД используют физическую силу, в том числе применяют боевые приемы борьбы. Умелое и правомерное применение сотрудниками полиции боевых приемов борьбы позволяет эффективно решать возложенные на них задачи. Для этого сотрудник полиции должен в совершенстве владеть боевыми приемами борьбы и при этом быть физически развитым. Современная система профессиональной подготовки сотрудников полиции позволяет решать поставленные на МВД задачи. Однако в системе подготовки имеются некоторые пробелы в методике обучения и в совершенствовании боевых приемов борьбы. Отсутствуют объективные критерии оценки в демонстрации боевых приемов борьбы, а также выявления уровня подготовленности каждого сотрудника к применению боевых приемов борьбы.

Разработанные на кафедре физической подготовки КЮИ МВД России правила соревнований по боевым приемам борьбы можно широко и эффективно использовать в учебном процессе. Правила соревнований по боевым приемам борьбы составлены с учетом требований нормативно правовых актов МВД России, а также на анализе соревновательной практики спортивных видов единоборств. Соревнования по боевым приемам борьбы проходят в пяти связанных между собой турах. Каждый тур направлен на демонстрацию участником владения определенными элементами боевых приемов борьбы. Особенностью соревнований по боевым приемам борьбы является то, что ассистента нужно обязательно задержать (сковать), т.е. произвести ограни-

чение свободы передвижения. Вместе с тем туры соревнований носят прикладной характер физической подготовленности сотрудников полиции.

Апробация соревнований по боевым приемам борьбы проходила в КЮИ МВД России и состояла из четырех этапов. Так, на первом этапе начальникам курсов КЮИ МВД России были разосланы положения о проведении соревнований. В положении были описаны основные требования правил соревнований. Так как это новый вид соревнований и чтобы не допустить травматизма среди курсантов, было принято решение отобрать 32 наиболее подготовленных курсантов. На втором этапе апробации с отобранными курсантами было проведено практическое занятие по требованиям правил соревнований по боевым приемам борьбы. Преподавателями кафедры физической подготовки были проанализированы и продемонстрированы примерные действия участников в каждом туре соревнований по боевым приемам борьбы, а также представлены критерии оценки и определения победителя. На третьем этапе эксперимента для закрепления материала участникам предоставили две недели для подготовки и демонстрации преподавателям примерных действий курсантов в каждом туре соревнований. На четвертом этапе были проведены сами соревнования по боевым приемам борьбы.

Для проведения соревнований все участники соревнований по боевым приемам борьбы разделяются по половым признакам, медико-возрастным группам, а также разбиваются на две группы: бойцов и ассистентов.

Боец – сотрудник полиции (курсант), который выполняет технику боевых приемов борьбы. Ассистент – сотрудник полиции (курсант), который

Рыбалкин Дмитрий Александрович, кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры физической подготовки Казанского юридического института МВД России

e-mail:fisherman1983.df@gmail.com

© Рыбалкин Д.А., 2016

Статья получена: 11.10.2016

создает ситуацию для выполнения (демонстрации) боевых приемов борьбы (осуществляет атакующие действия).

Форма бойца и ассистента: куртка для борьбы самбо, борцовки, шорты. Кроме того, для ассистента – щетки на голень, защитный биндаж (плавки) или неметаллическая раковина, для участниц женщин – бюстгальтер, футболка с воротом до шеи.

Первый тур соревнований по боевым приемам борьбы – «Способы ограничения свободы передвижения ассистента и броски», где требуется продемонстрировать весь комплекс способов ограничения свободы передвижения ассистента, а также выполнение бросков с последующим переводом ассистента на загиб руки за спину. Во втором туре соревнований – «Освобождение от захватов и обхватов» – от бойца требуется продемонстрировать способы освобождения от захватов и обхватов с последующим переходом на способы ограничения свободы передвижения или бросков. В третьем туре соревнований – «Действия в ответ на атаку ударами» – от бойца требуется продемонстрировать способы защиты и контратаки от ударов ассистента руками и ногами. В четвертом туре соревнований – «Обезоруживание ассистента от атаки ножом или палкой» – боец должен продемонстрировать способы защиты и контратаки от ударов ассистента ножом или палкой. В пятом – смешанном туре соревнований – боец должен продемонстрировать владение всем комплексом применяемых боевых приемов борьбы, предусмотренным для изучения сотрудниками полиции. Общее время, отведенное на демонстрацию боевых приемов борьбы, для каждой пары участников составляет 4 минуты. При этом каждый из

участников одну половину этого времени выступает в роли бойца, а другую – в роли ассистента.

В зависимости от тура соревнований боец начинает демонстрировать технику боевых приемов борьбы. Все приемы бойца обязательно должны завершаться загибом руки за спину или проведением болевого контроля. При этом ассистент после завершения приема (или нанесения удара) должен твердо и уверенно принимать исходное положение, а после падения (проведенного броска) должен сразу встать и снова атаковать бойца.

Для обеспечения отдыха и подготовки участников к демонстрациям соревнованиями предусматривается ролевая поочередность выступления пар.

Оцениваются: техника выполнения приема, разнообразность комбинаций приемов, разнообразность применения боевых приемов борьбы, действия ассистента. Участники, которые набрали наибольшее количество баллов, одерживают победу и переходят в следующий круг (тур) соревнований.

Проведенные соревнования показали, что многие курсанты не способны быстро ориентироваться и перестраиваться на разнообразные, быстрые и постоянные атаки ассистента. Возникли сложности в построении комбинаций из ранее изученных приемов. При этом старая система сдачи боевых приемов борьбы по заранее подготовленным билетам показала свою неэффективность.

Таким образом, по нашему убеждению, проведение соревнований, как отдельно, так и по отдельным разделам боевых приемов борьбы, способствует наиболее глубокому пониманию техники боевых приемов и ориентирует курсантов на доведение выполнения боевых приемов борьбы до автоматизма.

Е.В. Рогова

РЕЦЕНЗИЯ

**на рукопись монографии Ефремовой Марины Александровны
«Уголовная ответственность за преступления, совершаемые
с использованием информационно-телекоммуникационных технологий»**

Работа М.А. Ефремовой является комплексным монографическим исследованием проблем уголовной ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Комплексный характер обусловлен тем, что автор не ограничился исследованием только проблем уголовно-правового регулирования ответственности за указанные преступления, а рассмотрел их в совокупности с общеправовыми вопросами определения компьютерной информации как объекта права, а также международным правовым регулированием ответственности за компьютерные преступления. Из содержания работы читатель подчеркнет сведения о том, что понимается под информацией в современном мире, о понятии и видах компьютерных преступлений и иных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, о дифференциации уголовной ответственности за указанные преступления в странах с различными правовыми системами.

Комплексный характер работы прослеживается еще и в связи с тем, что в настоящее время обеспечение безопасности информационных отношений является задачей не только уголовного права, но и других отраслей права, т.к. данные отношения касаются практически всех сфер человеческой деятельности.

Монография М.А. Ефремовой является актуальным, самостоятельным и завершенным научным исследованием современных аспектов уголовной ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в условиях интеграции правовых систем. При этом вступление человечества в XXI век сопровождается осознанием необходимости дальнейшего внедрения компьютерных технологий в процессы жизнедеятельности общества как основы развития земной цивилизации. Очевидно, что информатизация охватила все стороны общественной жизни. Сегодня невозможно представить нормальное функционирование различных организаций, производственную дея-

тельность, государственное администрирование, финансовый менеджмент и иные процессы без наличия системы компьютерного обеспечения.

Интегрирующим фактором служит в настоящее время развитие научного интереса к сравнительному правоведению. Проникновение правовой системы России в систему основных международных пактов и конвенций, регулирующих вопросы ответственности за компьютерные преступления, обуславливает не только инкорпорацию заложенных в них правовых принципов и стандартов в уголовное законодательство России, но и их реализацию в правоприменительной практике с учетом особенностей отечественной системы права, о чем справедливо пишет автор на страницах своей работы.

В монографии совершенно обоснованно подчеркивается, что государство обязано обеспечивать безопасность информационных отношений, складывающихся в обществе. Несанкционированное вторжение в компьютерные сети, модификация и блокирование информации, совершаемые как из корыстных, хулиганских, так и любых других побуждений, причиняют значительный ущерб не только непосредственным пользователям и потребителям информации, но и государственным интересам и даже международным. Помимо прямого материального, организационного вреда, дестабилизируется состояние самого общества. К сожалению, данное утверждение носит отнюдь не декларативный характер. Известные проникновения посторонних лиц в банковские базы данных, в информационные системы военных ведомств создают реальную угрозу безопасности стран и их населения.

Правильный подход М.А. Ефремовой к определению задач уголовного законодательства в области уголовно-правовой охраны информационных отношений дал возможность автору проанализировать нормы уголовного права, устанавливающие ответственность за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, с точки зрения их соответствия Конституции Российской Федерации и междуна-

Рогова Евгения Викторовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России»

© Рогова Е.В., 2016

Статья получена: 19.10.2016

родным правовым актам и высказать свои предложения по совершенствованию указанных норм.

Нарушения установленного порядка оборота компьютерной информации были криминализованы в положениях отдельной главы Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) – «Преступления в сфере компьютерной информации». Подобное положение вещей, на наш взгляд, свидетельствует о стремлении законодателя адекватно отражать потребности общества в уголовно-правовой охране данной сферы.

Вместе с тем глубокий и всесторонний анализ, проведенный автором, свидетельствует о том, что далеко не все аспекты изучаемой области тщательно урегулированы действующим уголовным законом. Одним из наиболее слабых звеньев в уголовно-правовой охране интересов информационной безопасности, как указывает автор, является система содержащихся в главе 28 УК РФ норм. Положения уголовного законодательства, содержащиеся в ст.ст. 272-274 УК РФ, не всегда соответствуют отраслевому законодательству, непротиворечивы с точки зрения юридической техники и не обладают должным профилактическим потенциалом. Это создает трудности применении указанных норм на практике. При криминализации отдельных деяний не в полной мере учитывается их общественная опасность. Более внимательный подход требуется и к определению отдельных признаков, дифференцирующих уголовную ответственность при конструировании квалифицированных составов указанных деяний.

С учетом сказанного представляется актуальным изучение проблем эффективности, юридической природы, классификации и практики применения, а также выработки научно-обоснованных рекомендаций по совершенствованию действующих уголовно-правовых норм, обеспечивающих безопасность в сфере обращения компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных технологий.

Теоретическая значимость исследования, проведенного автором монографии, возрастает на фоне отсутствия в отечественной юридической науке комплексных исследований вопросов уголовно-правовой охраны информационных отношений, правовой и практической неразработанности вопросов, связанных с использованием и защитой компьютерной информации, противоречивостью и несогласованностью некоторых положений уголовного закона. Несмотря на имеющиеся работы, в которых рассматриваются более конкретные вопросы, например, касающиеся уголовной ответственности за компьютерные преступления, положения главы 28 УК РФ, а также другие нормы уголовного закона, регулирующие ответственность

за иные преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, требуют изучения, в том числе, и с точки зрения их социальной обусловленности.

К числу несомненных достоинств работы можно отнести использование автором обширного научного и нормативного материала по вопросам обеспечения информационной безопасности, глубокое изучение и анализ следственной и судебной практики.

Структурно монография «Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» включает в себя введение, четыре главы, заключение и список библиографии. Предложенная структура работы представляется логичной и отвечает заявленной цели и поставленным автором задачам.

Правильно избранные методологические основы и методика исследования, в частности, материал, изложенный в первой главе работы «Методологическое исследование преступлений в сфере компьютерной информации», а также разносторонняя эмпирическая база позволили автору сформулировать важные выводы и предложения, направленные на дальнейшее реформирование уголовного законодательства России в целях оптимизации уголовно-правовой охраны информационных отношений. Знакомство с монографией позволяет убедиться в том, что большинство из них заслуживает безусловной поддержки.

Вторая глава работы «Юридическое исследование составов преступлений в сфере компьютерной информации» посвящена уголовно-правовому анализу конкретных составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 272, 273, 274 УК РФ. Автор приходит к обоснованным выводам с учетом проведенного анализа, что данные нормы нуждаются в совершенствовании.

Третья глава «Иные преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и их законодательная регламентация» включает в себя два параграфа. Первый из них посвящен рассмотрению вопросов, связанных с хищениями с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Данный параграф представляет научный и практический интерес с точки зрения изучения введенной на так давно в УК РФ ст.159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации», которая вызвала многочисленные споры у российского юридического сообщества. В связи с этим выглядит интересным предложение автора об исключении ее из УК РФ, но в то же время дополнение ряда статей, предусматривающих уголовную ответственность за преступления против собственности

соответствующим квалифицирующим признаком.

Четвертая глава монографии «Преступления в сфере компьютерной информации по зарубежному законодательству» посвящена зарубежному опыту дифференциации уголовной ответственности за данные преступления. Подробно анализируя уголовное законодательство по рассматриваемой проблеме отдельно взятой страны, автор высказывает предложения о заимствовании положительного зарубежного опыта.

Общеизвестно, что компьютерная преступность давно вышла за пределы государственных границ, приобрела транснациональный и организованный характер. Поэтому бороться с ней государству в одиночку становится непод силу. Необходим целый комплекс мер международно-правового характера. Для этого М. А. Ефремова предлагает принять предложенный Российской Федерацией проект Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности, который должен ликвидировать противоречия, вызванные некоторыми положениями Конвенции Совета Европы о киберпреступности.

Монография адресована профессорскому и преподавательскому составу, научным сотрудникам, аспирантам, студентам, слушателям юридических вузов и научно-исследовательских организаций для

использования в образовательном и научно-исследовательском процессах по проблемам обеспечения информационной безопасности. Кроме того, она предназначена для использования практическими работниками следственных органов, органов дознания и прокуратуры в их профессиональной служебной деятельности и по линии служебной профессиональной подготовки. Монография может оказаться полезной и всем тем, кто пользуется компьютером.

Работа М. А. Ефремовой, несомненно, вносит вклад в развитие современной доктрины уголовного права, ряд идей автора могут быть положительно оценены со стороны законодателя и восприняты им в правотворческом процессе, направленном на совершенствование норм уголовного законодательства. Полученные автором результаты указывают на научную состоятельность и новизну исследования. Выводы служат расширению теоретических представлений об общественных отношениях, складывающихся в связи с обеспечением информационной безопасности.

Труд, проделанный автором, вносит определенный вклад в решение поставленных задач по обеспечению уголовно-правовой охраны информационных отношений.

**ВИКТОРУ ПАВЛОВИЧУ
МАЛКОВУ 85 ЛЕТ**

*8 октября исполнилось 85 лет
профессору кафедры уголовного права
заслуженному деятелю науки
Российской Федерации и ТАССР,
доктору юридических наук, профессору
КЮИ МВД России
Малкову Виктору Павловичу.*

Виктор Павлович с 2013 года является профессором кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России, а также членом ученого совета института. В КЮИ МВД России под его руководством провели диссертационные исследования и уже получили степень кандидата юридических наук адъюнкт кафедры уголовного права Гарипов Т.И. и Усманов И.Ш. К тому же многие ученые нашего вуза свою научную деятельность начинали под его чутким руководством. Так, Виктор Павлович являлся научным руководителем Гарафутдинова Марата Рафиковича, Крыловой Елены Сергеевны, Петровой Ирины Степановны, бывшего заместителя начальника института Демидова Виктора Николаевича, Мазуренко Павла Николаевича, долгие годы работавшего в нашем институте на кафедре криминалистики.

Малковым Виктором Павловичем опубликовано порядка 300 научных и учебно-методических работ, в том числе 15 монографий, более 40 учебников и научно-практических пособий, учебно-методических разработок, среди которых особо следует отметить трёхтомный комментарий к Уголовному кодексу России, вышедший в 2016 году, подготовленный в соавторстве с такими учёными, как Епихин А.Ю., Демидов В.Н., Изосимов С.В., Кругликов Л.Л., Лопашенко Н.А., Сверчков В.В., Тихонова С.С. В 2014 году также в соавторстве с рядом авторитетных учёных им был переиздан учебник «Уголовное право России. Общая и Особенная часть» (третье издание).

Спектр научных интересов Малкова В.П. не ограничен вопросами его диссертационного исследования – множественности преступлений. Как представитель высокой науки, своими разработками он охватывает множество тем не только уголовно-правовой сферы, но и уголовного процесса, а также ряда других дисциплин.

Становление научного пути В.П. Малкова на-

чалось в июне 1956 г., когда он с отличием окончил юридический факультет Казанского университета и по распределению был направлен на работу в органы МВД г. Куйбышева (ныне Самара), где с августа 1956 г. до 15 октября 1962 г. работал на должностях оперуполномоченного уголовного розыска, следователя, старшего следователя, начальника следственного отделения и начальника районного отдела внутренних дел. За успехи в работе награжден значком «Отличник милиции».

В октябре 1962 г. бывшим деканом юрфака профессором А.Т. Бажановым он был приглашен на научно-педагогическую работу в Казанский университет.

В августе 1966 г. руководством Казанского университета был направлен в годичную целевую аспирантуру по кафедре уголовного права на юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, где под научным руководством профессора Г.А. Кригера в июне 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Повторность преступлений по советскому уголовному праву: понятие и уголовно-правовое значение».

По возвращении в Казанский университет В.П. Малков был избран заместителем секретаря парткома КГУ и в этой должности на освобожденной основе работал с октября 1968 по октябрь 1970 гг., одновременно на полставки работал доцентом кафедры уголовного права и криминологии.

В апреле 1972 г. был избран деканом юридического факультета и в этой должности работал три срока (11 лет). В 1979 г. за успехи в научно-педагогической и организаторской деятельности награжден орденом «Знак Почета».

В январе 1975 г. в Московском госуниверситете им. М.В. Ломоносова защитил докторскую диссертацию на тему «Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву», которая была выполнена при научном

консультировании д.ю.н., проф. Г.А. Кригера.

В ноябре 1975 г. по инициативе ректора проф. М.Т. Нужина был избран заведующим кафедрой уголовного процесса и криминалистики, а в декабре 1982 г. – заведующим кафедрой уголовного права и криминологии и в этой должности работал до 1 января 1998 года.

В 1978 г. Виктору Павловичу присвоено ученое звание профессора по кафедре уголовного процесса и криминалистики. В октябре 1981 г. присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Татарской АССР».

В июне 1993 г. избран действительным членом (академиком) Международной академии наук высшей школы. В 1994 г. Указом Президента РФ был назначен членом Научно-консультативного совета по правовой реформе при Президенте РФ, в составе которого работал более четырех лет.

После увольнения из Казанского университета В.П.Малков некоторое время работал заведующим кафедрой публичного права в Марийском

государственном университете. В январе 2000 г. был приглашен на работу в Институт экономики, управления и права в г. Казани на должность профессора, а затем и заведующего кафедрой уголовного права и процесса.

Виктором Павловичем подготовлено более 70 кандидатов юридических наук, 11 докторов юридических наук, большей части из которых в настоящее время присвоено учёное звание профессора. Его активная деятельность распространилась на представителей вузов и НИИ Татарстана, Башкортостана, Удмуртской Республики, Чувашской Республики, Самарской области, г. Москвы и зарубежных стран. Он является заместителем председателя диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Самарском государственном университете, членом Комиссии по вопросам помилования при Президенте Республики Татарстан с момента ее создания, член Общественного совета при МВД Республики Татарстан.

Творческому пути профессора В.П. Малкова был посвящен прошедший 7 октября в Казанском юридическом институте круглый стол на тему «От повторности правонарушений к множественности преступлений».

Модераторами круглого стола выступили заместитель начальника института по учебной работе к.ю.н., доцент М.Р. Гарафутдинов и заместитель начальника института по научной работе к.и.н., доцент С.Н. Миронов. В его работе приняли участие профессорско-преподавательский состав Казанского федерального университета, Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, преподаватели и адъюнкты нашего института.

Основные этапы жизненного пути выдающегося юриста осветил заместитель начальника института по учебной работе к.ю.н., доцент Марат Рафикович Гарафутдинов в своем выступлении на тему

«Творческий путь профессора В.П. Малкова».

С докладом «Административная преюдиция в современном уголовном праве» выступила заведующая кафедрой уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета доктор юридических наук, профессор Мария Вячеславовна Талан. Надо отметить, что В.П. Малков был одним из основателей разработки данной категории уголовного права.

Декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева доктор юридических наук, профессор Артур Геннадьевич Безверхов изложил в своем докладе актуальные проблемы применения уголовного законодательства России об ответственности за вымогательство.

Особое внимание А.Г. Безверхов уделил юридическому анализу таких конструктивных признаков вымогательства, как его основной и дополнитель-

ный объекты, предмет этого преступления, потерпевший от вымогательства, момент окончания соответствующего посягательства и др., а также отграничению вымогательства от хищения чужого имущества и других смежных преступлений.

Не остались без внимания и процессуальные аспекты применения уголовного законодательства. Так, и.о. заведующего кафедрой уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета кандидат юридических наук, доцент И.О. Антонов и доцент той же кафедры кандидат юридических наук М.Е. Клюкова выступили по проблемам приостановления производства по уголовному делу.

Ассистент кафедры уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета кандидат юридических наук Ю.С. Норвартян остановился на криминологических основаниях установления уголовно-правового запрета на заражения инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих. В докладе были рассмотрены типичность, распространенность и динамика посягательств, совершаемых при заражении инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, которые характеризуются автором в качестве криминологических оснований криминализации уголовно-правового запрета.

адъюнкты нашего института: к.ю.н., доцент А.Е. Шалагин, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права; Е.П. Шляхтин, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности; к.ю.н. О.В. Артюшина, старший преподаватель кафедры уголовного права; к.ю.н. Э.Д. Шайдуллина, заместитель начальника кафедры уголовного процесса, а также адъюнкты-воспитанники В.П. Малкова Д.Р.: Ахунов, А.В. Лепихин, М.-В.Е. Толстая, А.Д. Шарапова.

Материалы выступлений участников круглого стола размещены на страницах электронного журнала «Ученые записки Казанского юридического института МВД России» (2016, том 2; www.uzkui.ru)

Научно-исследовательское отделение

Перечень статей, опубликованных в 2016 году

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Белоусов К.Ю., Кудряков И.О. Потребление алкоголя несовершеннолетними петербуржцами, находящимися в социально опасном положении. №2. С. 23-27.

Комлев Ю.Ю. Теория стигматизации: генезис, объяснительный потенциал, значение. №2. С. 6-14.

Невирко Д. Д. Особенности влияния социальных практик на развитие наркоситуации в российском обществе. №3. С. 6-11.

Шинкевич В. Е. Молодежный экстремизм как фактор возникновения террористических угроз в обществе: социально-философский аспект. №3. С. 12-15.

Шипунова Т.В., Фомина Д.В. Гендерные особенности девиантного поведения и конструирование его рисков в студенческом дискурсе. №2. С. 15-22.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Белов Е.А. Изучение неформальной занятости населения в динамике статистического анализа и качественных методов исследования. №1. С. 11-15.

Грачев С.И., Мольков С.Н. Современный международный терроризм: реальность и проблемы противодействия. №2. С. 32-35.

Демидов В.Н. К вопросу о месте и роли конституционных (уставных) судов в региональной системе обеспечения безопасности. №4. С. 6-10.

Иглин А. В. Налоговое право Евросоюза. №3. С. 16-21.

Карнаушенко Л.В. Расовая и марксистская теории государства в социальной реальности начала XXI в. №1. С. 6-10.

Кашкаров А. А., Заброда Д. Г. Локальное нормотворчество как средство формирования и обеспечения реализации корпоративной антикоррупционной политики. №3. С. 22-29.

Елфимова Е.В., Коркин А.В. Особенности обеспечения законности при применении сотрудниками полиции мер административного принуждения. №4. С. 17-25.

Кравцова Е.А. О некоторых проблемах формирования системы государственных органов в Российской Федерации. №4. С. 11-16.

Курникова С.С. Понятие и признаки гражданско-правовой ответственности как меры государственного принуждения. №4. С. 29-32.

Микерин А. А. Специфика исторического развития России в концепции культурной истории П. Н. Миллюкова. №3. С. 30-32.

Салтыков К. Г. Особенности использования термина «договор» в юридическом языке и тексте. №3. С. 33-36.

Самолысов П.В., Щерба Т.Э. Эволюция антимонопольного законодательства: 2006–2016 годы. №2. С. 36-40.

Селецкая С. Б., Яковлева Е. А. О некоторых особенностях правового статуса супругов и его межотраслевой природе. №3. С. 37-40.

Туровская В.А., Корчагина К.А. Эффективное государственное обеспечение права потребителя на надлежащую рекламу товаров как способ предупреждения причинения вреда здоровью населения (на примере биологически активных добавок). №2. С. 28-31.

Фазлиева Л.К. Гражданско-правовые средства противодействия коррупционным правонарушениям. №4. С. 26-28.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Абдулганеев Р.Р. Некоторые аспекты противодействия проявлениям религиозного экстремизма и терроризма в условиях реализации Федерального закона от 6 июня 2016 г. №374-ФЗ («Закона И.А. Яровой»). №4. С. 40-43.

Артюшина О. В., Усманова Н. М. Объект незаконного оборота новых потенциально опасных

психоактивных веществ. №3. С. 41-45.

Артюшина О.В. Частичная декриминализация побоев как экономия мер уголовной репрессии. №4. С. 44-46.

Бытко С.Ю. Безработица – локомотив преступности в России. №2. С. 41-45.

Варыгин А.Н. Преступность представителей различного возраста. №4. С. 33-35.

Готчина Л.В., Григорьев А.Г. Правовая оценка управленческих связей координации природоохранной деятельности и взаимодействия в пределах компетенции пограничных органов. №1. С. 16-20.

Гусарова М.В. Незаконность изготовления и оборота порнографических материалов или предметов: законодательная регламентация. №2. С. 46-49.

Демидова-Петрова Е. В. Криминологическое значение информационных факторов в поведении несовершеннолетних. №3. С. 72-74.

Евдокимов К.Н. Актуальные вопросы совершенствования уголовно-правовых средств борьбы с компьютерными преступлениями. №2. С. 62-66.

Иванов П.И., Кузнецов П.Г. Некоторые проблемы борьбы с преступлениями в сфере незаконного оборота леса и лесоматериалов. №2. С. 50-56.

Крылова Е. С. Перспективы применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью с учетом рекомендаций Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58. №3. С. 46-51.

Курсаев А. В., Терехов А. Ю. Уголовно-правовая оценка цензуры. №3. С. 52-56.

Репьев А.Г. Правовое регулирование деятельности по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: федеральный и региональный аспекты (на примере Алтайского края). №4. С. 47-51.

Рогова Е.В. Место учения о дифференциации уголовной ответственности в науке уголовного права. №1. С. 21-25.

Рублев А.Г. Неосторожная форма вины и ее альтернатива в нарушении правил дорожного движения. №2. С. 57-61.

Тимофеева Е. А., Яворский М. А. Проблемы противодействия экстремизму и религиозному радикализму в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран. №3. С. 57-62.

Шайдуллина Э.Д. Контрабанда алкогольной продукции (ст. 200.2 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации. №1. С. 26-29.

Шайдуллина Э. Д. Личность преступника, осуществляющего производство и оборот немаркированных товаров и продукции. №3. С. 63-65.

Шайхутдинова Т.Ф., Малахова Н.В. Правовые аспекты назначения судом административного ареста и его исполнения органами внутренних дел. №2. С. 67-71.

Шалагин А.Е., Усманов И.М. Современная наркоситуация в Российской Федерации: тенденции, прогноз, меры противодействия. №1. С. 30-34.

Шалагин А. Е. Преступность как объект криминологических исследований. №3. С. 66-71.

Шалагин А.Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. №4. С. 36-39.

Шевко Н. Р., Читая З. И. Проблемы определения объективной стороны преступлений, совершаемых с использованием современных информационных технологий. №3. С. 75-77.

Шикула И. Р. Теоретические и практические проблемы определения понятия «беспомощное состояние» в уголовном праве России. №3. С. 78-82.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД и КРИМИНАЛИСТИКА

Богаткина Р.Ш. Уголовно-процессуальные особенности производства отдельных следственных действий с участием иностранных граждан и лиц без гражданства. №2. С. 79-82.

Борков В. Н. Разграничение коррупционных проступков и коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел. №3. С. 83-86.

- Буткевич С.А.** Правовой режим чрезвычайного положения (сравнительный анализ законодательства России и Украины). №2. С. 83-88.
- Грибунов О.П.** Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: отдельные аспекты современного состояния. №1. С. 59-62.
- Демидова-Петрова Е.В.** Формы проявления экстремизма в молодежной среде в современных условиях. №4. С. 75-80.
- Дронова О.Б., Прокофьева Е.В.** Инновационные разработки, предназначенные для технико-криминалистического сопровождения процесса выявления и расследования преступлений в сфере потребительского рынка. №4. С. 60-64.
- Дубровин С.В.** Общие положения габитологии – криминалистического учения о внешнем облике человека. №1. С. 39-47.
- Дубровин С.В.** Система методов, используемых и разрабатываемых в криминалистике. №2. С. 72-74.
- Жуковская И.В., Балеев С.А.** Уголовно-правовое регулирование ответственности за организованные формы совершения преступлений в сфере экономической деятельности. №2. С. 75-78.
- Колосович М.С.** Современные вопросы процессуальной регламентации негласного производства и взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных подразделений. №1. С. 48-53.
- Кулешов Р.В.** Криминалистически значимые особенности субъектов преступлений в сфере экстремистской и террористической деятельности: гендерный аспект. №2. С. 89-92.
- Левченко О.В.** Функции потерпевшего по делам частного обвинения в уголовном судопроизводстве. №4. С. 56-59.
- Музеев А. И.** О мерах по совершенствованию аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью. №3. С. 99-101.
- Набиев Р.Ф.** Некоторые особенности силового противодействия вооруженным экстремистским подразделениям в городских условиях. №2. С. 99-100.
- Нурутдинов И.И.** Опыт и перспективы противодействия ваххабизму в Российской Федерации. №1. С. 54-58.
- Омелин В.Н.** К вопросу организации оперативно-розыскной деятельности по выявлению краж нефти и горюче-смазочных материалов. №4. С. 52-55.
- Сенатов А.В., Чайковский А.А.** Некоторые аспекты использования оперативными подразделениями помощи специалистов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. №4. С. 68-71.
- Стедьмах В. Ю.** Понятие, признаки и основания приостановления производства предварительного расследования. №3. С. 87-92.
- Фазлиева Л.К.** Использование результатов криминалистической экспертизы веществ, материалов и изделий в расследовании преступлений. №2. С. 93-98.
- Хайдаров А. А.** Соединение уголовных дел: актуальные проблемы теории и практики. №3. С. 102-104.
- Хатуева В.В.** Некоторые вопросы детерминации места института реабилитации в системе уголовно-процессуального права. №1. С. 35-38.
- Шайдуллина Э.Д.** Вопросы участия законных представителей несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве. №4. С. 72-74.
- Юнусов А. А., Мазина Н. Н.** Виды решений суда апелляционной инстанции как элемент процесса эффективной апелляционной защиты. №3. С. 93-98.
- Янин С.А.** О некоторых аспектах организации расследования преступлений в сфере исполнения государственного оборонного заказа и в оборонно-промышленном комплексе России. №4. С. 65-67.

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Беляев В.А., Иванова И.А. Социополитические воззрения ветеранов войн в регионе. №1. С. 63-69.

Быхтина Н.В. Актуальность проблемы межкультурной коммуникативной компетенции в современной педагогике высшей школы и в методике обучения иностранным языкам. №2. С. 103-107.

Воронин С.Э., Кузнецова С.М. Психологический портрет организатора преступного сообщества. №1. С. 80-86.

Демин А.В. Совершенствование налоговой культуры как важнейшая предпосылка перехода к «партнерской» модели налогового администрирования. №4. С. 81-85.

Желонкина Е.А. Представление достижений обучающихся в электронной информационно образовательной среде посредством формирования портфолио. №4. С. 86-90.

Илиджев А.А. Понятийно-терминологический анализ общекультурных компетенций во ФГОС по направлению «юриспруденция». №2. С. 114-117.

Коноплева А. А. Актуальные проблемы кросс-культурных взаимодействий в контексте осуществления правоохранительной деятельности. №3. С. 105-111.

Петров В.Е., Мальцева Т.В. Исследование моделей оценивания и прогнозирования имиджа сотрудников дорожно-патрульной службы. №1. С. 70-74.

Свеженцева И.Б. Влияние коллективного взаимодействия на процесс формирования профессионально-нравственной устойчивости курсантов в образовательных организациях МВД России. №1. С. 87-91.

Сироткин Ю.Л. Человек как историческая индивидуальность. №1. С. 75-79.

Хисамутдинов Ф.Р., Марданов Д.Р. Теоретико-прикладной аспект формирования профессионально-специализированной компетенции курсантов юридических вузов системы МВД России. №2. С. 101-102.

Хуснетдинов Г.Р., Карпов Е.Н. Актуальные вопросы совершенствования огневой подготовки. №2. С. 108-113.

Трибуна Молодым

Авдеева Е.В. Инновационное развитие процесса компьютерной психодиагностики на базе автоматизированного рабочего места психолога ОВД PsychoTest. №1. С. 107-110.

Артёмов С.В. К вопросу о законодательном регулировании участия педагога в уголовном судопроизводстве. №1. С. 129-133.

Ахмадуллина А.Ф. Неправомерное использование инсайдерской информации: межотраслевые связи гражданского и уголовного права. №4. С. 91-95.

Бегишев И. Р. Некоторые вопросы противодействия мошенничеству в сфере компьютерной информации. №3. С. 112-117.

Беляев Р.В. К вопросу о детерминации сущности досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе России. №4. С. 101-104.

Бутинов К.В. Роль гражданско-патриотических ценностей в подготовке офицера полиции. №1. С. 116-118.

Гараев М.И. Ключевые компетенции как результат образования в контексте развивающего обучения. №4. С. 108-111.

Казанцев С.Я., Мазуров И.Е. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с хищениями, совершенными с использованием интернет-технологий. №2. С. 135-136.

Казанцев С.Я., Тузлукова М.В. Общие и специальные меры профилактики ятрогенных преступлений. №2. С. 137-138.

Кормильцева С.О. Уголовная ответственность за незаконную организацию и проведение азартных игр. №1. С. 119-123.

Кузнецов Д.В. Виды международно-правовых актов, применяемых при расследовании уголовных дел. №2. С. 127-131.

Лощинкин В.В. К вопросу о юридической природе принудительных мер медицинского характера. №1. С. 92-96.

Марина Е. А. Тактические приемы опроса, применяемые в уголовном процессе США на стадии досудебного производства. №3. С. 118-120.

Нефёдов А.С. О влиянии характеристики личности преступника и его жертвы на раскрытие убийств прошлых лет. №1. С. 111-115.

Нефёдов С.А. Формы и методы организации правового и духовно-нравственного воспитания курсантов и слушателей в системе профессиональной подготовки на примере Казанского юридического института МВД России. №2. С. 132-134.

Помощникова Н.В. Домашний арест в России: от меры наказания до меры пресечения. №4. С. 105-107.

Рашитов Л.Р. Криминологическая характеристика преступлений в сфере незаконной миграции и их предупреждение. №1. С. 124-128.

Русинов И.А. Признаки объективной стороны неправомерных деяний при банкротстве и их уголовно- правовая оценка (ч. 1 ст. 195 УК РФ). №1. С. 103-106.

Саетгараев В.Ф. Взаимодействие органов внутренних дел и общественных объединений в сфере противодействия коррупции. №4. С. 96-100.

Сафаров И.Г. Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества: юридико-технический анализ. №4. С. 112-114.

Сидоренко О.В. Назначение и производство судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела. №2. С. 118-122.

Стадник М.А. Нормы о деятельном раскаянии в истории российского уголовного законодательства и законодательстве зарубежных стран. №2. С. 123-126.

Тагиров З. И. Европейская модель сетевой правоохранительной деятельности: перспективы применения в России. №3. С. 121-123.

Тасаков В.С. Условное осуждение как обстоятельство, смягчающее уголовную ответственность. №4. С. 115-117.

Ураков Д. И. О проблемах оптимальной правовой организации расследования криминального мошенничества в сфере экономической деятельности. №3. С. 124-127.

Хакимов Н. Н. Формы и методы воспитательной деятельности в образовательных организациях МВД РФ: сравнительный анализ основных подходов. №3. С. 128-131.

Черняков С.А. Латентность мошенничеств, совершаемых с использованием банковских гарантий. №1. С. 97-102.

Эргашева З. Э. К вопросу о декриминализации побоев. №3. С. 132-135.

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

Омельянович В.В. О некоторых вопросах образовательной деятельности вузов системы МВД России. №4. С. 118-120.

Рыбалкин Д.А. Использование соревнований по боевым приемам борьбы в учебном процессе по физической подготовке с курсантами и слушателями вузов МВД России. №4. С. 123-124.

Сидорова И.В. О реализации мероприятий, направленных на повышение эффективности научной деятельности академии. №4. С. 121-122.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Агапов П.В. Отзыв о диссертации Дрожжиной Е.А. на тему «Общественная безопасность как объект преступления». №1. С. 134-138.

Рогова Е.В. Рецензия на рукопись монографии Ефремовой М.А. «Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий». №4. С. 125-127.

ЮБИЛЕИ

Виктору Павловичу Малкову - 85 лет. №4. С. 128-130.

ABSTRACTS AND KEY WORDS**Demidov V.N. On the question of the place and role of the constitutional (authorized) courts in the regional security system**

The article reveals the place and role of constitutional (charter) courts of constituent entities of the Russian Federation among the public authorities, vested with authority to ensure security. This article considers the constitutional basis of the allocation of responsibilities for security between the federal state agencies, state agencies of constituent entities of the Russian Federation and local authorities and the system of security regulation that exists in Russia. On this basis, the article highlights special legal measures applied by the constitutional (charter) courts as the actors of security provision.

Keywords: constitutional (charter) courts, national security, legal norms, legal regulation of safety, provision of security, state agencies.

Kravtsova E.A. On some problems of formation the system of state authorities in the Russian Federation

Some problems of systematization of state authorities and classification of various government bodies to the branches of government enshrined in the Constitution, is considered by scientists repeatedly. In this article the author expresses his view on this issue, summarizing and identifying the advantages and disadvantages of proposals for systematization of state authorities expressed by scientists doing research in the field of constitutional and administrative law.

Keywords: constitutional law, public authorities, public authorities, the subsidiary bodies, the system of state bodies, the system of separation of powers, branch.

Elfimova E.V., Korkin A.V. Features of the rule of law in the application of police administrative enforcement

On the example, of the legal regulation of individual measures of administrative coercion, the contradictions in ensuring the legality of the police action are defined. The conclusion about the presence of subordinate normative legal acts of the administrative coercion measures not covered by federal law, which does not contribute to the observance of human rights and freedoms is based.

Keywords: police, administrative enforcement, law, police law.

Fazlieva L.K. Civil-legal means to counter corruption offenses

The article defines approaches to civil regulation of corruption offenses. Recognition of corruption transactions invalidity can serve as one of mechanisms minimizing and liquidating consequences of corruption transactions. The essence of the corruption transaction is revealed.

Keywords: corruption counteraction, recognition of corruption transactions invalidity, legal consequences of invalidity of insignificant transactions, corruption transactions.

Kournikova S.S. The concept and features of civil liability as a measure of state coercion (continued discussion)

The article discusses the concept and features of civil liability as a kind of legal liability. On the basis of a comparative analysis of the positions of different authors about the concept and features of civil liability, the author comes to the conclusion that the most promising direction for further study of the concept and features of civil liability is the analysis of the legal phenomenon place in the system of state coercion.

Keywords: legal liability, protective legal relationship, pursuant of the duties, the civil-legal responsibility of state coercion, civil liability.

Varygin A.N. Crime representatives of different ages

In this article the author discusses the concept of the age of the criminal, criminological significance, given the periodization of the age of the offender, analyzed the criminal activity of persons of different ages.

Keywords: the age of the offender, the periodization of the age of the offender, the criminal activity of criminals of different ages.

Shalagin A.E. Criminological characteristics of the person occupying the highest position in the of the criminal hierarchy

The article gives a criminological analysis of the personality of the leaders of the criminal environment. Reflect their features and characteristics. Special attention is paid to the customs and traditions of the criminal environment. Selected measures of the impact applied to the leaders of criminal communities and criminal authorities.

Keywords: criminal environment, criminal community, a leader, a crime boss, places of detention, prevention, counteraction, criminal subculture.

Abdulganeev R.R. Some aspects of counteraction to manifestations of religious extremism and terrorism in sales terms of the Federal law of 6 June 2016 No. 374-FZ (« The Law I.A. Yarovoy»)

Article is devoted to the analysis of changes of the domestic legislation regarding establishment of additional measures of counteraction to religious extremism and terrorism, and also the most perspective directions of improvement of legal mechanisms of regulation of the sphere of the religious relations.

Keywords: religious extremism, religious hatred or hostility, negative social phenomenon, the constitutional order, security of the State.

Artyushina O.V. Partial decriminalization beating as saving measures of criminal repression

Based on a study of the scientific literature and examples of court decisions the possibility of administrative prejudice as a means of legal technique to the implementation of criminal policy is determined; the changes in the regulation of responsibility for beatings, made to the Criminal Code of the Federal Law of July 3, 2016 № 323-FZ are analyzed.

Keywords criminal policy criminalization and decriminalization criminal and administrative responsibility for the beatings, administrative prejudice, changes in legislation.

Repev A.G. Legal regulation of activities of crime prevention prevent crimes in the sphere of family relations: federal and regional aspects (for example, the Altai Territory)

This paper considers the federal and regional peculiarities of the legal regulation of prevention of offenses in family and domestic relations. On the basis of the analysis of the causes and conditions of their commission the necessity of supplement of the provisions of the Code of Administrative Offences by the norm, assuming responsibility for the acts of hooliganism at home is based.

Keywords: prevention, family and domestic crimes, rowdy, disorderly conduct.

Omelin V.N. On the question of the organization of operational and investigative activities to identify the theft of oil and lubricants

This article discusses the problems associated with the organization identify theft of crude oil and petroleum products, outlines basic directions of search of work in this area.

Keywords: identify theft of oil, fuel, in the field of theft of oil.

Levchenko O.V. Functions of the victim in cases of private prosecution in criminal proceedings

The article deals with the problems of criminal prosecution in the form of a private prosecution. We consider the discussion questions understanding data definitions and claimed that a special prosecutor performs two separate functions: the prosecution and the accusation.

Keywords: private prosecution, the victim, the private prosecutor, the function of criminal prosecution, the accusation function.

Dronova O.B., Prokofieva E.V. Innovations designed for technical and forensic support of the process of detection and investigation of crimes in sphere of the consumer market

The article presents the theoretical basis and practical possibilities of application of modern innovations in the field of science and technology, which can be used during the security check, initial and subsequent investigation, purpose of which is to counter entry to the consumer market of counterfeit goods. The article discusses the possibility of the study of alcoholic beverages in the framework of the operational-search measures and investigative actions, with preliminary research capabilities on the example of the author's application for utility model «Device for the study and identification of alcohol and alcohol-containing liquids.»

Keywords: technical and forensic support, falsification, consumer products, innovation, utility model, rapid methods, alcohols and alcohol-containing liquid.

Yanin S.A. Some aspects of the organization of investigation of crimes in the sphere of implementation of the state defense order, and the military-industrial complex of Russia

The article is devoted to the specifics of the investigation into embezzlement in the sphere of military-industrial complex of the country. Discusses the current practice of crime investigation in this field, examines its shortcomings, and suggests ways of solving them.

Keywords: investigation, re, theft, audit, examination, prevention, control.

Senatov A.V., Tchaikovsky A.A. Some aspects of using specialists' help under implementation of operative-search activity by the operative subdivisions

The article discusses the main forms of use by officials of the bodies exercising operative investigation activity, the help of experts who have scientific, technical or other specialized knowledge. Reveals the implementation of these forms in the course of the practice of operational units.

Keywords: Operative-search activity, operative-search measures, specialist, operative subdivisions.

Shaydullina E.D. Questions of participation of legal representatives of minors in criminal trial

This article is devoted to the analysis of problems of participation of legal representatives of the minor suspects, defendants and victims arising in investigative court practice. On the basis of the conducted research approach according to the solution of the specified questions is offered author's.

Keywords: minors, the suspect, the defendant, the victim, legal representatives, criminal trial, procedural status.

Demidova-Petrova E.V. The forms of extremism in the youth environment in modern conditions

Particularly alarming is the situation in the national republics, where economic and social problems of youth are closely intertwined with identity crisis which is reflected in the spread of radical political and religious views. The manifestation of religious and other extremism in the youth environment at the present stage, acquiring serious proportions, with dangerous consequences for the future of the country becomes one of the threats to Russia's national security.

Keywords: extremism, extremism in the youth environment, young people, national security, ideology.

Demin A.V. Improving the tax culture as an essential prerequisite for the transition to a «partner» of the tax administration model

The author explores the concept of tax culture in the context of transition to a «partner», client-oriented tax administration model. Improving the tax culture of individuals and society as a whole encourages voluntary compliance by taxpayers and increases the efficiency of the state tax collection.

Keywords: tax administration, the tax culture of compliance.

Zhelonkina E.A. Presentation of the achievements of students in the educational environment of electronic information by forming portfolio

The article examines the pedagogical problems of designing an electronic portfolio in higher education, its content, objectives and functions. The analysis of foreign and domestic educational research practice electronic portfolio application. Singles out the main types of portfolio. Particular attention is given to the method of aggregation on the basis of a portfolio of effective data on the professional competence of future professionals.

Keywords: Portfolio, professional competence, electronic information and educational environment, educational trajectories.

Ahmadullina A.F. Misuse of Insider Information: intersectional links of civil and criminal law

This article analyzes the offense of misuse of inside information from the perspective of inter-branch relations of civil and criminal law. Defined by the interaction and interdependence of civil-law and criminal-legal regulation in the elements of a crime. Proposed a comprehensive legal means of maintenance of private and public interests of the subjects of the relations connected with the opposition insider activity.

Keywords: insider information misuse, insider activity, insider, intersectoral communication.

Saetgaraev V.F. Interaction of law-enforcement bodies and public associations in the field of anti-corruption

The article analyses the anti-corruption at the present stage, considered the relevance of joined efforts of the authorities and society in solving urgent problems of interaction of the validity of the internal affairs bodies and public associations in the field of combating corruption.

Keywords: corruption, cooperation, law-enforcement bodies, public associations.

Belyaev R.V. On the question of the determination of the essence of the pre-trial agreement on cooperation in the criminal trial of Russia

The article deals with the conceptual apparatus used by the legislator in regulating the proceedings of the simplified form under Sec. 40.1 of the Code. The ratio of criminal law institute of active repentance and pre-trial agreement on cooperation, are analyzed.

Keywords: cooperation agreement, the accused, assist-adherence races punishment.

Pomoshchikova N.V. House arrest in Russia on penalties to preventive measures

The article discusses the history of house arrest in Russia, its forms of existence at different times. Reflects approaches to the procedure of execution of house arrest at all stages of its existence.

Keywords: house arrest, punishment, coercion measure, supervision, the measure of restraint.

Garaev M.I. Key competences as a result of education in the context of developing training

In this article, the relevance of a problem of different competences' formation of future university graduates in Russia and abroad in the context of the international education integration is considered; the need for factors' research, blocking their manifestation, is caused. The experience of key competences' assessment, and also tools and methods of an assessment of competence formation as results of training is presented.

Keywords: innovative development, key competences, assessment methods, competence-based approach, frame of national qualification, international labor market.

Safarov I.G. Organization of activities on attraction money and (or) other property: legal and technical analysis

The article conducted legal and technical analysis of the crime stipulated in article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The general characteristic of objective and subjective signs qualifying organization of activities on attraction money and (or) other property. A ratio of the analyzed encroachments of fraud as a crime against property was carried out.

Keywords: organization of activities on attraction money and (or) other property, «financial pyramid», fraud, crimes in the field of economic activity, economic crimes.

Tasakov V.S. Conditional condemned as a circumstance mitigating criminal responsibility

In the present article identifies the major trends in the development of probation Institute in the Russian criminal law as one of the circumstances mitigating criminal liability.

Keywords: probation, criminal law, criminal penalty, criminal policy.

Omelyanovich V.V. On some issues of education at higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article considers the procedure of issuing a certificate of a police serviceman to the day department trainees of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia enrolled from 2011 to 2014 (the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia taken as an example). The author dwells on the questions of optimization of criteria used to estimate the work of educational organizations in respect to the monitoring of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the sphere "Education".

Keywords: monitoring, certificate of a police serviceman, education, the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Sidorova I.V. On the implementation of measures aimed at improving the efficiency of the scientific activities of the Academy

The article considers the measures aimed at the increase of the effectiveness of scientific activity. The author exposes the main parameters of scientific activity, formed while ranging higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: scientific activity, effectiveness, printing activity, scientific representative event, ranging, monitoring.

Ribalkin D.A. Using of competitions in martial combat techniques in the educational process on physical training of cadets and students of Ministry of Internal Affairs of Russian universities

In the article the experience with competitions in martial combat techniques in the organization of employment on physical training in state university is analyzed.

Keywords: combat fighting techniques, physical training, competition.

Rogova E.V. A review of the manuscript of the monograph Ephraimova M.A. «Criminal liability for crimes committed with the use of information and communication technologies».

V.P. Malkov - 85 years.

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в журнале «Вестник Казанского юридического института МВД России».

Предоставляемые материалы должны быть актуальными, новыми, иметь научную или практическую значимость.

Журнал издается раз в квартал.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Статья представляется в редакцию журнала в электронном виде.

2. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне).

3. К статье соискателя, адъюнкта, аспиранта должна быть приложена рецензия научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию, подпись рецензента должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

4. Элементы издательского оформления включают:

- сведения об авторе (ах) (не более двух соавторов): фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), контактная информация (e-mail, телефон);
- заглавие публикуемого материала; индекс УДК;
- аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (на русском и английском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи. Ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском и английском языке) должны отражать суть работы, научную новизну.

5. Объем статьи – от 5 до 10 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

6. Технические требования:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, междустрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое – 2,5 см, левое – 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;
- ссылки на источник даются по тексту – в скобках, в виде списка литературы в конце рукописи, оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.

7. Статья должна быть подписана автором, а также в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю»

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие данным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

С каждым автором заключается лицензионный договор о передаче Институту прав на использование представленных им материалов.

Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Экземпляры журнала с опубликованными статьями можно получить путем подписки.

Опубликованные в журнале статьи, согласно требованиям ВАК РФ, размещаются в полнотекстовом виде в электронной библиотеке Российского индекса научного цитирования, а также на сайте Казанского юридического института МВД России.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрустальной Ольгой Николаевной (тел. (843) 537-62-13, электронный адрес vestnikkui@mail.ru).